

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

СИРЕНЕВАЯ КНИГА

или ПРЕДИКТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

18+

ХРОНИКИ
переходного периода
1985-2042

ПОЧТА СССР 1 КОП

Алекс*Pro

Алекс*Pro
СИРЕНЕВАЯ КНИГА*
...хроники переходного периода

Алекс*PRO

**СИРЕНЕВАЯ
КНИГА**

Алекс*Pro
СИРЕНЕВАЯ КНИГА*3
ФЕРМА ЧЕРНЫХ ЛЕБЕДЕЙ

Alex PRO

Сиреневая книга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51352803

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97470-8

Аннотация

Остросюжетная книга-пазл, мозаика, квест. Нелинейное и многослойное повествование о Советском Союзе, нашем времени и новом посткапиталистическом обществе. Не являясь в чистом виде социальной фантастикой или мужским романом, книга рассчитана на широкий круг читателей. Роман большей частью автобиографичен. Несмотря на жестокость времени и грязь декораций, роман наполнен оптимизмом, юмором и любовью к людям. Зачастую к конкретным:-) Эмоциональные качели и стремительно раскрывающиеся грани сюжета заставляют читателя раз за разом возвращаться к ранее прочитанному, стимулируя поиск спрятанных «пасхальных яиц» в тексте, в заголовках, в цитатах, в обложке... В оформлении обложки использованы личные фотографии, рисунки и коллажи автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Книга 1. Предиктивные мемуары	6
Пролог	8
Глава 1. Беседа с командированным	9
Глава 2. Мэй дэй	16
Глава 3. Инсайдер	18
Глава 4. 743–642	23
Глава 5. Мама	27
Глава 6. Брат	28
Глава 7. Медиатор	30
Глава 8. Школа	37
Глава 9. Посылка	39
Глава 10. Презумпция	48
Глава 11. Смерть как благо	49
Глава 12. О пользе дружеских бесед	53
Глава 13. О вреде чтения	55
Глава 14. О соседях, одноклассниках и сослуживцах	63
Глава 15. О жизни на болоте	68
Глава 16. В коридоре	71
Глава 17. Версии	79
Глава 18. Знакомство	81
Глава 19. Будь, что будет	89
Глава 20. Плохой сон	91

Глава 21. Разложение	93
Глава 22. Политинформация	98
Глава 23. Деформация	106
Глава 24. Странные сказки	113
Глава 25. Вопросы целеполагания аборигенов	115
Глава 26. О проблемах субординации и сопричастности	117
Глава 27. Подарок депутатов	121
Глава 28. Кассандер	127
Глава 29. Новости	130
Глава 30. Надежда и будильник	136
Глава 31. Небо Лондона	142
Глава 32. О вопросах потребления	143
Глава 33. Шоколадное предложение	150
Глава 34. В бегах	152
Глава 35. DENON за девять рублей	154
Глава 36. Пресса	159
Глава 37. Конвергенция	163
Глава 38. Триггер	167
Глава 39. О масках и клеймах	170
Глава 40. Вила[17] с вилами	175
Глава 41. В пути	178
Глава 42. Песня без гармонии	182
Глава 43. Губа	185
Глава 44. О жабе и маралах	191
Глава 45. IN CAMERA CARITATIS[23]	204

Глава 46. Беседы комбатантов	207
Глава 47. Угроза	212
Глава 48. О национальном вопросе	214
Глава 49. Лиза	219
Глава 50. Новая Вера	220
Глава 51. Наказание	223
Глава 52. Аверс	225
Глава 53. Шестьдесят девять	228
Глава 54. О реформах	231
Конец ознакомительного фрагмента.	232

Alex PRO

Сиреневая книга

Книга 1. Предиктивные мемуары

Повесть основана на реальных событиях.

ALIAS¹

Здесь нет инопланетян и звездолетов, вампиров и зомби.

¹ **ALIAS** (лат.) – в другое время, в другом месте, в другой раз. **ALIAS** (англ.) – вымышленное имя, псевдоним, позывной

Это – не сказка.

Здесь красавицы не дают задротам и никто не находит чемодан с миллионом...

Здесь с первого удара могут покалечить или убить. Здесь часто убивают безнаказанно. От накопившейся злобы и или зависти.

За слово. За взгляд. За просто так!

Здесь люди умирают мучительно и некрасиво.

Здесь у каждого своя правда и свои мотивы.

Здесь впустую сгорают миллионы жизней, а сотни миллионов разуверились.

Здесь никто не свободен и у всех есть право выбора!

Здесь нет «хороших» или «плохих» героев – это не театр, здесь нет зрителей!

Это – полигон, где чудеса случаются каждый день!

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В РЕАЛЬНЫЙ МИР!

Пролог

– Ты же сказал, что берём только деньги?

– Деньги деньгами! А это то, за что нам... дали возможность их взять. Рули давай в темпе, рули!

– Нихрена себе возможность – два жмура и задница в мыле!

– Это ещё не мыло: мы нормально вышли. Отдаём кому надо посылку, получаем «зелёный билет». И через несколько часов ты уже топчешь песочек.

– Давай поделимся... до посылки? И отдадим не сразу. Заныкаем, место продадим, а? Кстати, чего там? Не даймонды?

– Бумажки... я проверил. Компромат по ходу. Советские еще протоколы, херня всякая. Он же бывший, а бывших не бывает... А вообще, ты прав. Пожалуй, половину я отдам тебе. Вместе с деньгами. С твоей частью. Мало ли! Замотаешь, чтобы я... не знал где. Куда ляжешь – тоже не говори. Телефонами не пользуйся никакими! Даже обычными. Интернетом тоже. А продавать не станем, только подстрахуемся. Выберемся, через неделю от нашей даты, я маякну на почту. Заведу новый ящик, ты в черновиках смотри. Помнишь хоть как? Ну и телевизор поглядывай. Но, надеюсь, в этот-то раз точно повезет!

Глава 1. Беседа с командированным

– Ты знаешь, мы с ребятами не раз спорили на одну тему. Я ее постоянно подкидывал, так или иначе – меня это всегда занимало. И в девяностые, и потом. Вот и ты мне скажи. Ты же, как я вижу, воробей стреляный... За речкой был, так ведь? Вот видишь, рыбак рыбака... И у нас... У каждого свои речки. Значит поймешь.

В-общем, сформулирую так: на ком грех, кто главный мерзавец? Тот, кто нажимает на спуск, или тот, кто отдал приказ? Кто настоящий убийца – киллер-исполнитель, или заказчик, приговоривший жертву?

Солдат – это мыслящий субъект, способный решать, кто останется жить? Или же он объект – машина для убийства, а фактически... наконечник копья, запущенного политиками?

Хороший солдат – это по умолчанию объект, ему не положено обсуждать приказы и задумываться над их целесообразностью. И ведущие религии его обычно оправдывали. А хороший киллер – это только солдат. Без романтики и рефлексий. Но ведь бывает и не война? Или всегда война? Комбатант – не комбатант?

Те же девяностые... Если ты полез в бизнес... или в другой окуп, то ты по умолчанию подписал путевку на охоту. На себя любимого, и на твоих близких. Надеюсь, что может и пронесет. Но многих не пронесло.

А будешь батрачить – уже шансов уцелеть намного больше. Это уже не твоя война. Так... если только зацепит рикошетом... Столкнешься, например, неудачно на дороге с бандюками. А ты не крепкий орешек. Или шефа твоего решат поугатать... и вальнут тебя. Шеф-то нужен, он, напуганный, платить будет, а ты – овца. Точнее баран. Жертвенный.

Надо тогда было для себя все это решить. Кто ты. Воюешь и пытаешься что-то отгрызть или плывешь в общей массе. И что есть грех и непотребство, а что дело богоугодное. В конце концов, должен же кто-то и регулировать. И движение на опасных перекрестках. И численность.

И казалось порою, да что там казалось, уверен я был, что все на этом свете не так просто. Надо кому-то очень высоко, выше, чем ты сейчас подумаешь, чтобы некоторые конченные твари зачем-то жили. Ускользали они самым невероятным образом. Какие-то необъяснимые стечения обстоятельств. Сидишь у своей речки, ждёшь, а мимо проплывают в основном безобидные и просто хорошие люди, которые и гибли-то как-то нелепо. Причем чем чище была их внешняя сторона, тем меньше у них было шансов.

Но я заметил одну вещь. Странную закономерность. Если человек ставил перед собой такую... мощную цель, и шел к ней, невзирая ни на что, то ничто его не брало. Надо только было спокойно и твердо двигаться вперед, как в ледяную водуходишь без дерганий и брызг – быстро и уверенно. Обожгло, но не сковало. И вперед, вперед, без остановок. Это ку-

раж должен быть такой. Азарт, драйв, решимость. Замахнулся – режь! Тогда по лезвию пройдешь, но выживеешь. Главное, настоящая цель должна быть не на войне. А за ней. Война, это я сейчас образно сказал. Она ж разная бывает, в том числе и с самим собой.

У нас был один товарищ... Вообще не рефлексировал. Спокойный как танк! Есть работа – работаем, нет – сидим, ждем. Светит солнышко – хорошо! Пошел дождь – тоже неплохо – посвежело, откроем зонт и идем дальше. Пришла война – надо воевать. Наверное, так и надо. Хотя...

Свои прелести в войне. Как бы это дико не звучало. Острые ощущения затягивают. Все ж, по-настоящему, ставка – жизнь и здоровье. А они, как говорят в страховых компаниях, бесценны. Гормоны играют. Башню сносит. Кто этого не чувствовал, тот не поймет.

Только убить тебя могут насовсем... и за недорого... Особенно в мутные времена.

Это раньше все было сложно – нужно выбрать дистанцию, подойти вплотную, чтобы ударить дубиной, воткнуть нож, поднять на копьё. В глаза смотришь, последствия видишь. Усилия требуются, и физические и психологические. Замахнуться – это одно. А вот ударить... не каждый сможет. Болтать – это да. А вот взять и убить? Тут черта, и большинству ее перейти не просто даже в опасные времена, когда не до сантиментов. Что бы и кто ни говорил.

А как сейчас все стало размыто. Нажать на кнопку, дер-

нуть за шнурок, пустить очередь куда-то в пространство – это уже вроде как бы и не убийство. Я с артиллеристами общался, так там все офицеры такие... умники. Математика, расчеты, интеллигенты, все дела. Они квадраты бьют, морской бой у них, попал – не попал! Они разорванных ими людей не видят.

Я бы антивоенный ролик снял: выстрел из пушки и... вместо снаряда летит такой офицер-белая косточка. Как Мюнхаузен, только с двумя саблями. Подлетает и начинает всех встречных-поперечных этими саблями шинковать. Быстро-быстро. Другой летит, третий... И фарш кругом. И люди хрипят и воют. И стар, и млад. А эти, как на резиночке-тарзанке – раз, и назад за линию фронта. Оп! И второй залп – снова прилетели и рубят-рубят!

Ты видел, майор, как выглядят такие убитые? А после «градов»? А я видел. Я много чего видел и раньше. И колото-резаные, и огнестрел, и сгоревших. Думал, что меня уже сложно чем-то удивить... А оказалось не так. К большому моему сожалению. Вот представь себе лопнувшую голову. И лицо, криво стёкшее на асфальт. Как резиновая маска, нос, губы, уши. Была женщина, а стало... нога там, кишки здесь, голова в кашу. Одежду срывает, мужики яйцами наружу. Все эти гениталии безобразно распухают. Хочется прикрыть. Первая реакция. Защитить их хоть так... от глаз и объективов. Потом привыкаешь. Даже зовешь – вот, смотри сюда, снимай, покажи всем там, что тут творится. Да не

этого, вон там самая жесьть! На дереве, видишь?

И не спасешься, если хорошо накроют. Мало шансов. Это не стрелковка. Я пацаном раньше думал, что контузия – ерунда, по сравнению с ранением. Чего там такого? Ну, уши заложило, да тряхануло, зато руки-ноги целы. Теперь думаю, лучше сквозное, или даже что-то серьезнее, чем эти адские головные боли. И ведь никуда не денешься, как кастрюлю кувалдой на башку набили – не стащишь... Вроде целый, а жить невыносимо. Любой скачок давления, и... хоть стреляйся. А погода здесь стала еще хуже. Я уже рассказывал почему? Тогда потом, в другой раз, я надеюсь, успею.

А прикинь за тех же ракетчиков. Они вообще сидят. Всех дел кнопку нажать – ключ повернуть. Усилий – ноль, а где-то района уже нет. Или страны, если за стратегов подумать.

Вот эта легкость осуществления убийства, это меня до сих пор шокирует. Я подозреваю, что вся эта жестокость в фильмах, играх – это было задумано специально для снижения порога чувствительности. Как это потом почувствовалось. Молодежь, которая нас в два, а то и три раза младше, они ж вообще... зомби. Без берегов. Не все, но очень многие. С обеих сторон, что неудивительно. До первого ранения, впрочем. Собственная боль многих отрезвляла.

Я, когда это понял, стал таких, выявленных среди своих, просто... бить. Обычно не сам – не положено. Было кому. Для профилактики. Находили повод, а это несложно: там не то, что поводов – причин была масса, и по морде. Не в пол-

ную силу. Хотя... по-всякому бывало. Одному я лично средний палец отрубил. Объясняли потом уже. Когда стало понятно, что очнулся... и осознал: тут не игрушки, а реальная жизнь. Причем одна, не сохранишься и не перезапустишься. Береги. И себя, и других.

Но всех не переделаешь. Всегда, во все времена найдутся злодеи. Зачастую и не узнаешь, откуда прилетело. И за что.

В наше время вообще человека нанимать стало не нужно. Есть специальные заряды, среагируют только на тебя. Лежит фугас где-то по пути твоего обычного следования. Проедешь, или пройдешь мимо – конкретно по тебе сработает. Ну, зацепит, может быть, еще кого в твоем направлении. Все ж с чипами. Раньше с персональными мобильными телефонами, теперь с чипами. Разница небольшая. Хоть фольгой обмотайся. Если ты простой смертный – непростые люди тебя на раз... укокошат.

А средства доставки могут быть и мобильные. В девяностые одному генералу на спутниковый телефон целая ракета прилетела, а через тридцать лет моему... знакомому просто... дрон² на машину сел. Скорее всего, сидел себе на крыше дома, питался от солнышка, а как дождался, перелетел на другую крышу. Над головой. Вот и представь – все целы, а у одного пассажира дыра в башке, размером с яйцо.

Спасибо такое... от старого знакомого. Эхо войны, как

² Дрон – от английского *drone* (трутень) – беспилотный летательный аппарат.

сейчас говорят.

Глава 2. Мэй дэй

– Следи, – сказал КВС³, ткнув пальцем на дисплей, – пока тут все ровно. Как минимум еще полчаса, а я «до Ветрова» отойду. Ручонками своими никуда не тычь. Налёт тебе и так идёт. Вон, смотри, на востоке горизонт начинает светлеть, приготовь камеру – снимки будут самое оно!

Он вышел. Молодой закрыл дверь, потянулся, вытянул ноги. Через пару минут он заметил, что автопилот внезапно изменил курс, и арбуз⁴ плавно забирает влево. Звукового подтверждения не последовало. Молодой нажал тангету, связь исчезла. Какое-то время он безуспешно пытался перейти в режим ручного пилотирования и вызвать командира. Дверь в салон оказалась заблокирована. Вдруг последовательно погасли все экраны. Гул турбин несколько изменился. Послышались приглушенные звукоизоляцией неразборчивые крики. Самолет повернул, выровнялся и продолжил горизонтальное движение. Сзади раздались удары в дверь, и молодой сразу все понял. Он схватил чемоданчик, достал отвертку и начал выстукивать в дверь условные коды. Удары из салона прекратились.

Молодой выломал створку технологической перегородки

³ КВС – командир воздушного судна.

⁴ Арбуз («Аэробус»), бобик («Боинг») – летающие иномарки на сленге русскоязычных пилотов.

и заорал в образовавшееся отверстие:

– Командир, нас ведут с земли!

Он не был уверен, что его услышат, вернулся в кресло, перекрестился, достал карандаш и быстро-быстро начал писать...

В полупустом салоне пахло дымом. Фельдъегерь⁵, сидящий на полу в хвосте самолета, прямо в кейсе жег какие-то бумаги. Отблески пламени отражались от потолочных плафонов. КВС со старшим бортпроводником топором пытались выломать дверь в кабину.

⁵ Фельдъегерь – государственный курьер специальной службы, обеспечивающей доставку секретных документов и грузов.

Глава 3. Инсайдер

Я еще никому никогда про это не рассказывал.

События эти произошли давным-давно. Следов их почти не осталось. Возможно, сегодня только я единственный свидетель и, в некотором роде, участник этой невероятной истории...

И, конечно же, сохранились документы. Записи, протоколы, докладные записки. Исписанные мелким трудночитаемым почерком страницы школьных тетрадей, распечатки разговоров с аудио и видео. Масса сухих и зачастую малосодержательных официальных бумаг. Разные даты. Разные следователи. Непонятных званий и должностей лица с простыми незапоминающимися фамилиями. Сергеев. Кузнецов. Смирнов. Александров. Грифы. Штампы.

Часть документов, очевидно, была изъята, но в других сохранились ссылки на некие беседы № 17 или протокол 4-б. Некоторые листы намертво склеились, видимо, будучи залиты какой-то жидкостью. Прочсть можно было только одну сторону. Иногда, на просвет разобрать и вторую. Попытки разделить оказались бесполезной тратой времени и пара.

Самое странное, что коробка с этими бумагами провалялась у меня в гараже несколько лет. Я давал себе обещания когда-нибудь с ними ознакомиться, но... Время бы-

ло такое... Не до утоления любопытства. Требовалось как-то выживать и что-то зарабатывать.... Да и не заморачивался я тогда... если честно.

Кроме той странной истории, в результате которой ко мне попали эти артефакты, насторожить меня ничего не могло. Тем более, что беглый поверхностный осмотр содержимого как-то... не заинтересовал. Надо было читать, вникать... Много чего тогда творилось непонятного и зачастую нехорошего, некогда было останавливаться, осматриваться, вдумываться...

У меня в тот период скопилась приличная библиотека из непрочитанного, записана масса непросмотренных фильмов. А на музыку я тогда вообще забил, слушал радио и что попадется под руку. Времени и сил не оставалось на что-то такое, несерьезное, но отнимающее и то и другое.

Впрочем, подсудно я чувствовал некую магию, легкий, так скажем, флер, связанные с этой коробкой, и грызло меня какое-то ощущение: еще рано, не трогай...

Возвращаться за посылкой было некому – хозяина ухлопали при задержании, да и какой он хозяин... Брат его, судя по всему, ничего про меня не знал. Вскорости и он, как писали в новостях, отчего-то помер в местном СИЗО. Или от кого-то. Это не было удивительным. Торпеды всегда взрываются. Даже если они промахнулись. Впрочем, не могу сказать точно, прав ли я, но вы ведь поняли, что я хотел сказать.

Тут, вернее, стоило бы упомянуть использованные презервативы, но я не могу так говорить в отношении людей, один из которых уж точно был человеком и сделал для меня столько хорошего. И делал это, не говоря никому... Может быть, для себя? Индальгенция своего рода. Мало ли. Там все зачтется. Плюсиками на минус – сальдо выправляется. Но мне отчего-то кажется, что я просто оставался для него островком стабильности в этом диком мире, и он хотел, чтобы я таким и сохранился.

Про меня вообще мало кто знал. Ну, живет себе человек и живет. Скучный и нелюдимый. В многоэтажных новостройках-термитниках соседи меняются часто. А общаются мало. Времена такие наступили. Все по норам.

Что-то сообщать властям я не собирался. Части денег, как я понял, они так и не нашли. Значит, сунься я со своими пятью копейками, вытрясут душу. И не посмотрят на инвалидность. Все спецсвязевские упаковки я сразу же сжег. Предварительно вытряхнув их содержимое в коробку из-под телевизора. Деньги потихоньку разошлись. Хороший протез, замена «Оки» на «Тойоту», и дом-развалюха на кордоне. Немногое оставшееся банально проелось.

Недавно я задумался над неслучайностью и некоей своевременностью произошедшего. Ящик Пандоры – иногда всего лишь коробка с документами. Не вовремя открытая.

Разве может человек оценить лежащее на полу его подъезда запечатанное и еще непрочитанное письмо? Непонятно

от кого и кому. А ведь там может содержаться новость о том, что он стал отцом. Да, да! Та самая командировка... Или то, что он является единственным наследником далекого заокеанского дядюшки. Или «письмо счастья» о том, что его долг составляет теперь уже совершенно неподъемную цифру. Последнее нынче вероятнее всего. Все что угодно может быть в адресованном тебе непрочитанном сообщении. Особенно без обратного адреса. И в большинстве случаев ты должен будешь сломя голову бежать и принимать меры. А вот если это не твоё?

Или всё же судьба так распорядилась... чтобы это попало именно к тебе? На сохранение, как минимум. На поддержку, если точнее выразиться. Как контейнеры с чужими радиоактивными отходами на «Маяке». Где время день за днем вытягивает всю их... опасность для общества.

Но, когда наконец дошли руки, а свободного времени стало неожиданно много, я уже обладал определенным собственным опытом, достаточным, чтобы понять, что это такое. Только было уже очень поздно.

Я попытался реконструировать, восстановить события хронологически. Получалось плохо. Становилось ясным отсутствие ряда документов, но многое оставалось непонятным. Закончив, я понял, что та давняя история закрутилась совсем не из-за восьмидесяти миллионов. Цель, очевидно, находилась как раз в этой полупустой коробке. Это был инсайд, какого невозможно было предположить. И ведь он

еще... не протух. А время Сиреновой книги еще не наступило. Неужели и это Его работа? Или все же пересказ? Текст-то, надо признать, несовершенен, хоть содержание и завораживает... Цивилизационный переворот, новый национальный культурный код, не меньше!

Я подумал, что если всё это... Если Он действительно существовал... то вероятно, что Он жив. Еще жив. И мне необходимо Его найти. Определенно.

Самое жуткое дошло до меня не сразу. По косвенным признакам, содержащимся на одной из тетрадных страниц, я вдруг осознал, что обязан сделать. Только вот произвести это сейчас, по известным причинам, сложно... И опасно.

Глава 4. 743–642

Его взяли около автовокзала.

15 октября 1984 года в территориальное управление КГБ СССР по городу N поступил звонок из приемного отделения городской больницы. Речь шла о подростке, потерявшем сознание в автобусе, пришедшем в город N из города M. Документов при нем не находилось.

В сознание он пришел только через несколько часов. Назвал себя, хоть и не сразу, как Бондаренко Александр Иванович, 17.06.1969 года рождения, учащийся 9 класса средней школы №** города N., проживающий по адресу: город N., улица Кленовая, дом **, квартира ***.

Причина длительной потери сознания установлена не была. Бондаренко не смог объяснить, ни как он оказался в автобусе, ни цели поездки в M., ни даже времени, когда туда уехал. Подобных случаев потери сознания и провалов в памяти за собой ранее не наблюдал.

Врач С-ва Н. М. отметила, что, поскольку пострадавший три года занимался в спортивной секции, то, возможно, все это связано с ранее полученными травмами головы. Бондаренко же данное предположение отрицал.

Возможно, весь инцидент на этом бы и оказался исчерпанным, и пришедший в себя Бондаренко с пожеланиями здоровья был бы отправлен домой, но при подростке находилась

спортивная сумка, содержимое которой озадачило медперсонал.

Следует отметить, что для установления личности дежурный фельдшер Ч-ва и санитар П-в осмотрели карманы и личные вещи Бондаренко, о чем составили соответствующий протокол.

Бондаренко был одет в импортные джинсы «RIFLE», фиолетовую болоньевую куртку, вязаную трикотажную спортивную шапку и высокие кроссовки отечественного производства. В карманах находились два носовых платка (один со следами крови), полупустая пачка «Родопи», коробок спичек с надписью синей шариковой ручкой «743–642», 7 рублей и 36 копеек мелочи, откомпостированные и целые трамвайные абонементы, крошки от сухарей или хлеба и два гитарных медиатора, зелёный и фиолетовый.

Небольшую сине-белую сумку передала врачам пожилая соседка Бондаренко по автобусу. Она же сообщила, что он подсел на автобус в районе села Т., был очень разговорчив и весел. Сознание же потерял, скорее всего, в районе станции Д., куда автобус заехал, изменив маршрут в связи с объездом аварии на трассе М – Ч.

Соседка считала Бондаренко спящим, пока он не навалился на нее на повороте дороги практически на въезде в город Н.

В сумке лежала пустая белая пластмассовая фляжка, туристический топорик в чехле и небольшой, но тяжелый, пе-

ремотанный синей изоляцией полиэтиленовый пакет.

Размотав пакет, Ч. и П. обнаружили два цилиндрика царских червонцев (общим числом 14), скрепленных той же изоляцией, и золотую брошь с большим зеленым камнем.

В боковом плоском кармане сумки лежал свернутый вчетверо тетрадный листок со следующим текстом:

*В отдел милиции УВД города N
От Бондаренко А. И.*

Заявление

Мною, Бондаренко Александром Ивановичем, сегодня, 15 октября 1984 года в районе озера Ч. был найден клад. Прошу принять его надлежащим образом и выдать причитающееся мне вознаграждение в 25 % от его рыночной стоимости.

С уважением, А.Бондаренко⁶

Поколебавшись, фельдшер вызвала врача С-ву, а та, вникнув в ситуацию, сразу же позвонила брату, работавшему в местном управлении КГБ СССР.

Через несколько часов с медиков были взяты показания и подписки о неразглашении.

⁶ Следует заметить, что аналогичные заявления в милицию писались в девяностые, да и позднее. Только речь в них шла о, скажем, случайно найденном пистолете. Или гранате. Считалось, что поможет отмазаться при незапланированной встрече с доблестными органами. Главное – с утра не забыть проставить на заготовке свежую дату.

Ошарашенный и бледный Бондаренко не смог ничего объяснить ни врачам, ни товарищу в штатском, представившемуся Николаем Ивановичем. Он не помнил никаких событий за последние три дня, не признавал предметы из свертка, не мог объяснить цель своей поездки, время, место и причину написания заявления. Родители о поездке сына ничего не знали. Показали, что с утра и накануне он чувствовал себя хорошо, хотя и был как-то особенно весел и жизнерадостен. Отец, шутя, предположил, что сын очередной раз влюбился. Хотя младший брат Леонид, 1976 года рождения, в беседе с доктором (а именно так представился Николай Иванович) сообщил, что «Сашка последнее время был очень странный, а сейчас обычный». Пояснить же, что именно показалось ему странным, брат не смог.

С Бондаренко взяли объяснение, якобы в милицию, вернули все вещи кроме золота и... выписали домой, обязав впрочем пройти внеочередную комиссию в знакомом ему по спорту лечебно-физкультурном диспансере. А именно – в понедельник в 15–00. После учебы, и перед занятиями в спортзале.

Глава 5. Мама

– Мам! Зачем ты так с ним? Конечно, слышал! Он же не вечный, ты понимаешь – он же не всегда будет рядом. По статистике мы, мужики, до пенсии не доживаем. Пару лет. Я не каркаю, мам. В газете было написано... какой-то. Представляешь, несколько десятков лет жить одной? Мы вроде и рядом, а все равно сами по себе... У нас же с Лёнкой свои семьи будут. Пожалей ты батю, он ведь все для нас... Я сегодня не пойду никуда вечером, мне никуда не надо, не хочу, слышишь? Ты попроси его остаться, потом съездит, ведь на самом-то деле не к спеху, да? Посидим, поговорим, а?

Ты вообще не обращай внимания на меня, я тут просто... начитался всякого и задумываться начал, о чем раньше и не подозревал...

Хороший кофе. Слабый, но хороший. Так я и не понял, как ты его варишь, все не то получалось. Ой-ё-ёй, чего-то я... похоже в глаз что-то попало, пойду, промою.

Глава 6. Брат

– Лёня, проснись, сегодня, какое число?

– О-о-о! Шестнадцатое! А ты, что опять ничего не помнишь? Я ж тебе вечером всё рассказывал! – младший брат вытаращился на Бондаренко, пытаясь понять, всё серьёзно или это уже какой-то розыгрыш, и через мгновение Сашка непонятным образом обернёт всё шиворот-навыворот.

– А что я должен помнить? У меня ж ты есть. Я за вчера почему-то только завтрак и помню. Яичницу с жареной колбасой.

– Вчера, мы с батей тебя с горбольницы забирали, – нарочито усталым голосом забубнил брат, – ты в автобусе сознание потерял, тебя скорая увезла. Там дядька был, доктор, ты ему бумаги подписал. Они чего-то у тебя нашли и забрали.

– Откуда ты это знаешь? – насторожился Бонда. – Они вам рассказали?

– Я в коридоре сидел, когда врачиха с ним проходили. Разговаривали. Я слышал...

– Я уже понял, что забрали – сумка полупустая. Отец знает, что там было?

– Он вообще ничего не знает. Ему сказали, чтобы он приглядывался к твоему поведению, чтобы ты сдуру наркоманом не сделался. Мол, сейчас все возможно. А он сказал, чтоб они за своими... отпрысками следили, и послал их... в

баню. Как обычно, ты же знаешь. И все. Мать тебе чай специальный вечером заварила. С пустырником.

– Наркоманом? Да, сейчас, пожалуй, все возможно. Почти все. А найди-ка ты мне, братец, телефонную книгу!

Глава 7. Медиатор

Медиатор стоит в два раза меньше коробка спичек, а именно полкопейки. На рубль – двести штук перламутровых лепестков. Три цвета: жизнерадостный зелёный, мрачный бордовый и редко встречающийся фиолетовый.

Медиатор – проводник между человеком и инструментом. Но играть на гитаре им не принято, и медиаторы покупают школьники используя в качестве дымовушек (а он отлично коптит, если завернуть в бумажку, поджечь и сразу же сбить пламя), ведь ближайший по цене источник дымящей пластмассы – маленький зелёный треугольник, стоит уже семь копеек. А это дорого, и сэкономленных на всем карманных денег может не хватить на пистоны, если их вдруг завезут. Ленточные, естественно – обычные круглые лежат в свободной продаже, спрос на них маленький. Возни с ними много, щёлкают плохо. Даже если гвоздём.

Став постарше, мы уже развлекались с проселитрованной бумагой в фольге. Делали ракеты. Самые маленькие размером с карандаш. На батареях до вечера в отсутствие родителей сушились пропитанные составом газеты. Однажды я пришел со школы в нехорошем настроении, хотелось чего-то такого...

И я достал из заготовок самую большую ракету. Была она величиной с батон варёной колбасы по два двадцать. Обычно

мы запускали такие на катке, просто положив на лед. Быстро поджигали фитилек и терялись в толпе. Через минуту ракета, отплевываясь огнем, с шипением летела по льду, ускоряясь и ежесекундно меняя траекторию. Привычные к подобным проделкам катающиеся, матерясь, отскакивали в сторону.

Отчего-то было плохое настроение, теперь уже не помню. Но я вышел на балкон, осмотрелся и, положив ракету на перила, запустил ее в сторону заснеженного газона. Однако, пролетев несколько метров, она взмыла вверх, потом развернулась и плюхнулась на чужой балкон. Оттуда повалил дым, я присел.

Последствия нагрянули вечером. С родителями, пришедшими с работы, появился милиционер. Что-то спрашивал, писал какие-то бумаги: днём меня все же заметил сосед-пенсионер с другого подъезда. Хозяин той квартиры. Сгорел там какой-то хлам. Мне сообщили о десятирублевом штрафе и о том, что следующий залет будет означать постановку на учет в отдел по борьбе с несовершеннолетними, то бишь в детскую комнату милиции. Дальше все было понятно – трое одноклассников там уже состояли. Один вернулся из Атляна⁷. Очень тихий. Украл у соседей по посёлку двигатель от мотоцикла. Зачем-то. Может быть, попросил кто из старших. Или заставил. Там нравы были еще те. В девяностых его убили.

⁷ Атлян – колония для несовершеннолетних преступников. Повесть Л. Габышева «Одлян или воздух свободы» – про неё.

Я учился неплохо. Поведение, правда, обычно было удовлетворительным, а это, как говорится, показатель. Темперамента, лояльности, еще чего-то. Ведь тогда учитывалось всё. Анкеты, характеристики. Служебная, комсомольская... Видели б вы мою армейскую характеристику! Для понимающих людей это была не характеристика, а приговор.

«По характеру уравновешен, спокоен, но на замечания командиров реагирует не всегда должным образом. Пользуется авторитетом в определенном кругу сослуживцев. Грамотен, эрудирован. Приказы и приказания выполняет не всегда в срок и не всегда с хорошим качеством... Уставы ВС знает, но не всегда руководствуется в повседневной жизни».

Впрочем, в самом конце признавалось, что *«Делу партии и правительства предан. Военную и государственную тайну хранить умеет»*, что несколько реабилитировало меня в общегосударственном масштабе. Характеристика мне уже никогда не понадобилась. В институте на втором курсе её не потребовали, а вскоре и страны не стало.

К моему удивлению, тогда, в детстве, я не запомнил никакой взбучки, видимо родителей вполне удовлетворил мой испуг. Возможно, и с милиционером, и с соседями договорились полюбовно. Я этого не знал, видимо уже никогда не узнаю.

В-общем, игрушки зачастую мы делали себе сами, а ассортимент близлежащего магазина спорт- и культтоваров знали наизусть. От мопедов, до ластиков.

В самом начале 90-х я зашел в тот самый магазин с целью купить хоть что-нибудь мало-мальски полезное по старым ценам. Империя была почти обрушена. Ускорять сей процесс и готовиться копошиться на руинах людям умным и положительным было... мягко сказать... запахло. Тогда такие преобладали. Все надеялись, что жизнь наладится. Придут наши. Наши были у каждого свои, но варианты их окраски значения не имели – все они по умолчанию обязаны были неуклонно заботиться о благосостоянии вверенного народа, богатстве и безопасности страны.

Я относил себя к таким же оптимистам, наверное, не столько в силу неосведомленности о происходящих процессах, сколько из-за возраста. Который теперь позволял иные степени свободы передвижения и поступков. Девчонки, музыка, путешествия. Какая в (простите!) задницу разница – кто там нынче за зубцами Кремля, когда в палатке на твоей руке дремлет взлохмаченная юная подружка?

Хотя... Пожалуй, особой радости не было. Тенденции-то прослеживались грустные. Страна шла вразнос. Уже резало глаз имущественное расслоение. Кооперативные магазины, кафе, хорошие шмотки от фарцовщиков – пользоваться этим «в системе», то есть регулярно, было нереально. Недоступная, зачастую показушная, роскошь... Перспективы после окончания института маячили грустные. Накал депрессии слегка смягчали внушаемая СМИ робкая надежда на неясное, но позитивное будущее, ну и вышеупомянутая бес-

шабашность молодости.

Очевидно, уже тогда я подсознательно понимал, что неза-тейливый студенческий шопинг способен слегка приподнять настроение. Но ни фотохимикатов, ни флагов, ни пионерских галстуков, ни даже несчастных эспандеров давно уже не было. Все мало-мальски полезное исчезло. И я купил медиаторов. Несколько сотен штук. Все, что были. На несколько рублей. Попались даже фиолетовые.

Продавщица не поинтересовалась, зачем мне столько. Молча пересчитала и ссыпала все в разваливающуюся коробку из тонкого серого картона. Время было такое – из флагов союзных республик шили наволочки, из детских шапок – полушубки, из мужских галстуков... то же что-то, кажется – ремни безопасности. А наглые как никогда советские продавцы чувствовали себя превосходно. Через некоторое время некоторые из них открыли коммерческие магазины, но большинство досидели до акционирования собственных. Потом наиболее удачно расположенные точки стали отжиматься, многократно переходить из рук в руки и сдаваться в аренду. Работать же в отсутствии дефицита старая гвардия не смогла. Новое (и самое удачное) поколение продавцов составили ушедшие по сокращению с заводов специалисты, из-за безденежья и безнадеги поборовшие собственную брезгливость и, любезно улыбаясь, вставшие за прилавок. Через некоторое время кое-кто из них даже нашел это занятие небезынтересным и даже где-то азартным времяпровожд-

дением.

В нулевых в торговлю пришло новое поколение подростков на сникерсах и коле девочек с торчащими из под джинсов стрингами. Этим было в массе своей глубоко начхать как на покупателей, так и на хозяев товара. Глубокого презрения, источаемого советскими продавцами к суесящимся покупателям, у них, конечно, не было, а имелись равнодушие и порою плохо скрываемая раздраженность. Некоторая досада от того, что они вынуждены работать здесь, а не «в офисе», как белые люди. Редкие активные экземпляры, как исключение, лишь подчеркивали правило. Такие, впрочем, надолго не задерживались, огорчая хозяев бизнеса, резко теряющих выручку с приходом новой вялой и тупой клуши.

Медиатор, медиатор... Медиатор – это ведь еще и проводник между миром земным и миром горним. Это – художник, в творческом трансе создающий полотна, порой непонятные ему самому. Соавтор Бога, переводчик для мира бранных тел...

Я хотел тогда сделать из медиаторов большое панно на стене, какого-нибудь дельфина или звездолёт. Но родителям идея не понравилась, было решено остановиться на двери, которая все равно почти всегда стояла открытой, а внутренняя сторона не бросалась в глаза. Однако остатки «бустилата», о банку с которым я ежедневно спотыкался взглядом в туалете, безнадежно засохли. Другого клея ни дома, ни в продаже не было.

Со временем я забыл об этой затее, потом вообще позабыл о существовании такого предмета в природе. Женился, уехал от родителей, растил детей, работал и т. д. и т. п.

И вот позавчера, в этом самом магазине, я покупал зажигалку и бутылочку бензина к ней. Хороший такой бензин, душистый, как в детстве, от мотоцикла. Так вот, у продавца не было двух копеек, и она предложила сдать сдачу этими медиаторами, позавчера... много десятилетий спустя.

Ты знаешь, тогда, давно, была у меня мысль забить этими несчастными медиаторами капроновую банку из-под «бустилата», и устроить прощальное аутодафе. Много дыма, и совсем немножко пламени в начале. И пепел с несгоревшими до конца перламутровыми кусочками.

Но отчего-то мне кажется, что мы бы с тобой тогда уж точно никогда не встретились.

Глава 8. Школа

Они пришли в школу. За пять минут до этого Бонда сидел на биологии и откровенно балдел. Ему казалось, что он впервые смотрит найденное кем-то через много лет видео. Он ничего не писал и только крутил головой по сторонам. Пока это сходило ему с рук. На переменах Бонда стоял у окна, и молча разглядывал носящихся по коридору одноклассников. Выражение лица его не менялось, но выглядел он немного... поидиотски. Периодически к нему обращались какие-то знакомые, здоровались, что-то спрашивали. Бонда что-то односложно отвечал, и ребята недоуменно отходили.

Двоих в штатском он заметил еще в начале коридора. Они тоже заметили и, минуя напрягшихся учителей, уверенно подошли сразу к нему. Одному – лет под сорок, другому – явно за. Аккуратно, от живота, в ладони показали удостоверения, попросили пройти с ними. Бонда деланно возмутился, напомним про какую-то на ходу изобретенную им социалистическую демократию и права белого человека, потом сконфузился и замолчал. Подбежал рыжий приятель Бонды с нелепыми детскими вопросами, но под взглядом старшего понимающе отошел в сторону. Там выдохнул и понесся дальше, зацепляя за собой направляющихся к Бонде одноклассниц.

– Всё сказал? – осведомился младший, и без церемоний продолжил: – Почему ты проигнорировал медкомиссию?

Бонда вдруг вспомнил, что так же пропустил и дзюдо. А вот это уже серьезнее по последствиям. За прогулы без уважительной причины могли выгнать невзирая на заслуги. Тем более, что заслуг-то особых не было. Выше среднего, кажется.

– Послушайте, незнакомые мне мужчины, а с каких это пор наши доблестные органы стали интересоваться моим здоровьем? – продолжил ёрничать Бонда, сообразив впрочем, что для девятиклассника он несколько перегибает.

Мужчины мгновенно переглянулись, и старший, с железом в голосе, процедил:

– С позавчерашнего дня, гражданин... Бондаренко. А теперь давай серьезно. При тебе, юноша, было обнаружено золото. А это очень, очень серьезно.

«Только не говорите мне, что проценты... сколько там мне положено, вы мне решили... заныкать», – подумал Бонда, но вслух сказал:

– Конечно, серьезно! Мне только рассказывать вам нечего. Не помню я ничего. И вообще по какой-то там статье я не обязан давать против себя... – «так... это не в тему...»

Бонда осёкся, закашлялся, потёр виски и пожаловался:

– Голова болит. А может, меня по ней били?

Глава 9. Посылка

Солнце клонилось к закату. С озера дул промозглый ветер, сгоняя чёрный дым на ближайший березняк. На противоположной стороне, на окраине сгоревшего села виднелись развалины кирпичных коттеджей. Иногда там мелькали силуэты людей. Бонда пятый день сидел в скособоченном бревчатом сарае. В хорошие времена в нем, похоже, держали скотину и хозяйственный хлам – местами сохранились остатки загонов и жерди ясель. На гвоздях болтались жидкие мотки разномастной проволоки, обрезки шлангов и пыльные вязанки сухого лабазника. Под лохмотьями крыши резвились воробьи.

По утрам, когда уже было достаточно светло, но риск нарваться на людей оставался минимален, Бонда аккуратно обследовал остатки соседних строений. На второй день он нашел тяжеленную стальную дверь и, тихо матерясь, враскачку прикантовал в своё укрытие. Потом долго затирал образовавшиеся глубокие следы. Теперь он спал под этой дверью, которую положил на куски шлакоблоков и остатки бревен. Получилось что-то вроде пенала или бетонно-железного (жаль не железобетонного) спального мешка. Если начинался обстрел, Бонда забирался в укрытие вместе с принесенным с собой из Сосновки топором и найденной уже здесь лопатой... Двухлитровая пластиковая бутылка с брошенной

накануне таблеткой ОВ-7⁸ теперь лежала у изголовья.

Бонда с детства боялся двух вещей: ожогов и быть зава-
ленным при землетрясении. В восьмидесятых его поразила
заметка про спитакского спортсмена, оказавшегося под раз-
валинами со своим грудным ребенком. Всё то время, пока
их не откопали, отец колот себе пальцы и кормил сына соб-
ственной кровью. Бонда в подобных обстоятельствах без ко-
лебаний поступил бы точно также, но попадать в такую ситу-
ацию отчаянно не хотел. На первом курсе он даже проигно-
рировал приглашение однокурсников записаться в спелео-
логическую секцию. Бонда с детства обожал лазать по кры-
шам и деревьям, не игнорируя многочисленные стройки. Но
спускаться в пещеры и получать удовольствие, елозя живо-
том по сырым узким лазам, было выше его понимания.

Бонда ждал семнадцатого сентября. Оставалось недолго.
Именно в этот день должна была состояться встреча верху-
шек и приуроченный к ней обмен пленными и убитыми. По
единственной справедливой схеме – «всех на всех».

Ожидалось, что объявленное две недели назад перемирие
наконец-таки реально заработает, и обстрелы из РСЗО и ар-
тиллерии прекратятся. Если против стрелковки, при долж-
ной сноровке, шансы выжить были вполне реальными, то
против тяжеляка они стремились к нулю. Даже в танке. Осо-
бенно в танке.

Два дня назад на соседнюю поляну взгромоздилось некое

⁸ Обеззараживающее средство последнего поколения.

подобие «Тюльпана» и несколько минут работало в северо-восточном направлении. Сквозь щели сарая Бонда разглядел сопровождающих миномет автоматчиков на камуфлированной «Шниве».

Ожидая ответки, Бонда лежал под дверью и молился. Но техника безнаказанно оттархтела в направлении Аллюзино, вновь стал слышен шум деревьев, крики мелких озёрных чаек. Бонда вдруг подумал, что имея под рукой отличную штыковую лопату, он мог бы за несколько часов отрыть прекрасный окоп-щель. И сделать это следовало сразу же. Какого ж лешего он тянул?

Самый прочный бревенчатый угол сарая находился на противоположной от входа стороне, что имело некоторые преимущества. Бонда решил оборудовать там щель с небольшим выходом-лазом под стеной на улицу. Снаружи, для маскировки и дополнительной защиты, он намеревался накидать в подвысохший бурьян берёзовых чурбаков от ближайшего дома. На всякий случай.

– Три метра в длину, с полметра в ширину, почти метр в глубину, – приговаривал он про себя, прикидывая объем работы, – вынутую землю сформирую по краям и получится еще выше. Не могила, а защита! Не могила, а защита, не замерзну, а согреюсь! Не оба-на, а подарили! – вспомнил он вдруг совершенно неподходящую старую песню.

Издали донеслись грозвые отзвуки. Минуты через три все стихло. Воробьев это нисколько не смутило. За год все

привыкли. И люди, и не люди.

Сверху вплотную к стене ляжет дверь. Перед ней вход и он же выход, а под стеной сарая – только выход. Завалю хламом, и вообще будет прэлэстно, – рассуждал Бонда, разбирая осклизлые доски настила.

Жирная черная земля копалась легко. При желании штык лопаты можно было глубоко загнать и без помощи ног. «У меня в огороде хуже копалось» – подумал Бонда. Но через некоторое время полуголодный организм дал о себе знать. Нещадно заныла нога. Накатила усталость, в голову полезли подгоняемые ленью скептические мысли.

Бонда знал, как себя обманывать, и торжественно пообещал по окончании работы открыть и сожрать единственную банку гречневой каши с мясом. Невзирая на последствия. Обильно запив все это дело мутной подсолённой водой. Как говорится: «Славно выпить на природе, где не встретишь бюст Володи».

Сразу стало легче, все сомнения и лень неведомым образом испарились. Бонда сам над собой усмехнулся – задуриванием собственного организма он занимался уже лет сорок. Ради не слишком отдаленного во времени физического удовлетворения тушка соглашалась терпеть тяготы и невзгоды на тренировках, в армии, на работе и в быту. И если Бонда говорил себе: «Терпи, сволочь, и через два драных месяца ты будешь бороздить морские просторы и дышать целебным воздухом!», то организм живо реагировал на обещание и де-

лал все возможное. Но обещания следовало держать, или... Или сдерживаться при их раздаче. Иначе, как минимум болезнь... А потом саботаж, и... договариваться станет сложнее.

Когда он почти выдохся, под стеной на глубине полуметра лопата наткнулась на большой плоский камень. Обкопав и вытащив его, Бонда обнаружил зеленоватую литровую стеклянную банку, обернутую изнутри серой бумагой. Горловина была закрыта сложенным мутным полиэтиленовым пакетом, обвязанным черной медной проволокой. Бонда разматывал проволоку (полиэтилен тут же развалился склизкими чешуйками), и отжал капроновую крышку.

В банке неплотно лежали замотанные в невзрачные тряпицы двенадцать царских червонцев, продолговатые золотые серьги с большими зелеными камнями и скорлупка дешевого гитарного медиатора бордового цвета. Ошеломленный Бонда несколько минут крутил в руках находки, затем, спохватившись, вытянул из банки крутящийся по стенкам сложенный вдвое плотный лист ватмана. В центре печатными буквами было выведено: *«Чем ярче горят мосты за спиной, тем светлее дорога впереди. Удачной охоты!»* И два смайлика: подмигивающий и грустный...

Удивленный Бонда машинально завернул цапки в носовой платок и, спрятав сверток в накладном кармане разгрузки, глубоко задумался.

Он мог дать голову на отсечение, что к этой банке давным

– давно никто не прикасался. Ясно, что всё, с обеих сторон стены, оставалось нетронутым много лет. С улицы бурьян, да и кто будет хоронить клад, махая лопатой у всех на виду. Дощатому настилу тоже лет дцать. Сарай вообще, поди, еще со времен Хрущева стоит. Бонда вспомнил огромные черные лиственные дома декабристов на Енисее, и добавил: или со Столыпина. Местные с села свалили уже три месяца как. Что мешало хозяевам взять золото с собой? Ведь это не бумага, это реальная валюта. В любом месте. Боялись? Возможно. Но, перезаныкать поближе и подступней, чтоб, в случае необходимости, быстро достать, им в любом случае ничего не мешало. А это значит... а это означает, что последние хозяева сарая, а возможно – и ряд предыдущих, про золото... и не догадывались?!»

Но капроновая крышка и медиатор-дымовушка – это уже Брежнев. Или Андропов. Или Черненко. Или Горбачев. Вот только смайлики, да еще карандашом, тогда не рисовали. Хотя возможно, что рисовали их уже в конце 90-х... И крышки капроновые никуда не делись. А вот медиаторов за полкопейки тогда было не найти. Хотя... мало ли у кого какого завалилось хлама. Вот только банка слишком большая, тогда удобней было обойтись майонезной или сметанной. И надпись странная. Пугающая надпись...

«Удачной охоты!» – это любимое выражение Бонды за последнее поганое время. И еще одного товарища из старой жизни. Которого звали Маугли.

А вот пожелания, которые так похожи на приказ? Кому это все предназначалось?

Когда дети были маленькие, Бонда любил делать для них сюрпризы-загадки. Нашли, скажем, записку на столе, а там слегка завуалированное указание, где следующая. «Вы на правильном пути, двигайтесь к книжной полке и посмотрите, что хранит Каверин на 55 странице». И так далее, пока не доберутся до приза. Наблюдать за мечущимися по дому ребятишками было не меньшим удовольствием, чем самому искать приз.

Бонда верил в тайные знаки. Называл их маячками. Относился он к этому иронично, но серьезно – попытки игнорировать странные явления обходились дорого. Для себя Бонда обозначил это именно природным явлением, и вёл себя соответственно. Вы ведь смотрите на небо. Слушаете прогноз. И делаете выводы. Зонт в сумку, плащ на руку, а то и валенки да лопату в багажник! Меняете или вовсе откладываете запланированные ранее маршруты. То есть реагируете. Так и в данной ситуации.

Извечная проблема Бонды состояла в идентификации знаков. Не всегда можно было понять какие-то вещи. Порою легко, как будто крикнули в ухо: беги, дурак! Иногда же Бонда терялся в догадках. Как, например, сейчас.

Склонный к логическому инженерному мышлению, он выявлял повторения, закономерности, прикидывал вероятности, даже рискованно экспериментировал. И поделил в

свое время цели маячков на три группы: предостережение, побуждение к решительному действию и... непонятого назначения.

Иногда можно было однозначно утверждать, что требуется чего-то не делать: не выезжать, не лететь, не встречаться. С этим Бонда худо-бедно разбирался. Во всяком случае, чаще, чем встречал. Четыре раза это понимание совершенно точно спасло ему жизнь. Может быть, и больше, но достоверно он этого не знал. Не делать – обычно легче, чем делать.

А вот с определением маячков, которые, напротив, побуждают что-то совершить, а не просто развернуться, имелись традиционные проблемы... Задним числом Бонда понимал, что надо было, скажем, правильно интерпретировать слова нечаянного собеседника. И услышать в них шорох подкрадывающейся проблемы, а не вызов-искушение. Обрывок случайной радиопередачи, так засевавший в мозгу – это вообще конкретнейший сигнал. А не паранойя, как тогда думалось. А третий, последний маячок просто резал глаз – тебя позвали, тебе протянули руку, а ты, идиот, заколебался и предложение отверг. И так, или почти так, всегда.

Только став седым, Бонда начал понимать бабушку, приговаривавшую в детстве: «Дают – бери, быют – беги!». Бежать он не любил. Ни от кого-то, ни за кем-то, ни просто так. Брать предложенное остерегался, искал подвох, возможность дальнейшей манипуляции. Не хотел быть обязанным. А бабушку следовало слушать. Многих проблем удалось бы

избежать, просто уклонившись от конфликта. И сколько и скольких он потерял, отвергнув предложение, не ответив взаимностью!

В-общем, стоя на коленях перед запиской, Бонда не испытывал никаких сомнений по поводу адресата. Кем бы, кому и когда она не писалась, но сейчас... это для него...

Глава 10. Презумпция

– Он говорит, что ничего не помнит. Вспомнил какую-то пятьдесят первую статью⁹. Мы не разобрались, что он имел в виду, но парень этот очень непростой. И в село он попал случайно, и в автобусе уснул. И вообще – клад он нашел, видите ли! Денег, мол, было бы неплохо получить. Он очень нагло себя ведет. Тыкает всем направо-налево. Ничего не боится.

В селе его никто не видел. На остановке у трассы да, а вот в селе – нет. И напрашивается вопрос: а где же он был?

– А вот у меня другой вопрос. Выяснилось, что это именно он звонил небезызвестному тебе... товарищу, так сказать, Штейну. Монеты совпадают. А вот это, это уже просто ни в какие ворота!

– И что? Получается так: сел на автобус, поехал в областной центр... Хотел продать? Вот только по дороге его, похоже, и переклинило.

– Вопрос по Штейну остается открытым. Тот его вроде-как и не знает. Но у Бондаренко был записан номер телефона и инициалы. Опять же – по цифрам, по размеру – идут нестыковки. И хватит уже с ним миндальничать. Возможно, тогда, в автобусе, не всё при нем было.

⁹ «Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд» – ст.51 УК РСФСР. «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого...» – ст. 51 Конституции РФ.

Глава 11. Смерть как благо

Он, похоже, понимал, о чем речь. У Бонды имелись все основания считать их формального куратора мутным типом. С его появлением в подразделении стали происходить непонятные вещи. Ходырев передергал на индивидуальную беседу всех бойцов. Со слов ребят Бонда понял, что вопросы задавались всем разные, как безобидные, так и провокационные, но в целом шла элементарная агрессивная прокачка на вшивость. Подбор фактуры в полевых условиях.

А еще у Ходырева, похоже, была информация. И чуть ли не на всех. С настоящими именами, адресами и прочим, чего могла предоставить только Контора. Или альтернативная контора. Бонда тоже много чего хотел бы узнать, но такого счастья ему никто не предоставлял.

Приходилось выстраивать отношения с личным составом по принципу чистого листа. То бишь, ничего хорошего и ничего плохого, но я к тебе присматриваюсь и делаю выводы. Иногда, искусственно создавая ситуации для проявления конкретного индивидуума (или сразу группы лиц) в действии. С целью ускоренного раскрытия «степени яркости личности». И соответствующей корректировки собственного поведения... во вновь открывшихся порой обстоятельствах.

Впрочем, в 90-е, а потом и в Светлое Время, Бонда, делая

свой затейливый бизнес, старался поступать так же объективно. Хотя развивающийся интернет всё чаще вносил коррективы. Поневоле приходилось пробивать по многочисленным базам данных, а потом и по соцсетям. А там даже грамотные люди не имели влияния над многочисленными родственниками и челядью, с удовольствием делящимися значимой информацией. При грамотном подходе, конечно.

Сейчас, в смутные времена, правильная информация стала стоить гораздо дороже, иногда жизнь. Иногда – больше.

Что может быть больше жизни? И страшнее смерти? О, да вы еще совсем молодой и не подозреваете, как хорошо иногда *просто* умереть. Я даже не говорю о том, что как замечательно умереть *славно*. Далеко не всем так везет! И я ни-сколечки не шучу!

Но выжить все равно, конечно же, гора-а-а-здо лучше. Особенно, если ты положительный персонаж. И когда тебе между делом говорят: «Сань! Да ты пойми, наше дело маленькое – кусать и убегать», – ты начинаешь вскидываться и грузиться вопросами. Например, «1. Откуда ты знаешь мое имя, сука? 2. Зачем ты его произносишь, пусть не при свидетелях, но всё же, всезнающий ты наш? 3. Зачем вообще тебе давать понять мне, что ты за меня знаешь больше, чем положено твоей жирной морде? PS. Ведь ты далеко не дурак. И не авантюрист. Продуманный. Очки носишь, почти с тем же минусом. Если ты этим самым даёшь понять, что держишь меня за фаберже, то это глупо. Война – место вы-

бора простых решений, а такая война – еще и решений грязных. Вывел по любому поводу за расположение, да и зарезал к лешему... на всякий случай. Вернулся заплаканным... Да, у нас не Гуляйполе, но кто поручится за собственное здоровье в окружении сотни мужиков с оружием и сдвинутой башней?».

Бонда подозревал, что в прошлом Ходырев был шестовиком или особистом в какой-нибудь хитрой конторе. Первый отдел с другой вывеской. Занимался рутинной, кадрами, изобретательно, дабы не было ущемлено самолюбие, лизал задницу начальству, заводил полезные знакомства, выносил мозг немногочисленным подчиненным и жене, был на хорошем счету. В обойме.

Просто попадались Бонде подобные типы. Такие жили аккуратно, к поступкам относились вдумчиво, педантично вели дела и редко рисковали. В бизнесмены не лезли. Воровали по мелочи, и то это обычно представляло собой получение бонусных скидок в связи с занимаемым служебным положением. Проигрывали они, в основном, из-за неправильной информации, предоставленной экспертами, выбранными ими же самими по конкретной теме. Так один, помнится, в нулевых умудрился купить три земельных участка под строительство на бывшем неофициальном кладбище середины сороковых годов. Себе и детям. По знакомству недорого. А до этого безуспешно пытался реализовать купленный им сдуру огромный «дефендер».

Ходырева подвели к Бонде недавно. После странного исчезновения весельчака Павла Сергеевича. Сказали: «Теперь он». И всё. Тот был без фамилии, этот – без имени-отчества. Человек на букву «Хэ». Хороший?

Несмотря на ходыревские пожелания стремительного сближения («Ребята, я с города мяса привез, и смотрите еще чего, давайте-ка втроём посидим вечером, отметим знакомство?»), Бонда телегу впереди лошади гнать не стал, а нашел уважительную причину для отсутствия. Без «спасибо» и «извините», – чай не дети – а просто поставил перед фактом. Дела можно было бы и отложить, но зачем?

Глава 12. О пользе дружеских бесед

– Послушай дорогой, я знаю, что ты работаешь с зубодёрами. И даже... примерно знаю как. Ты, конечно, можешь сейчас принять это за провокацию, за проверку вашими контриками, и так далее. Не клади только трубку, дослушай! Поверь мне, это не так. У меня всего лишь меркантильный интерес, не более. Я готов дать тебе шанс. Это один раз. Больше не выйдет. Я очень многое про тебя знаю. Ты подумал, а я знаю. Помолчи минуту, я ж тебя попросил! Ты же хочешь машину, так? Не спорь, хочешь, пора уже, можно. Но не такую модель, как ты всем говоришь, а «Ниву». Зелёную, соседскую. И он ее тебе продаст, за нормальные деньги, будь уверен. Не перебивай, слушай. И я тебе даже скажу, что у тебя есть почти половина. Помолчи, дослушай! А вот остальное, такая же сумма, тебе свалится, если ты мне поможешь с одним делом. Ты мне должен помочь, тебе это больше надо. И всё-то ты понимаешь, хоть и мелешь тут всякое, строишь из себя! Ты ж – не немец, как ты там всем рассказываешь. Я знаю за твоего дядю по маме. И в курсе, где он уже сорок лет. А еще знаю, как вы с женой назовете детей – Саша и Ирма. Внял? Охренел? Конечно, охренел, я чувствую! Думал, значит. Да, вот так тоже бывает, не проболтайся только никому, ха-ха-ха. Теперь ты понял, что у тебя действительно уникальная ситуация? Лови судьбу за вымя, это только начало! Скажем

так, есть с полполкило. Пол-пол, а не пол-. Лом, фактически, хоть и древний, как старуха Изергиль. Без особой нумизматической ценности, как я понимаю. Тигель-цигель, ай люлю! Понял, да? Ну, так соображай! И еще по мелочи цацки-печки. Мне нужна срочная реализация. Я скажу, где забрать. Еще. Это серьезно. Если устроишь... операцию, то куратор твой всё узнает. Всё, я сказал! И про твои незатейливые гешфты, что бы ты там о себе не думал. Просто расслабься, и сделай как надо! Не дергайся ты, встретимся, и тут же расстанемся... лет на тридцать... Что? Да нет, ничего я больше не сказал, показалось тебе. Расстанемся, говорю. Образец я тебе оставил в твоём гараже. Ну, ты... какой-то неострый! Чай, не гантеля, пролез. Откроешь и увидишь, там далеко не закатился, я думаю.

Глава 13. О вреде чтения

– А вот читать всё подряд, это... как есть все подряд. Выкинь эту книгу, майор! Тебя обманули, это плохой писатель. Да, да, хоть и очень разрекламированный. Профессиональный лжец, не отражающий, а *формирующий* неверные представления об окружающем мире. И мир этот ему, хоть не сразу, но отомстил.

Если будет у нас с тобой достаточно времени, то я тебе столько шаблонов порву! Надорву, так точнее. У нас же самообслуживание скоро начнется. У вас. Станете лично формировать корзину потребления. В том числе и в части пищи для мозга. А в этой сфере, надо сказать, можно и нужно выбирать. Погурманить. Отбрасывая неполезные продукты.

Я вот однажды взял, да и перестал... читать. В смысле – художественную литературу. Как-то, ближе к сорока, вдруг обнаружил, что почти утратил интерес. Понял, что не верю. Кому? Да ты подожди, я же сегодня не тороплюсь. Я все тебе расскажу, но по порядку. Настроение у меня такое... Хочется мозг вынести, так что терпи, майор, злого деда!

И ты бы записывал что ли... Уже? Ну и замечательно. Вдруг, да и пригодятся кому-нибудь... мои пасхальные яйца, я в этом почему-то уверен. Иначе мы бы с тобой сейчас не разговаривали. Не понял? Учи английский! Скоро пригодится.

Ну, всё.... В общем, я перестал читать. Брался за одно, за другое – не могу и всё. И не хочу – неинтересно. Плетут чего-то, тягомотина. Далёкая от жизни.

Конечно, какую-то свою роль сыграл технический прогресс с новыми форматами... получения информации. Но ведь радио не исчезло с появлением телевидения, хотя давались и такие прогнозы. Впрочем, это не совсем удачный пример. Скажем, сам я предпочитал заниматься разными делами, слушая музыку, новости, радиоспектакли, просто аудиокниги. Иначе бы просто ничего не успевал. А так, проехал за рулем полтысячи километров – прослушал массу полезной информации. Работаешь, бывает, руками, параллельно узнаешь новости. А усевшись у телеящика, многого не сделаешь. Не говоря о прекращении работы воображения – все ж показывают, не надо в голове представлять... свою версию услышанного.

Столкнулись мы потом – целые поколения с клиповым мышлением. Бледные, вялые и тупые дрищи. Интересы односторонние. Воображения – ноль. Все знания – в облаках! На внешних носителях. Зачем что-то запоминать и изучать. Интернет же навсегда. Можно просто погуглить «что делать, если...». Не просите только сейчас объяснять детали, тем более, что я имею в виду другое. Нас формулы и стихи заставляли наизусть заучивать, а эти элементарных вещей не знали.

Конечно, можно предположить, что бешеный темп жиз-

ни не оставлял времени на чтение... для удовольствия. Тоже неправильно – раньше с двенадцати до часу ночи время для этого вполне себе находилось. Ложишься, берешь книжку и сразу начинаешь листать назад – это не помню, и здесь не помню... О! А вот отсюда помню! И, пока сон не одолеет, читаешь. На следующий день снова ищешь, на каком месте уснул.

А тут как-то стало, скажем... не то. Журналы, типа вот этого «За рулём», одно время он был неплохим, еще как-то шли, еженедельники всякие, периодика, техническая литература... А вот художественный вымысел уже не радовал.

И главное, думается, было в том, что пропало доверие к авторам. Пропало ощущение достоверности написанного ими. У меня уже сложились определённые представления об окружающем мире и характере отношений между его обитателями. И была хорошая память... на события, произошедшие в моей жизни, на произнесенные слова и совершенные поступки. И все это вступало в диссонанс с прочитанным. Я перестал верить персонажам, их реплики звучали фальшиво, поступки были нелогичны и надуманны.

Я уже не понимал, что такого мне может рассказать человек, – скажем так, по-автомобильному, что ли, – *пробег по жизни* которого был значительно меньше моего? О чём? О своих летних поездках на дачу? О тяжелых школьных годах? О встреченных им людях, мотив поступков которых он не понял и объяснил по-своему, не заметив подоплеки? О ба-

нальностях семейной жизни?

В это я еще поверю. Но он же пытается сообщить мне о материях, с которыми никогда не сталкивался! Зачем мне эти, высосанные из сопливого пальца, сведения? И возраст автора, – а точнее, продолжая говорить автомобильными терминами, дата его выпуска, – значения уже не имел. Мудрость не всегда приходит со старостью.

Большинство писателей остановились в развитии после первого успеха. И эксплуатировали свою зафиксированную вселенную, все дальше и дальше удаляясь от реальности.

Скорее всего, были где-то и стоящие, и настоящие, только где их искать? И когда? И печатались ли они вообще?

Я перешел на мемуары. Порой было даже забавно. Что? Ну да, забавно отделять зерна от плевел. Особенно интересны были подробные описания в стиле северных народов: «что вижу – о том пою». Добросовестный наблюдатель, точно описывающий случившиеся события, то, кто и что сказал или сделал (хотя бы и не понимающий со своей кочки смысла и глубины происходящего) был мне милее любого глухого телефониста или неизящного выдумщика, пытающегося обелить себя в истории, преувеличить свою роль и так далее. Детали удивляли и радовали.

Я, конечно же, понимал, что времена наступили другие, появились сонмы графоманов и масса ранее написанного шлака. Что есть и хорошие произведения. Классика, признанная и непризнанная. Но слишком уж часто попадалось

что-то... совсем уж неудобоваримое.

Я не говорю о сложности восприятия, хитром умысле и особом стиле авторов. Нет! В большинстве случаев в их произведениях сквозили пренебрежение или, напротив, заискивание перед читателем, нелюбопытство к краскам жизни и узость мирка создателя.

И зачем мне все это? Вот смотри, майор, когда ты ешь... нечто и чувствуешь, что это, мягко скажем, кака? Тебе же достаточно совсем небольшого куска, чтобы понять, с чем это блюдо? Или ты предпочитаешь через силу прожевать всё, чтобы возможно найти изюминку? Как гурман, ищущий новую нотку вкуса. А вдруг это будет не изюминка? А таракан из вчерашнего анекдота?

Только ведь ты об этих странных опытах другим-то не расскажешь! Иначе они посчитают тебя калоедом. А вот сказать, что ты открыл, понюхал и... с омерзением выбросил, это да... Можно. И нужно. Так и с некоторой литературой. Осмотрел, обнюхал... и побрезговал употребить.

Впрочем, о вкусах не спорят. У каждого своя физиология, персональные пищеварительные процессы и прочее. Кому-то понравится это, кому-то – то. Кроме явного... дерьма, простите за мой молдавский!

Будем говорить за статистическое большинство, за классические восемьдесят процентов. Образно говоря, задача отучить их от... вот такого радио, – Бонда махнул головой на абонентский громкоговоритель радиоточки, – я имею в ви-

ду качество звука. Можно слушать симфонический концерт через ямаху, а можно и из вот этого ящичка... А то и вообще... в исполнении Мойши, которому кто-то напел... Разница есть?

Людам должно претить от низкопробной музыки, фильмов, книг и того подобного. Государство должно ставить фильтры. Фильтры на потребляемые его гражданами продукты, привозные или замороженные. Будь это ливерная колбаса, песня, киношка, или книжка. Не ограничивать в выборе, а защищать от потребления явного мусора. Иначе – деградация! Человек опускается ужасающе быстро. Я, знаете ли, наблюдал такое... Даже когда стояли вполне себе вегетарианские времена.

Кстати, уже скоро все существующие фильтры целенаправленно снимут. И в поднявшейся мути рыбу станете ловить... не только вы. А первое время... вообще не вы. И монолита у вас нет! Лебедь, рак и щука, и все пока тянут в болото. А потом... Потом здесь таких членистоногих подключат, что от воза только щепки полетят!

Весной уже понесется, я говорил, верьте – не верьте. Железная тётка одобрила, сказала – наш человек. А вы и рады. Ключули! У нас, мол, своя игра. Да ладно, не вы конкретно, а ваше начальство. Думаете пролезти аккуратненько, отреформироваться, перезапустится, а не получится. Они тоже там все понимают. Все просчитано. А, главное – человеческий фактор. Который вы почти не берете в таких играх в

расчет. У папуасов, у латиносов просчитываете, а у нас ведь – та же песня. Люди не дошли до той симпатичной стадии, которую вы себе рисуете. И планомерное разложение элит идет по-полной. На кого вам опираться? На это избалованное стабильностью поколение, надрачивающее на югославскую стенку? На бардов? Пововоевавшие-то уже большинством в маразме. Возраст. А раньше они опасность за версту чуяли.

И учтите – все гниет с головы. Вы думаете, поставили на товарища, так он навсегда таким и останется? У семи нянек дите с подпалом. Двойной агент может быть тройным. А, главное, себе на уме. А коли ума немного, то и мысли не государственного масштаба.

Разложение идет. В магазинах-то, по сути, голый Вася, я в детстве этого не понимал! Воспринимал как данность.

Если собрались строить общество потребителей, так хоть как-то соответствуйте! Ведь можно и грамотно все сделать... Социализм у нас что? Учет и контроль! Сейчас с этим реально сложно, согласен. Но ведь НТР ваша любимая на месте не стоит, она идёт, несётся! Совсем немного осталось, день продержаться и ночь простоять! И всё – ЭВМ мощнейшие, сети, снижение затрат. У товарища в отделе стоял один графопостроитель, до этого там сидело двенадцать человек за кульманами! Не говоря о программах, которые высвобождали столько людей! Только проекты уже делались... несерьезные. Исчезли серьезные... надолго.

Все течет, все меняется. В идеале жить становится веселее. Но нам сменили вектор развития, и все...

Своя игра быстро закончилась. Застой сменился разрывом. А надо было аккуратно разминать, растирать, постепенно увеличивая нагрузки и радуясь оздоровлению организма!

Не можешь найти решения, экстраполируй на уровень ниже. Сиреневая книга, вторая часть.

Несколько мотивированных козлов заведут стадо баранов куда угодно. Особенно если там вкусно пахнет. В нашем случае всё было настолько притягательным, что рядом с козлами бежали и пастухи, и овчарки.

Глава 14. О соседях, одноклассниках и сослуживцах

– Была у меня одна медсестра. Соседка по новому термитнику. Страшненькая, но с хорошей фигурой. Ноги у нее были красивые... правда, короткие. Хотя, в некоторых случаях, это только в плюс.

– Если сзади присоседиться? Так, Кот?

– Точно! Тогда сам себе местами напоминаешь палец в резиновой перчатке. Она мне мазок из простаты как раз, будучи в такой, и брала. После этого, я ее интуитивно побаивался, но в принципе доверял. Пока на Новый год они с подругой не вспомнили, как раньше по пьяни пускались во все тяжкие...

Медики еще называются – нажрались в хлам и, чтобы перед местными не отсвечивать поехали в соседний город за приключениями. К курсантам танкового. И так им эта групповуха понравилась, что гоняли туда еще несколько лет. Пока училище не разогнали. О-о, думаю, намек понял. Какая ж веселая у девчонок жизнь! И, наверное, мне с вами не по пути. Мало ли еще не разогнанных... заведений. Что-то я, хоть и не брезглив, но... не на помойке свой хрен нашел.

– Не ссы, Котяра, в военных училищах тогда за здоровьем следили, – сказал Чапа. – А вот страшных и толстых... этих вообще следует опасаться! У меня году в девяносто шестом

был один... бегемотик. С параллельного класса. На вечерне встречи нахлопались с товарищами по дортуарам до потери чувств, припозднились. Все приличные девки к тому времени, видать, давно разбежались. Остались... те, кто остались. Я даже такси не помнил. Три дня в синей яме. Ладно, хоть три – мог и на неделю... Меня уж чуть в розыск не объявили, никто ж ничего не видел, никто ничего не помнил. А я куколкой валяюсь в частном секторе, в домике с печкой. На отшибе. Ни телефона, ни людей. Одни сугробы. Она одна жила. Голодная, хуле, уволокла меня как добычу в норку. Взяла, сука, заранее отгулы, и – вперёд!

Только очухаюсь, глаза открою, а она уже сосёт. На вторые сутки даже что-то начало получаться. А может раньше. У меня там все поперепуталось. День-ночь, сон-явь. Жрать нечего, хлеб да майонез, даже картошку – и то только раз пожарила. Может от нищеты, может от жадности. А может и просто не хотела, чтоб я протрезвел – сбегу ведь. Говорю ей, мол, ты, мартышка, принеси водички, а она мне браги. И опять под одеяло лезет. С той поры ненавижу эти железные койки с сеткой до пола и стежёные тяжеленные одеяла. Как в гамаке. А потом на пол с ней ляжешь, а там сквозняки.

У неё ж реально подсвистывало на этой почве, как я понял. Посмотрит чего-то в какой-то книжке, потом ко мне лезет, давай, мол, так, а потом вот так. Глазки – буравчиком и складки жира по бокам – шлёп-шлёп!

Спрятала одежду, мол, в стирку, заблёвана вся, ходи в мо-

ем халате. Ага! Конечно! На третий день замотался в покрывало, пошел в уборную, мол, надоело в ведро ходить. Пуховик еле нашел в сарайке, под хламом. Замерз. Зато отошёл немного.

Смех, конечно, но меня тогда на измену пробилло – а вдруг она меня вообще уморит, а потом закопает нахрен, или собаке скормит. Удрал, не заходя в дом. На остановке уже нормально оделся.

– Ничего не подцепил? – спросил Бонда. – А то всякое бывает. Она ж явно не с танкового.

– Да нет, вроде...

– Так да? Или нет? Как то ты неоднозначно выражаешься. Или вроде – это «в роте»?

– В роте непорядок? Во рту? Знаю я этот анекдот. Не могу ничего уверенно заявить – я тогда почти сразу уехал, так скажем, в командировку. А там простыл, сидел на антибиотиках, если что и было, так все одним фронтом смело. Но думаю – вряд ли. Она так-то скромная была. Хорошистка.

– Удовлетворительница, блин! – засмеялся Глобус. – Ты, Чапа складно все рассказываешь, интересно. Скажи уж тогда, на спине-то у тебя с той командировочной простуды следы, или она тебя так когтями расцарапала?

– Ага, точняк, там прямо как чужой вырывался. Ничего не скажешь, а Чапа? – присоединились другие.

– Чужие здесь не ходят, – сплюнул Чапа, – только свои. Правда, ведь, Чечен?

– Отчепись, балаболка, – зло ответил Чечен. – Я все девяностые работал в Нижневартовске. Так что в моём зиндане круче папоротника-орляка никаких продуктов не водилось. И служил я... еще при Язове.

– Тут половина таких, Чечен, включая меня, – сказал Бонда, – так что угомонись. А про живность тема вечная. Вспомнилось кстати... Молодежь, аллэ, прислушайтесь! Может не всем вам яйца оторвет, вдруг по жизни пригодится...

Шучу, шучу, что с лица-то взбледнули? У тебя, Гриня, вообще гарем будет, только успевай зарабатывать. Ладно, слушайте. У нас в армии на подсобном хозяйстве были два деревенских гнома. Со Свердловской области. Один конюх, другой – свинарь. Подсобное было далеко, в глухой деревне. В расположение эти черти только на выходные возвращались. Страшно переживая по своим свинкам и лошадам. Еще бы, там снег квадратным делать не надо, и сечку на воде жрать незачем. И никто не орет, не обижает. А можно пить вкусную бражку, есть белый хлеб без нормы и регулярно пороть местных служащих СА – озабоченных чумазых удмурток неопределенного возраста. Которые тоже... мелкие и воючие. Оттуда, с подсобного, нам и привезли в казарму... зверей. У конюха чуть ли трусы не шевелились. Весь керосин с летучих мышей ушел на профилактику. Я с дежурства вернулся, зашел в казарму – вонища! Бойцы бегают туда-сюда, ну это как раз нормально, только все какие-то... по-особенному возбужденные. В умывальнике раскорячившись, стоит

голый солдат в одних тапках и выбривает себе пах.

Тогда-то я и узнал новости. Тут же поступило предложение пойти в кубрик третьего взвода, чтобы посмотреть на героев дня и их фауну. Я подумал. А в армии тогда думать надо было демонстрируя процесс, то есть с паузой и соответствующими переживаниями на лице. Чтобы не прослыть несерьезным человеком. Подумал, и отказался. Я был наслышан про прыгающих блох. А повадки лобковых вшей мне незнакомы. И сам я не настолько любопытен. Товарищи мои придерживались того же мнения. Еще мы решили не сдавать нижнее белье по субботам, а стирать самостоятельно. А то мало ли чьё потом достанется. А доверия прачечной мало. И гладили всё особенно тщательно. Раза на три. Брить тестикулы не стали – стрёмно. И на авось.

Ротный потешался на построениях. «Что, – говорит, – нашли себе бабушек? А если такая от счастья помрет, что ты делать будешь? Пять нарядов, каждому!» Нас бы убил, а с этих клоунов что взять. На них посмотришь, уже смешно. Представь – два Швейка, метр с кепкой каждый, рябые, рыхлые, пэша складками, шапка как у почтальона Печкина. Позор Советской Армии! Но ведь – гусары!

Глава 15. О жизни на болоте

– А что ты от меня хочешь, я ведь, по сути, обычный человек? Откуда я могу всё знать. Я и не стремился. Представь, что тебя просят рассказать, где ты был и что делал много-много лет назад. И что тогда творилось в мире. Примерно-то ты помнишь многое, что-то, конечно, и в деталях, но... Возможны пробелы. *Я сижу у окна. Вспоминаю юность. Улыбнусь порою, порой отплюнусь.*

Жизнь иногда была такая, что... стоило навсегда забыть. Понять же, запомнить, чтобы сделать запоздалые выводы... не хотелось. Думалось – летим, как на сломанной карусели. На бешеной карусели – скорей бы все закончилось. Тогда уже можно будет выдохнуть и открыть глаза. Начать дышать и всматриваться.

Я могу рассказать только про то, что я видел, о чем слышал и... что помню. Ну, могу еще немного приврать, хе-хе, уж больно у вас морды забавные. Сурьёзные такие!

Скажи вам, что будут звездолеты летать и мир во всем мире, вы тут же поверите, а расскажешь, как Союз развалился, про брат на брата... или про то, что жигули можно будет купить с одной зарплаты... так всё... Сказочник! Ну и что? Чисто дети! Так что... можно я буду говорить то, что считаю нужным? Благодарствую. А вы уже сами делайте выводы.

Почему не стремился? Что «не стремился»? А, ну да, у

вас же это приветствуется. Киножурнал «Хочу всё знать»! Да, хотели. Всё знать, всё уметь. И образование у нас шло хорошее. Всеобъемлющее. Я сравнивал потом правильное образование с ёлкой. Школа, семья, книги, фильмы... короче, правильная почва дала возможность вырастить крепкие корни, ствол, основные ветви. Дополнительное специальное образование – мелкие ветки и иголки. Согласно полученным профессиональным навыкам. У кого крона погуще, у кого пожиже. Но красивое дерево получается. Ровное. Игрушки и гирлянды каждый сам навесит. И таких – большинство. На окраинах и в гнилых местах, типа Москвы, поменьше. Там конечно поктивее. А так – нормально. И есть чем гордиться, несмотря, как говорится, на!

А стало как? Слёзы! Что нормальное может вырасти из человека, если почвы нормальной под ногами нет, а одно болото... из фекалий, гноя и крови? Видел же наши отстойные поля перед сливом канализации в речку? Я вчера туда чуть не забрел по старой памяти. Там потом, кстати, все осушили, участков напилили. Идиоты купили. Пытались строиться. Ничего хорошего не вышло – сваи уходили как иголки в вату.

Так вот, какая будет основа для нормального созревания? Если кругом топь, вонь и гниль, одна нечисть и цветет и пахнет. Только остановился в развитии, или не повезло – все, засосало... Кругом – дрянь!

И уже многие из тех, кто раньше вырос и окреп, подгни-

вать начали. А про молодую поросль и говорить нечего. Они и не видели, *как* можно жить. И не знали другой жизни. Ствол кривой-тонкий, все ветки перепутаны. Но покажи им старые картинки – заскучают. Там же яркой болотной растительности нет. Все жестко, основательно, прямолинейно. Предсказуемо. Невесело, одним словом!

А ведь, следует признать, что в болоте флора и фауна будет побогаче, чем... в нашем-вашем не самом, кстати, роскошном лесу. Там-то одних кровососущих сотни видов. И сухие участки присутствуют, и озёра. А клюква какая! Знатная, я тебе скажу, клюква! Только вот жить на болоте опасней. Даже хищникам с амбициями.

И уже... не требуется видеть дальше своего квадратного метра. Нахрена, мол, мне еще и чужие миазмы. И дополнительный риск. Сиди на своей кочке и не квакай, авось не прилетят за тобой!

А жить-то везде хочется, хоть ты ёлка, хоть саксаул. Микрируешь, деформируешься, так и не заметишь, что ты уже и сам... наполовину мутант. Посмотришь незамутнённым взглядом – шарахнешься.

Глава 16. В коридоре

Я Кашпиоровского не слушал, возможно, это меня от чего-то и спасло. Мутная с ним была история. И очень уж своевременная. Народ ведь потом... словно с ума посходил. Как будто стержень вынули и мозги промыли. А какой народ-то был!

Нам уж точно было не до этого загадочного дядьки, собирающего страну у телевизора. Мы гуляли по пустынным улицам, в каждой квартире горел бело-голубой огонек телевизора. Окна многоэтажек синхронно мерцали. Тогда не было принято занавешивать окна. Самый тяжелый случай – это лёгкие тюлевые занавески. И балконы-лоджии тогда не стеклили. Возможно, это просто никому не приходило в голову.

Наши окна смотрели на центральную улицу и по праздникам на балконе мы должны были вывешивать флаг. В другие дни он в свернутом виде стоял в углу за высокой магнитолой. Выцветший флаг из паршивого красноватого материала, типа сатина, вблизи резко контрастировал с известными мне по школе и армии роскошными знаменами. Но издали это было незаметно. В детстве приятели завидовали мне по этому поводу. Их квартиры располагались не в тех домах или не на тех этажах.

Мне же было по барабану, я больше гордился уникальным жёлтым полом и клееным пластиковым потолком. Родители

в моём детстве часто колесили по стране и видели там всякое. Могли из столицы поездом привезти обои, а посылкой переправить ярко-белую гэдээровскую краску для окон. Тогда это не являлось дурдомом. О, блин, кому я это рассказываю! Забылся...

В то время я вернулся из армии, учился на втором курсе. Бывшим армейцам на два семестра гарантировали сорок рублей стипендии. При любой успеваемости. Это было разумно – отупели мы, как выяснилось, прилично. Интегралы не извлекались, на лекциях хотелось спать. Решением Верховного Совета СССР студентов брать в армию перестали, мы были одним из последних призывов. Несколько месяцев недослужили и демобилизовались не по приказу, а по горбачёвскому спецпостановлению. Так что не было у меня ста дней до приказа.

Учиться на дневном отделении и сидеть целиком на шее у родителей стало стыдно, и я устроился ночным сторожем в поликлинику. Оформившись в отделе вневедомственной охраны за восемьдесят рублей в месяц. Плюсом шли вещевые бонусы – бушлат-фуфайка, прорезиненный зелёный брезентовый плащ до пят, искусственного меха зимняя шапка, трехпалые вохровские теплые рукавицы и кирзачи, несколько отличающиеся от армейских. Все добро я увез в деревню. Плащ сохранился еще почти на тридцать лет – валялся в багажнике машины. Пригождался на рыбалке и в качестве подстилки на пикниках. А дублёный тулуп мне не выдали – не

положено тем, кто дежурит в помещении. Переводиться же на другой холодный пост, после столь недавней отдачи воинского долга, я посчитал глупым. Даже ради жёлтой дубленки.

Мой объект обладал большим количеством плюсов. Можно было готовиться к занятиям прямо на работе, можно было бессовестным образом спать, не утруждая себя регулярными обходами, можно было втихушку принимать гостей. А ведь тогда даже номер в гостинице было не снять. На фоне таких преимуществ минусы почти терялись.

Плохо было то, что П-образная двухэтажная поликлиника имела множество незакрывающихся снаружи дверей. А также наличествовал весьма тревожный неосвещаемый подвал, из которого порой доносились невнятные звуки. В начале смены я всегда проверял на месте ли навесные замки на обитых железом подвальных дверях, и только после этого вылезал через окно на улицу и обходил по периметру все здание. Отметив незакрытые окна, я брал ключи от соответствующего кабинета, устранял причину своего беспокойства, а утром, если замечал соответствующего врача, ворчливо делал замечание. Невзирая на возраст. Это тоже был в некотором роде бонус – «построить на подоконнике» отоларинголога или фтизиатра. Для двадцатилетнего, впрочем, простибельный.

До решеток на всех окнах первого этажа дело тогда еще не доходило – был еще поздний социализм, но наркоманы уже всю шустрили. Да и шпаны всегда хватало, разбить стекло

и влезть, скорее всего, побоялись бы, но полуоткрытые окна и незапертые двери выглядели приглашающе.

Иногда в самом здании, то тут, то там отчетливо слышались шлепающее-шаркающие звуки. Поначалу это напрягало, я хватал текстолитовые нунчаки и крался к подозреваемому месту. Естественно ничего не обнаруживал, возвращался, вновь прислушивался. Это здорово мешало заснуть. А выспаться на дежурстве, хотя бы чуть-чуть, я считал обязательным, днём этого делать было некогда.

Выучив то, что требовалось для института и, почитав взятые с собою интересные тогда газеты, я делал крайний обход и укладывался в горизонтальное положение. Обычно шел второй час ночи. Помню, что по первости, таскал с собой здоровенный механический будильник «Янтарь» (вчера им любовался), потом приноровился прятать его в регистратуре. В выходные и праздники заступал на сутки.

В армии я научился спать в любой позе, на любой поверхности, и при любом освещении. Это здорово помогало. После часа ночи, я стелил принесенную с собой простынку прямо на жесткую обитую дерматином банкетку в коридоре, придвигал стул, клал под голову свернутую верхнюю одежду и мгновенно засыпал, сняв только обувь. Спал чутко, часов до шести.

Однажды я проснулся от осознания, что кто-то склонился надо мной и смотрит прямо в лицо. Я в ужасе вскочил, никого естественно не обнаружил, но пугающее ощущение

осталось.

Пришлось по ночам переходить в какой-нибудь из кабинетов, и спать, запираясь на ключ изнутри.

Впрочем, через некоторое время я вновь стал свидетелем того, что кто-то неспешно приближался по коридору, направляясь в сторону моего убежища. Я натянул ботинки, схватил захваченный с собою большой кухонный нож и встал у двери. Шарканье неожиданно прекратилось. Я выждал несколько минут и, опустившись на колени, посмотрел в нижнюю не занятую ключом скважину кабинетного замка. Я делал такое раньше и знал, что увижу – напротив моей двери в дежурном освещении всегда белела дверь другого кабинета. Но в этот раз я ничего не увидел – было темно, я ничего не понял, и даже не успев осознать, немного отстранился и вдруг в черноте увидел легкое отражение света из моей комнаты. Как это может отражаться в черном зрачке. Я заорал, одним движением повернул ключ и распахнул дверь. Никого не было. Я опустил нож и выдохнул...

Позднее, я имел глупость рассказать про это своему другу, который как раз планировал встретить Новый год не дома с мамой и старшей сестрой, а на свободной территории. У меня вообще любили тусоваться различные гости, однокурсники, приятели. И девушка, которая редко оставалась до утра. Мы вылезали с ней через окно, я плотно прикрывал его, и провожал ее до дома, оставив вверенный мне объект без охраны более чем на час. К счастью ничего такого не слу-

чалось. Девушка жила в другом районе. Трамваи по ночам ходили плохо, слышно их было издалека. Улицы пусты, ни машин, ни людей. Когда становилось совсем уж холодно, мы ждали трамвай в ярко освещённой заводской проходной напротив остановки. Провожать было необходимо. От ее остановки нужно было пройти еще десяток минут в гору, до пятиэтажки, где жила бабушка. Прокуренная, высокая и... всё понимающая. Родители наверняка не были бы столь лояльными к ночным похождениям.

А в другой раз, когда мне не надо было возвращаться на работу, я мог рассчитывать даже на раскладушку. Впрочем, я никогда не оставался до утра. Ни тогда, ни потом. Ни с кем. Хоть в три ночи, но я уходил. На работу, домой, в гараж, куда-то еще. Почему-то только уход в ночь я считал единственно правильным решением.

Друг слишком хорошо меня знал. Он быстро понял, что в этот раз я его не разыгрываю. Мы походили вдвоем по пустынным кабинетам, подумались, позвонили всем знакомым, и он вдруг засобирался домой. Вспомнил про какие-то обещания, неуклюже пооправдывался, оставил принесенные с собой незатейливые припасы, компактный черно-белый телевизор и ушел. Провожать его было не надо. Он сам при желании мог напугать любого встречного.

Это был период безвременья, мы встречали девяностый год, были молоды и довольно беззаботны. Но тогдашнее ощущение всеобщей тревоги и предчувствие огромной на-

двигающейся беды я запомнил на всю жизнь. Становилось ясно, что все идет в разнос. С каждым днем все сильнее и сильнее. Я не видел тогда для себя новые открывшиеся возможности, я видел только закрывающиеся перспективы.

Всеобщая агония убиваемого Советского Союза наложила на личную депрессию. Из которой я вынырнул в мае девяносто первого, встретив свою будущую жену. До этого мы долго шли друг к другу. Это была очень трогательная и романтическая история, полная самых настоящих чудес. И я благодарен небесам, давшим мне такую возможность.

События августа мы тогда восприняли как прорыв гнойника. Я как-то сразу понял, что на самом деле произошло, и через неделю ушел в бизнес. С волками жить...

Ностальгии у меня не наблюдалось, слишком свежи еще оставались поганенькие впечатления последних нескольких лет. Пускаться во все тяжкие и рисковать было не столько боязно или чревато, сколько мешали воспитание и убеждения. Потом, через несколько лет, это было уже не объяснить словами. Весь этот слом. Страны, людей, убеждений, психики...

Тогда я еще не был настолько отмороженным и небрежливым. Все порядочные люди ошарашено плыли по течению. Торговать стрёмно, а предприятия потихоньку закрывались. Зарплаты не платили месяцами. Иногда удавалось что-то вырвать по бартеру. Депресняк нарастал. Просвета не было видно, но я уже определился в выборе и хотел завести

семью. А это требовало солидных решений. Я ушел работать в частную компанию, продолжая учиться на дневном. Просто ради диплома. По специальности позднее не работал ни дня. Как и большинство моих однокурсников.

Платили мало, безжалостно обманывали при расчетах, но... было интересно, коллектив великолепен, я быстро поднимался выше и выше. Власти и возможностей становилось все больше. Реальных же денег почти не прибавлялось. Воровать у компании не хотел, да и не стал бы никогда. И вот, однажды я понял, что достиг потолка и аккуратно спрыгнул.

Глава 17. Версии

– Итак, ввиду очевидной неоднозначности происходящего, следует выработать общую линию поведения. Рабочих версии у меня три. Первая: наш юный друг – казачок засланный. По нашей епархии. Соло на контрабасе. Поняли, да? Проверка на вшивость. Заучил... по методичке какой-то бред, пытается его донести. Вызвать нашу реакцию. Странный подгон, но... всё когда-то впервые. В пользу этого говорит и ситуация с Штейном. А про него знали только наверху... и мы с тобой.

Вторая версия – казачок засланный, но с другой... ветки. Тут уже пахивает интригами... выше этажами, а не здесь.

Но нас это все равно касается. Хоть мы даже не шея. Общий вопрос по обеим версиям – почему мы? Опять же, мы не знаем, *только* ли мы? Соседей не расспросишь. При любом раскладе – делаем все... как положено... и докладываем наверх. Следует отметить, что работаем... особенно аккуратно, все детали, все полутона фиксируем. Ограничиваем контакт с ним, мы двое плюс Николай Петрович. Для остальных формируем легенду... по разработке юноши для наших кадров. Дело было... заведено, запросы ушли, всё по регламенту. А вот контакт с ним форсируем по мере возможности. Хотя... форсируешь тут! Прошу высказываться!

– Сергей Андреевич, а ты ведь не всё сказал, что хотел.

Ты тоже... допускаешь? Третью версию?

– Да. Сказал не всё. Не всё. И не должны мы озвучивать всё. Но! Ещё мы не должны выглядеть посмешищем. Даже друг перед другом. Ты меня понимаешь? Поэтому подумаем о разном, а вслух скажем так: третья версия: парнишка – искусный фантазёр. Без злого умысла. Компилятор. Пролетающий над гнездом кукушки. Как угодно. При такой конкретике по весне все вскроется – и лед на реке, и кто где метил.

Глава 18. Знакомство

– Бонда, я там ребятишек построил. Ты там хотел их... в курс дела как-то ввести что ли?

Бонда кивнул и вышел в длиннющий коридор школы. Новобранцев было аж под две сотни. Разных возрастов и национальностей. Битое стекло песочно похрустывало под ботинками. Командиры стояли в простенках у окон, новоприбывшие у стены. Чапа выстроил их в три шеренги и ходил вдоль, всматриваясь в лица. Чувствовалось напряжение. Бонда и не подумал его снимать. Он прошел на середину, осмотрелся и процедил:

– Здравствуйте, господа смертнички!

По рядам пронесся гул. Орать про здоровья желаем, как учил их Чапа, было вроде как неуместно. С другой стороны, их предупредили, куда попали, и чего примерно следовало ожидать.

– Заткнулись, блядь! – прицыкнул Чапа. – И слушаем.

Бонда брезгливо оглядел строй и продолжил:

– А почему вы меня спросите, господа, а не товарищи? А вы мне пока никакие не товарищи, я вас впервые вижу. И то, что вас проверил товарищ, – он подчеркнуто выдал последнюю букву, – Наглер, то это еще ничего окончательно не означает. Вы не прошли и десятой доли тех пробивок, которые он вам устроит. В том числе и с моей по-

мощью. Причем знать мы об этом не будем. Не так ли, товарищ Наглер? – Бонда обернулся к Наглеру и незаметно подмигнул ему. Тот, казалось, побледнел еще сильнее.

Бонда развернулся и вперил немигающий взгляд на строй. – То, что вы прошли первичную проверку, пока дает вам только лишь право стоять здесь и слушать меня. А не ветер в ваших бестолковках.

Для удобства и в силу... целесообразности живем мы и общаемся согласно уставам Вооруженных Сил Советского Союза. Поскольку большинство проходило срочную службу давно, кто-то вообще не служил, или обретался в армиях других государств, включая ВэСэРЭФэ, буквального следования уставам не происходит, но отдельные их разделы следует вызубрить. Подробности донесут ваши командиры взводов. Я несколько о другом. Время нам выпало ожидаемо поганое, хотя и интересное. Фактически, который год идет война. Война против нас всех. Включая и тех, против кого мы тут воюем. Но об этом позднее.

Для начала, я постараюсь максимально доходчиво прояснить некоторые моменты.

Если я буду говорить очевидные для вас вещи, просьба не гундеть и не комментировать. Молча радуетесь, что оказывается вы не совсем идиоты, и не более того. Возможно, кто-то из вас слушает меня в первый, и в последний раз, я не зря назвал вас смертниками. Самонадеянность и тупость в наше сложное время ведут только в могилу.

Бонда подошел к длинноволосому ясноглазому юноше и одним движением вырвал свисающий из бокового кармана наушник.

– Если хоть один утырок будет замечен с любим, я подчеркиваю, любим, сраным гаджетом, этот идиот навсегда потеряется. А маме, жене, или чей вы там контакт оставили, через месяц пойдет сообщение «пал смертью храбрых». Запомните, ребята, мы не знаем, что там зашито. Следует воспринимать любой, даже отключенный телефон, плеер, фотоаппарат как опасность. Это, как минимум, навигационный маячок. Вариант – прослушка, еще вариант – мина, в том числе отложенного действия. Могу накидать еще примеров. Используйте только вот эти проверенные говнорации. Всё. Мне не надо, чтобы вас идентифицировали и накрыли! И так рисков масса. Чапа, расскажи за посылку.

– Докладываю, – охотно зарокотал Чапа. – В том годе, бо-ец... Долбойобов в селе Засранском на обочине дороги обнаружил коробку. Ящик с новыми телефонами в количестве дохуа штук. Порядка пятидесяти. Смартфоны, все дела. Раздал товарищам. Зарядили – пользуются! Кто симки заныканые воткнул, кто фоткается, кто музыку слушает. Накрыли. Почти всех. Одним залпом.

– Благодарю, – продолжил прошагивающийся вдоль строя Бонда. – А, главное, положили не только этих баранов. А и других, которые видели, но не посчитали нужным пресечь это безобразие.

В этот момент он остановился около Ходырева, навалившегося задницей на подоконник, с пару секунд посмотрел на него, развернулся и пошел в другую сторону.

– А вот ухмыляться здесь не следует, – уперся он взглядом в рыжего здоровяка, – ухмыляться буду я, когда твою обугленную тушку схмячат ёжики в кустах. Стучать и докладывать в боевой обстановке – это абсолютно разные вещи.

Для того, чтобы совесть была чистой, рассказываю простейший алгоритм ваших действий в подобных ситуациях. Итак, тупой, но, надеюсь, более доходчивый для вас пример. Допустим, вы видите, как вот это рыжее хуепутало принесло в расположение подразделения снаряд и пытается его расковырять. И, первое, что вы делаете, так это ставите в известность самого долбоёба о наиболее вероятных последствиях его телодвижений и принимаете меры по устранению опасности. Причем если вас, наблюдающих идиотов, вокруг несколько, то делаете это совместно, активно поддерживая друг друга. Рыжему – в рог, снаряд – за пределы! Это, заметим, только начало!

Второе, вы при любом раскладе и исходе, докладываете все это дерьмо своему младшему командиру. Он должен знать своих идиотов... и делать выводы. Иначе, рано или поздно, это будет чревато. Далее идет доклад выше. За сокрытие наказание жестче.

А каждый придурок будет должен зарубить на своем носу о неминуемых последствиях поиска приключений для своей

задницы.

И в следующий раз – а этот следующий раз неминуемо наступит – очередной валенок уже поостережется так поступать. Или убьет себя любым другим способом, но на безопасном расстоянии от коллектива. А ваши шансы выжить несколько возрастут. Якши, саксаул? – он остановился напротив пожилого азиата. – Казах? Да стой, стой, дед... Продолжаю...

У нас здесь служит огромное количество людей из разных социальных слоев, разных-заразных национальностей и вероисповеданий. И всем должно быть по барабану, кем они были в прошлой жизни. Здесь все разговаривают только по-русски, и молятся молча... исключительно Всевышнему. А кто он для конкретного индивидуума – Христос, Олло, Будда или кто-то еще – никого, кроме него самого, волновать не должно. Все ритуальные предметы не должны демонстративно выставляться напоказ. Никаких... моль... бертов! Все религиозные отправления делаются мысленно. Медитирующих – без нужды не беспокоить.

Здесь никому не интересен ваш прежний социальный статус, учитываются только знания и навыки, необходимые для боевых действий. И нам глубоко безразлично, сколько у вас было автомобилей, прислуги, и прочие... сказки из прежней жизни, но если вы, например, хорошо готовите, водите грузовик, стреляете, ориентируетесь и так далее – молчать не стоит. Указать обязательно все навыки и умения! Так будет

лучше и для вас лично. У нас был прекрасный парикмахер и бездарный боец. И это я говорю про одного и того же человека. Царствие ей небесное!

Всю увиденную электронику лучше обходите за версту. И не трогайте, представьте самое простое – что это заминировано. Еще бывает и скрытная аппаратура. Скрытая. Тот же навигационный маячок, спецметка, или считыватель. Заметили непонятное, тут же доложили.

Считыватель стоит вот в той, допустим, машине, – Бонда ткнул пальцем через разбитое окно во двор школы, – и всех вас идентифицирует. Кто, рядом с кем, в какое время, и в каком направлении. Даже будешь в балаклаве, посмотрел туда – по глазам вычислит, если оптика встроена соответствующая. А там много может быть сенсоров, и на голос, и на электронику. Мы и сами такие, бывает, ставим. Когда богатые.

– А давайте ее проверим! – раздался молодой голос, и Бонда развернулся.

– А, опять ты! Кого проверим, чубайс?

То тут, то там раздалась тихие смешки.

– Ну, машину эту, – растерянно сказал рыжий...

Сдерживать смех уже никто не стал. Даже Бонда от неожиданности слегка ошалел, глубоко вздохнул, и переглянулся с Наглером.

– Парень, а ты, я смотрю, идиот? Да еще и... инициативный? Что ты, блядь, башкой трясешь? Только глухой? Я сказал слово – «допустим»! Слышал такое раньше? Давайте ещё

все машины проверим! И дома, и камни, и деревья. Тут даже с прибором сложно засечь – эта хрень работает, в-основном, на прием. Она может вообще ничего наружу месяцами не передавать, если настроена, к примеру, только на большие группы или конкретные симки. И передает все за доли секунды. Позывной твой, боец?

– Гиря, тащ командир!

– Вижу уже, что не Гирькин! У Чапы есть распечатка учебника Челпанова, после построения получишь... Два дня тебе на изучение логики. Проверю лично! Заткнулись все!

Особое внимание гражданским. Скажу нехорошее, но... Идет война. Чего уж там вуалировать. Здесь уже не первый месяц ведутся боевые действия. Коридор предоставлялся. Хуевенький, но тем не менее. Да и раньше... время съебнуть отсюда было. И все же здесь местами осталось до пятидесяти процентов. Не хотят. Извечные русские, да и не только русские, Авось и Похуй. Буддисты, блядь! Но достается им с обеих сторон. Тут шансы плохие. Между молотом и наковальней. Я имею в виду обстрелы. А за другое, предупреждаю, пойдете под трибунал. В башке у всех каша, в семьях часто разлад, родственники отмобилизованы у многих в разные стороны. Большинство открыто за нас, но что они скажут, если мы уйдем, я лично не уверен. И иллюзий не питаю.

Поэтому – очень внимательно ко всем. У нас естественно есть люди, которые оперативно работают с местным населением, но... В общем, мы заранее их всех предупреждаем,

чтоб сидели как мыши под веником, и не высовывались. Тогда целее будет все, и люди, и строения. Комендантский час никто не отменял, ночью свои не шароёбятся. Вглядываться времени нет. На той неделе в Аллюево деда сняли. На «Ниве». Куда попёрся – неизвестно, но пост сработал правильно. Был человек – нет человека. Ладно, этот старый крендель вечно датый был, и это общеизвестный факт. Но там, – Бонда махнул наверх и в сторону, – уже хай подняли. И чем больше такого будет, тем хуже и нам, и местным. И лучше этим. Потому прошу, приказываю – не заискивать, не панибратничать, держаться настороже, объяснять, что это все не шутки.

Наша задача в этой войне не накрошить за ради чьих-то хотелок гору трупов своих же, пусть и с тараканами, граждан. Они нам еще в мирной жизни пригодятся. Нам потом восстанавливать это всё – и экономику и мозги. Вот и свои извилины включайте, а правильное – не выключайте!

На сегодня все. Рамиль! Завесишь здесь окна рабицей, ты в Поляковке делал, знаешь, где и как. И это... заранее возьми степлер и пленку. Где стекло нет, простреляй, а то мы задубеем ночью.

Глава 19. Будь, что будет

– Сынок! Ты... не связывайся с этими. Ничего хорошего из этого не выйдет. Подрастёшь – поймёшь, да и я, может, расскажу...

– Пап, да я так-то с тобой... солидарен. Как пролетарии всех стран. Ты только не откладывай, пожалуйста! Я однажды понял, что все время не мог с тобой поговорить. По душам. Долго. Ты всегда от ответа уходил. Уходишь. Потом, завтра, когда-нибудь... А потом... потом вырасту я... мне некогда будет. Так и не узнаю, что ты мне хотел сказать, от чего убережешь... Что у тебя на уме было? Почему ты такой, а не другой... Я же не пацан, мне уже... можно.

– Ты подстригись для начала как человек! А то я ночью тебя подобкаряю, придется под Котовского бриться!

– Пап, да я только за. Сам бы подстригся, да тут сейчас мода такая, выделяться не хочется. Самому себе проблемы создавать. Я в чекисты не пойду, не переживай! И ментом никогда не буду. Буду студентом, а потом... всем подряд. Но человеком. Точно тебе говорю, не смейся!

* * *

Бонда вспомнил, как однажды нашел у матери на даче пачку старых газет. С любопытством пролистал несколько

штук и вдруг наткнулся на недоразгаданный отцом кроссворд. Не хватало всего пары слов – отец кроссворды даже не разгадывал, он их заполнял. Бонда знал эти слова. Ему стало не по себе. Навернулись слёзы. Он нашел еще несколько подобных субботних выпусков, один – с весёлой надписью на полях. Увёз их домой.

«Держись, – сказал он себе, – нельзя. Надо терпеть и делать то, что должен.»

Глава 20. Плохой сон

– Ты знаешь, я однажды, в мирное еще время, проснулся... неожиданно. Сон плохой приснился. Причем сюжет жутко реальный, но с таким невероятным перехлестом событий и декораций! Неприятные вещи происходили там, где никак не могли произойти. Было еще очень рано. Я понял, что больше не усну, встал, подошел к окну, и отшатнулся. Все было завалено снегом. И он продолжал лететь с неба огромными хлопьями. Стоял конец апреля, еще вчера ярко светило солнце, кое-где пробивалась молодая травка. Земля была уже почти сухая. И вот!

Я увидел, что с вечера не отключил вайфай роутер, что обычно привык делать всегда. У меня был такой бзик – не любил спать, зная, что вокруг тебя масса ненужных полей. Даже телефоны старался класть подальше. Роскошь их отключения я тогда не мог себе позволить. Наверное, это было глупо – масса чужих роутеров вокруг работала круглосуточно, в двухстах метрах торчала сотовая вышка, эфир наполняли тысячи чужих сигналов, ежесекундно проходящих через мой капризный организм.

И я неожиданно подумал, что апокалипсис может прийти во сне, через постоянно работающий вай-фай, дублируясь по фм-радиостанциям и сотовой связи. Резким мощным ударом в мозг. Приедет фермер утром в город, а в городе все

мертвы. Или сошли с ума.

– А ты не подумал, Бонда, что так и произошло? Мы есть то, что мы едим. Что потребляем. Мир сошел с ума. Где меньше, а где совсем... с катушек. Разве можно было вообразить такое лет тридцать назад?! Сон-то хоть про что был? Триллер?

– Про Любовь. В моем доме детства. Она ушла от меня.

Глава 21. Разложение

Просто так ничего не бывает. Не надо было быть параноиком, чтобы увидеть планомерное и методичное подталкивание к краю.

Создание формальных и неформальных движений и течений, как точек будущей кристаллизации. Хоть за футбол, хоть против чиновников, хоть за три спиленные сосны – выйди и побузи, серьезного за это тебе ничего не будет, а почувствуешь себя окрыленным. Хапнешь адреналинчика, и еще всяких других гормончиков, тебе понравится! И потом так втянешься, за уши не оттащишь. А дозу надо ж повышать, а то не приёмёт. Пассионариями не рождаются.

Символика. У вас такая ленточка, а у них такая. «Они – уроды, а мы – классные. Ты не с нами? Ты за них? А за кого? Ни за кого? Значит, ты ничего не понимаешь, вот послушай»...

И на всё – нелепые аргументы, хлётские лозунги и за рукав – пошли, пошли скорее с нами!

Жить становится хуже? Конечно, ты же видишь, кто у власти? Как такие могут управлять? Снести их, до основания! Все поменять.

А с другой стороны кричат: «У власти наши... Но не только они. Пятая колонна проникла повсюду! И поэтому жить стало хуже – гадят, ты же видишь, как гадят! Надо помочь

нашим, надо их поддержать!»

– А такой-то наш? – спрашиваешь.

– Наш, наш! – отвечают. – Он же высказался так-то и так-то, у нас есть запись.

– А чего ж он такой козлиная-то, такое вон творит, что и не подумаешь, что наш?

– Не верь, – говорят – это пропаганда! Такого не было никогда, это сейчас у них агония, всё врут!...

А соль была в том, что, похоже, все были чужие. Веры не было никому. И люди пытались жить маленькой частной жизнью. Строить, растить, пытаться, стремиться. Загадывать и надеяться. Только вдруг политики опять стало... ну о-очень много, ступить некуда. Пришли интересные времена. Вскрылись закладки.

Помню, как у нас мозги молодежи загаживали... И грамотно ведь так – на всех уровнях продукт плейсмент. Встроенные гвозди для черепа. Включаешь самый популярный телеканал, сериал идет для школьников. Главная сволочь, которая всех там швыряет и гаденький такой – спортсмен в футболке с надписью «Я – русский».

Ну, я – русский, и что? Мне таким же надо быть? А если нерусский, то соответственно русских ненавидеть? Как это-го... персонажа.

Били прицельно и по самым уважаемым в нормальном обществе профессиям. Через еженедельные, юмористическими-то не назовешь даже, передачи вбивали, например стой-

кие шаблоны на конкретные социальные группы. Если учительница – то это тварь, думающая только о том, как содрать денег с родителей или детей, да о похотливых утехах с дебиловатыми физруком и трудовиком. Если медик – то тупой беспринципный врач, забывший и клятву Гиппократа, и прочие моральные принципы. Если гаишник – то жадная скотина, делящая трассу с проституткой. А если депутат или чиновник, то и говорить нечего. А что, непонятно, зачем туда идут? Не для блага же народонаселения!

И это не юмор, и не сатира. Это формирование нового мышления. Обладая которым люди уже будут ржать, услышав профессию фрезеровщик или полярник. Так как она ассоциируется у них с гомосексуалами. Вдумайтесь! Не балерун, не актер, даже не парикмахер, а полярник и фрезеровщик! Это для нетолерантных, так сказать.

А пидоры голубой ниткой ползут через все передачи. И к месту, и не к месту. Навязывая своё. Это сейчас они в рамках и шифруются, а вот отменят статью за мужеложество и понеслось! В прогрессии. Такое ощущение, что они как зомби, укусили, и тот тоже... из нормального становится... таким же. Парады по всему миру. Рассказать, как боевые педерасты украли радугу? Да анекдот такой был, не про радугу. Привязался на всю жизнь, тьфу. Потом расскажу, Петрович!

Короче, сначала они застолбили голубой цвет, и всё с ним связанное... стало как бы двусмысленным: голубой вагон, голубой огонёк, голубой щенок. Голубое небо как-то еще

держалось, а вот «голубые дали» и «голубые ели» слышались уже как репортажи из жизни педерастов... с голубого экрана. Странно зазвучали гайдаровские «голубая чашка», «голубая страна» и Гейка из «Тимура и его команды. Гейка? Оне ж гэи стали называться, а не говномесы.

Когда с этим всем почти уже смирились, выяснилось, что с розовым цветом то же... не все в порядке. А вот претензии на всю радугу стали уже совсем несмешными. Уже бесить ведь начало. И все равно у них получилось. Скажем, в отель под радужным флагом я бы не вселился. На всякий случай. А то вдруг и понравится? Шучу, тьфу три раза. Мы нормальной ориентации.

Дошло ж до того, что иные родители радовались, увидев сына с какой-нибудь замухрышкой в юбке: слава тебе, господи, хоть тут всё нормально. Дети ж у большинства росли в интернете. Да не в интернате, а в интернете, в сети компьютерной с комфортным доступом ко всем оттенкам извращений. А проникновение этой нечисти было очень агрессивным. Еще б немного, и на математике дети задачи решали бы, типа: «Три гея пригласили двух трансвеститов... Сколько активных членов...», и так далее.

Выражение «это мой друг» у мужчин стало двусмысленным, и так предпочитали не изъясняться.

Я думаю, что многие профессии и занятия потеряли бы романтический флер, если называть все своими именами. Благо русский язык богат на точные определения. Не киллер,

а убийца. Не рэкетир, а вымогатель. Не гей, а педераст-мужеложец. Не менеджер, а приказчик. И так далее. Я не против заимствований, пусть уборщица называется красиво, но не надо прятать суть вредных для общества течений. Сейчас это еще понимают, а вот скоро начнется то, о чем я говорю.

Глава 22. Политинформация

– Наша задача – сделать размер потерь неприемлемым для противника. Но, следует учитывать и определенную виртуальность этих цифр. Простой пример: в событиях на Украине потери долгое время замалчивались и маскировались. Не было официальной огласки реального количества двухсотых и трёхсотых. А это тысячи. Плавно перерастающие в десятки их же. Но грамотно спланированный информационный шум дезавуировал заслуживающие внимания источники. Убили сто, напишут двое. И все верят, потому что хотят в это верить. Именно поэтому, важен фактор информационной войны.

– Погоди ты, – перебил Наглер, – ребятам надо конкретнее. «Все верят, потому что хотят в это верить». Это важно, но тяжело просто так осмыслить. Приведу приятный пример... из прошлой жизни.

Мужик покупает в продовольственном магазине батон колбасы. Он может и не знать, что такое правильная колбаса на самом деле. Состав, процесс изготовления и всё такое. Он также не знает, из чего сделан этот конкретный, купленный им продукт, и является ли он колбасой в ее настоящем значении.

Но он, собака, и не удосуживается сделать элементарный анализ, то есть залезть в интернет, найти информацию до-

стоверных экспертов, сопоставить с написанным на этикетке купленной им «колбасы» содержанием, подумать о последствиях употребления, сдать ее, в конце концов, на анализ в лабораторию и получить соответствующее заключение.

Он не хочет этого делать, его устраивает вкус, он «сам обманываться рад», ему чихать на последствия, он может сказать своей любимой женщине: «Дорогая, я купил чудесной колбасы, зови детей!».

Вряд ли он станет покупать продукт с названием «Колбасный продукт, сделан для Вас из канцерогенов и говнища». Люди, увы, предпочитают лёгкий путь неправды, и верят в нарисованную для них картинку. Хотя зачастую всё понимают. Чечен, я Что-то не то сказал? Ты чего лыбишься, вайнах хуев?

– Да грустно мне, – вздохнул тот, – и колбасы теперь хочется. Любой. Я даже читать не стану из чего она. Хоть из чего. Ты, в другой раз, с приятными примерами поаккуратнее... Лучше с неприятными. Запутал только, и так понятно было, что мало уничтожить, надо еще всех в этом убедить. Что мы победили. А не нас.

– А по сути? – строго спросил Ходырев. – Ты же понимаешь, что война выигрывается уничтожением и сдачей противника?

– А по сути... по сути ты прав. И не прав. С муслимами это не проканает. Они за числом не постоят, и от больших потерь не расстроятся. Там люди *под верой*, другие принци-

пы. И слова здесь столько не значат. Никто в слова не верит, только что про это говорили. В силу? Да. В лавэ? Да. Власть, цацки, прижизненные привилегии для понтов? Обязательно. Что-то еще? Может быть!

– Возражу насчет принципов, – снова вклинился Наглер, – там одно название. Для спонсоров. А воюет полный интернационал. Как, впрочем, и у нас. Только шибко сознательных там... на раз гасят. Что тебе, Рамиль?

– Интернационал интернационалу рознь. У них больше половины пришлые, причем издалека, а у нас почти все местные. И загорелых нет. Кроме Мамбы со станции. Да и Мамба, по большому счету, местный – уже двадцать лет здесь, с его слов. А там половина личного состава русского не понимает.

– Суч муч¹⁰? – усомнился Чапа у Наглера.

– Хум хау¹¹, фак-перелефак! – отвечал тот. – Все тебе хиханьки да хаханьки, и муслимами их погонять, по большому счету, некорректно. Поддержка у них вполне себе крестоносная. У нас, пожалуй, любителей курултая побольше будет раза в два.

– Ты еще любителей учпочмаков скажи, – усмехнулся Рамиль, – тогда можешь смело весь личный состав в муслимы записывать.

– Ну, я вообще все ем с удовольствием, – сказал Чапа, –

¹⁰ Так много (нарочито ломаный английский)

¹¹ Кому как (нарочито ломаный английский)

хоть бигмаки, хоть эчпочмаки. Самсу могу кока-колой записать. И кто я теперь? Космополит?

– Можно подумать тут кто-то сейчас по-другому бы сделал, – заметил Ходырев. – Чечен, вон, уже ливерной колбасе молиться готов, привези вам свинью, никто не откажется.

– Ну почему не откажется, – сказал Рамиль, – харам всё-таки.

– Да, ладно! На войне же не считается, – засмеялся Наглер. – Выделываешься просто, зная, что пустой разговор, и все. Харам! Рамамба хару мамбурум! И мужики твои сейчас ничем не побрезгуют. Бонда неделю вискас ел, не замяукал же.

– Глаза только поменялись, – пробормотал Чапа еле слышно, – а так – да, ничего. Он теперь и мыша сожрёт, не поперхнётся.

Чечен и Рамиль покатались со смеху. Наглер осуждающе уставился на них.

– Что глаза? – услышал всё-таки Ходырев. – Я не разобрал.

– Да так, ерунда, – быстро ответил Наглер, показав за спиной кулак, – аллергия высыпала. Всё прошло потом. Ты продолжай, продолжай!

Ходырев посмотрел в молескин, почмокал губами, нашел нужное место. Помолчал, читая про себя, поднял глаза на собравшихся комодов¹² и действительно продолжил:

¹² Комод – командир отделения

– Чтобы добиться перелома в затянувшемся конфликте, необходимо ведение активных боевых действий, развитие наступления и продвижение как минимум до административных границ по состоянию на март прошлого года. А это все, при условии наличия неприемлемого для противника размера потерь, позволит упрочить наши позиции на переговорах по международному при...

– А можно я скажу? – послышалось вдруг от двери. Все повернулись на голос и замерли. На пороге стояла чёрная фигура в балахоне. За спиной сверкало грозное небо. Из-под огромного капюшона блестели стеклянные глаза. Лица не существовало. В наступившей тишине стало слышно шум дождя и матюки с первого этажа.

Бонда снял промокший дождевик и балаклаву¹³, прокашлялся, протёр очки, внимательно осмотрел присутствующих, безглаголиво скривил верхнюю губу и продолжил:

– Ты, товарищ Ходырев, конечно прав – сделать размер потерь неприемлемым. Красиво говоришь, пафосно. Фурманов просто. Только здесь публика другая. И ты не на Пафосе. А потери могут быть различными. И по количеству, и по структуре... потерявшихся. И не только там, но и здесь.

– Да погоди ты, – остановил он приподнявшегося было Ходырева, – дай договорить-то! Можно, да? Ну, спасибо! Война у нас особенная. Истинный противник размазан среди баранов. Я обеими руками за то, чтобы все, блядь, их совет-

¹³ Балаклава – трикотажная шапочка-подшлемник, закрывающая лицо.

ники, дикие гуси, котики и прочая приезжая живность ехала на родину консервами. Чтобы хай там стоял, за «нет войне, все гоу хоум». Но – гражданскую войну надо прекращать. Надо переформатировать все это. Назвать всё своими именами. Людей надо просвещать, чтоб не жрали, Наглер, твою колбасу. Ее тогда и в продаже не станет. И рассуждать будет не о чем.

Китайцы считали победой над врагом не его уничтожение. Они полагали победой ситуацию, когда враг становился другом. А нам сейчас хотя бы остановиться, не усугублять. Нахуя нам здесь Палестина?

– Бонда, – вкрадчиво заключил Ходырев, – говоря другими словами, ты предлагаешь прекратить?... Отказаться от всего, за что полегло столько народу? *Эти* люди тебе недо-роги?

Голос его крепчал и, с каждым словом, звучал все угрожающе: «Ты к чему клонишь?!! Мы за мир и лапки кверху?»

– А вот не надо передергивать, – взвился Бонда, – я теми же словами тебе говорю: я предлагаю эффективное ведение боевых действий, а именно адресное уничтожение иностранной военной силы любыми результативными способами. Хоть мышьяком в коффе. И активную информационную поддержку. Вплоть до хитрой работы с пленными. Война, блядь, до победного конца вам нужна? Конца, на котором мы тут уже давно крутимся? И с которого хотелось бы, наконец-таки, слезть. Не «на конец», а «наконец». Слитно пи-

шется, а то масло масляное, нехуй ржать, бандерлоги! Все, политинформация закончена. Людям отдыхать надо.

Ходырев сложил бумаги в портфель, внимательно осмотрел всех присутствующих, смачно плюнул на пол и вышел. Наглер встретился взглядом с Чеченом, тот покачал головой и прокашлялся.

– Вот и вышел гражданин, достающий из штанин, – сказал Чапа. – Надо Ходыреву ружжо подарить, заместо его пукалки, и отправить за речку. Пусть воюет.

– Я б за такую пукалку две своих отдал не глядя, – заметил Наглер, – таких уже лет пятьдесят не делают. Я одно не понял, глава наш с какого момента нарисовался?

– Я вообще в ту сторону не смотрел, – пожал плечами Чапа, – честно говоря, подремал половину. Но тут галдели так, что и внизу слышно.

Бонда догнал Ходырева в коридоре. Взял сзади за рукав и прошипел, уткнувшись в ухо:

– Ну что, прапор? Всё записал? А ты не думал, что здесь как бы... передовая? И люди гибнут. Ты сам, что, горец? Или Кашей? Так у нас тоже есть специалисты... по иголкам в яйцах. Не задумывался? Не провоцируй! У тебя своя война, а у нас своя. Таких как ты, в городе три батальона, меряйтесь там языками, а здесь я мозги засирать не позволю... Выбей нам то, что уже который месяц просим... по вооружению и по людям. По людям, а не по алкашне, которую ты сюда подгоняешь. По спецам. А замотивировать я их и сам постара-

ЮСЬ.

Глава 23. Деформация

Все серьёзные жулики и бандиты являлись чьими-то агентами, и было... как-то «нецелесообразно» их «закрывать».

То есть, периодически давая расклады наверх, можно относительно спокойно заниматься любой противоправной деятельностью. Индульгенция. Причем сливать только то, что нужно конкретному индивидууму для его персональной хозяйственной деятельности. Заезжих конкурентов, например, или вышестоящего поделщика.

Да и сами органы обандичивались. Оправдывались профессиональной деформацией. Мол, кого мы по работе чаще видим, не нормальных же людей?

Что ж тогда говорить о сотрудниках под прикрытием и агентах?

Ну, представь, что Штирлиц в свободное время ездил по концлагерям и отстреливал советских военнопленных. В составе группы камараден. Он же фашист, не должен выделяться! А советское командование ему это позволяло, так как он суперразведчик, добывал секретные сведения и плёл интриги, позволяющие в оконцове сберечь многие тысячи жизней.

Тысячи спасенных явно больше, чем десяток давно списанных со счета доходяг. Которых, по идее, еще следует тщательнейшим образом проверять и проверять. Чистая мате-

матика! Неравноценный размен. Пешек за ферзей.

Впрочем... Я думаю, что у ваших коллег наверняка существовали такие суперсекретные инструкции... по вынужденной целесообразности. Типа, сам не лезь, но если весь коллектив поехал бесчинствовать, то от коллектива не отрывайся, не внушай подозрений.

А ты не усмехайся, ты ж не можешь знать всего... всех оттенков прекрасного... А я имел несчастье наблюдать. И не похоже всё это было на самодеятельность.

Только когда ты – жертва, то тебе фиолетово, кто отрывает твою голову: местный садист или внедрённый наш агент! Даже если он по этому поводу станет потом рефлексировать.

У нас один... большой такой... начальник был. Дзюдоист. Ветка сакуры, используй силу соперника, все дела. Вот и гнулся под внешними нагрузками, гнулся, аж перекрутило всего, вроде и не сломался... Но уже и не выпрямился. Пытался. Но до конца не смог.

Заигрались, мать вашу за ногу, заигрались! Вот при таком бесконтролье и произошла эта профессиональная деформация: агент, изображающий бандита, стал бандитом, изредка изображающим агента! И в экономике, и в её концентрированном выражении – политике, доверенные белые и пушистые лица, извалявшись во лжи, крови и грязи, навсегда стали грязными и продажными рылами.

Ты не косись, что я эдак, по-плакатному, я ведь эти слова много раз говорил. Прошел через это всё, прополз. Это

вы тут разуверились! Решили, что хуже уже не будет? Будет только лучше? А вот я говорю вам: большой вам мужской половой член!

Иногда даже поражало то, как долго мы падаем. Иногда – то, что все-таки остановились. Оттолкнулись от дна, теперь все пути только вверх. Завтра будет лучше, чем вчера. Но... раз, и падаем снова. Может быть, это велосипед у нас такой, что мы так регулярно валимся? Или опять палку в спицы кинули? Или всё же виноват тот, кто в этот раз за рулем?

Я с возрастом понял, что тут всё на это работает. И первое, и второе, и третье. Чтоб наверняка навернулись! О, как сказал! Наверняка навернулись. Запиши. А если сильно ударимся, то может, сдуру-то... и вообще в другую сторону поедем?

А что творилось на дорогах! На всех. В буквальном смысле тоже. У меня тогда было стойкое желание иметь на панели автомобиля секретную кнопку, нажимая на которую, я бы превращал в пар некоторых участников дорожного движения вместе с их вёдрами или болидами. Каюсь, имелись среди них и особы женского пола. Которых, в принципе, можно было попробовать наказать по-другому... Грязно и цинично. Я имею в виду – перевоспитать... на тяжелых и грязных работах. Кстати, через пару десятилетий именно унижительный физический труд (без потерь для здоровья) стал основой воспитательного процесса при *Большом Оздоровлении Нации*.

Ну как с вами можно разговаривать? Вы ж все равно не ве-

рите ни одному моему слову?! Да, сейчас это выглядит бредом, но пройдет совсем немного времени и все полетит в тар-тарары с сумасшедшей скоростью. А что вы так ехидно усмехаетесь? Жить в постоянном напряжении – та еще пытка! Не знаешь, что будет завтра – машина собьет, дом рухнет или сразу военные действия с доставкой на дом. И инфраструктура ветшает, и люди звереют.

И надеяться не на кого, и не на что – влететь можешь хоть где. Даже если ты... ну вообще, казалось бы, не при делах. Полетишь куда-нибудь, а самолет... того. Не будешь летать – на концерте зацепит. Будешь избегать массовых мероприятий, что-нибудь всеравно прилетит на голову. Тот же самолет, в который ты не сел. Это не обязательно, но шансы благополучно дожить до старости стремительно таяли.

Терроризм – штука такая... неблагородная. Эффективное оружие от замороженных беспредельщиков. А государственный терроризм особенно. Хочешь – деньги печатай, свои для чужих, или чужие для чужих. А хочешь – отстреливай или отравляй субъектов. От ведущих конструкторов, до неподконтрольных политиков и чиновников. Прямо на территории вероятных друзей.

А закладки? Ну, про Маяк и говорить нечего – сами привезли, сами похоронили. Кем надо быть, чтобы принимать непонятно что в чужой запаянной таре? Ладно, хоть снова малой кровью. Во всяком случае, уже было с чем сравнивать.

Когда технологии позволяют в любом гаджете (дурное ка-

кое слово – гаджеты-гаджеты, гад же ты!) закладывать достаточное для сноса окружающих голов количество взрывчатки или сигнальное устройство для активации стационарных закладок, простите за масло масляное, о чем еще можно говорить? Вы тут подошвы изотопами мажете, а через тридцать лет нужного субъекта можно будет отслеживать, видеть и прослушивать почти по всему миру. Если он, конечно, об этом не подозревает... Или вызвать у него острую сердечную недостаточность.

Стоит завод, делает сладкую газированную воду. То ли частично наш, то ли весь не наш – там концов не найдешь. Одна вода, похоже, местная. Сахарозаменители и красители узкоглазых, а главную изюминку, то бишь композицию, везут чуть ли не из-за океана. И никто здесь не знает, что там за состав. Это ж, типа, секретный ингредиент фирмы.

В соседней области фабрика шлепает эрзац-сигареты из табачной пыли, водорослей, искусственного никотина и опять же секретных составляющих. Одна из которых, кстати, вызывает помимо обычных неизлечимых болячек еще и жуткое привыкание. Забыл, как называется, её и в эрзацкофе, и в чипсы, и в пиво, и в кошачий корм клали. Чего вылупился, майор, не слышал, что для кошек специальные корма делают?

Так вот, я однажды на таком месяц жил. Выживал. Даже разбираться начал, какой хуже, а какой лучше. У меня в своё время зверюшки тоже нос воротили от некоторых сор-

тов. И если и ели, то только в отсутствие альтернативы, скривив усатые морды. День на третий. Когда уже не вмоготу, а хозяин, сволоочь, непреклонен. Как я их потом понимал!

Всё стало подозрительным. Технологии поменялись. Всё ж оттуда пришло. Курицы на птицефабриках сидят в клетках, даже развернуться не могут. Специальным разъемом, как для щуки зевник, клюв раскрывают и пасту им вдавливают. А в ней и антибиотики, и стимуляторы роста и прочая дрянь. Да и какие там курицы – мутанты! Две недели – и готовый бройлер вместо цыпленка. Со свиньями та же тема. Тем-то и вдавливать не надо – сами рады жрать всё, что ни дадут.

Только бараны так не могли. Дохли. Да коняшки ещё, говорят, но я в этом не уверен.

Какие-то ужасные тяжелые растительные масла, антиокислители, загустители, ароматизаторы, консерваторы, стабилизаторы...

Нет никаких гарантий, что это всё и в мирное-то время... не страшный яд. И по отдельности, и в сочетании. Выпил, покурил... Про бинарное химоружие рассказывать не нужно, так? Геноцид. А в нужный момент легко меняется рецептура и... Понял, да? Страшные времена, майор, если вдуматься.

У любого водохранилища можно прикопать контейнер с чем угодно. И он будет ждать своего часа. Космодром строили, так там кого только не было среди подрядчиков и субчиков... Субподрядчиков, в смысле. Заранее в раствор засыпа-

ли какую-то дрянь, или сразу ли цемент был заряженный? В общем, через несколько лет какими-то волнами активировали, чуть ли не со спутника и все. Был бетон, стал сланец.

У вас тут один грамотно заряженный пидор обиделся, видите ли, на квартирную несправедливость, сделал как у топливопроводе, и... ракета не ракета! Абонент не абонент. Местная вообще-то история. Знаете, да? А тут миллионы... обиженных. Со своими тараканами, порою кем-то культивируемыми. А человеческий фактор не исключить. У нас пешки могут со своей кочки судить о преступности приказов! Плюрализм – выполнять-не выполнять. А о том, что существуют размены пешек на... да хоть, на весь исход игры, этого они не желают понять!

Хотя, следует признать, и люди не пешки, да и те, кто наверху... иногда вообще играют в поддавки. Или в Чапаева¹⁴.

¹⁴ Игра шашками «в Чапаева» подразумевает поочередное выбивание шелчками чужих шашек с доски и не требует особого интеллекта.

Глава 24. Странные сказки

– Следует отметить, что речь Бондаренко засорена нетабуированной лексикой, изобилует не всегда ясными для понимания аббревиатурами и сленговыми выражениями. Характерны упрощения и некоторое косноязычие...

В то же время он регулярно и естественным образом использует редко употребляемые в современном языке слова, выражения и метафоры, характеризующие его несколько иначе, чем обычного начитанного юношу. Да и не выглядит он начитанным. Чужое мнение он, похоже, абсолютно не уважает. Точнее полностью игнорирует. У него на всё свои... пять копеек, как он говорит. И это не подростковые максимализм и инфантилизм. Это совершенно другое.

– Инфантильность...

– Что? Ах да, наверное, так... Нередко он склонен терять ход мысли, уходя в пояснения и застревая во второстепенных описаниях. Он говорит много, мы пишем, но... Не знаем зачем ему это надо, и *что* он такое... Порой интересно, очень похоже на правду, но иногда просто... Стругацкие позавидуют. Например, он утверждает, что был в двадцати с лишним странах, во многих не по разу. Преимущественно в капстранах и развивающихся странах. Западная Европа, Северная Америка, Юго-Восточная Азия, Северная Африка. И рассказывает подробности. Что помнит. Мы проверяли. Что

смогли на нашем уровне. Почти все верно.

– Почти, это как?

– Ну, например. Он утверждает, что ездил в Шарм-эль-Шейх. Там вообще-то базы. А он отдыхал, видите ли, в начале века. И на Хайнанае он отдыхал. А это, на минуточку, КНР, наглухо закрытый остров. База подлодок и прочего, опять же. И во Флориде. ФРГ толково описывает, про это вообще отдельный разговор. Францию. У нас же... все как-то невнятно. Ни автономий, ни союзных республик, все какие-то государства у него! Размером с пару областей. Президенты, Думы, губернаторы, мэры, олигархи! Убийства, теракты, путчи, коррупция, присяжные, деньги, наркотики, оружие... Мексика какая-то! И в то же время адекватнейшие оценки всего и вся. И какая-то чудовищная информированность!

Представляете, в Ленинске он был! Не в местном, а в том. В том самом. Из любопытства. Даже примерную схему расположения тюратамовских площадок нарисовал.

– У него отец там служил. Мог и от него узнать.

– Тогда все было несколько иначе. Он из-за отца туда и поехал. Через много лет. Следы искал. Своими глазами хотел взглянуть.

– Я почитаю позже. Да, ещё... Штейн его не знает. Это точно.

Глава 25. Вопросы целеполагания аборигенов

– Мы тогда думали, что еще можно резвиться, держа фигу в кармане, что за спиной ого-го какая мощь, светлые головы и заботливые руководители, а оказалось... что всё... Нет стены! Пустыня. Те, на кого мы надеялись и рассчитывали, давно или умерли, или не при делах, или своей Родиной считают другие места. Вахтовики, заколачивающие шальную деньгу, безразличные к пожеланиям и чаяниям аборигенов. Пришельцы, которые уже отвыкли думать о высоком. И о людях на *этой* земле.

И нет больше никого, мы – и есть страна. Всё! На переднем крае только мы, пожившие и повидавшие, и эти щеглы, с опилками в башке. И нам их мозги чистить. Некому больше, понимаешь?!

А знаешь, что самое обидное? Это то, что потомки не оценят. Им расскажут совершенно другое. Те, кто выживет. А мы сгорим, мы ж на передовой. Когда закончилась война, с подвалов вылезли герои... Так кажется? Вот они и поведают. Свою версию. А может вообще... кто-то даст команду всё забыть. Всё забыть – не было ничего такого! Так, заварушка, непонятно кого с непонятно кем. Времена, мол, были такие. Больше таких не будет, торжественно обещаю.

И, подумай, как это странно – за что умирать-то, казалось

бы? За родную землю? Так она вся распродана не пойми кому... и загажена всеми подряд. К воде через заборы не продерёшься. За чьи-то дворцы, заводы, за чьи-то шахты-яхты? Тебе – умирать... А они будут жить вечно? А их дети будут в день тратить больше, чем твои за год? За что я должен пойти воевать и резать таких же бедолаг? За чьих-то блядей и их бриллианты? За фуа гра? За что?

Глава 26. О проблемах субординации и сопричастности

– Как мне знакомы эти ваши глубокие кресла! Думаете, эта байда на всех работает? Ошибаетесь! Мне вот, например, никакого неудобства не доставило. Сидеть нормально, спина отдыхает, можно расслабиться, собраться с мыслями. А прыгать на тебя я и не собираюсь. Я вообще на мужиков не прыгаю, я правильной ориентации. И то, что ты надо мной навис, мне по барабану – ты ж мне ухо не откусишь? Чего опять не так?

– Да как-то странно наблюдать... пятнадцатилетнего брюзгу, тыкающего офицеру...

– Так я, майор, – ты же кажись майор? – могу и пере-сесть... Спиной к тебе. К Вам. Да ладно, чего выёживаться. Ты ж с детьми не выкаешь? Вот и мне непросто. Или сам смотри в сторону, твои коллеги теперь только так и поступают. Ты не наблюдай, ты слушай, если тебе любопытно. А тебе должно быть преинтересно.

– Слушай, Бондаренко, мне вообще всё это занимательно... Что объяснимо – работа у нас такая, а вот тебе-то какой интерес... плести все это? Выговориться больше некому, чтобы при этом под трифтазин не загреметь?

– Это что за зверь? Хотя не объясняй, примерно ясно. Тоталитарная, типа, психиатрия? Психотерапия. Ни фигу не

смешно. Знал бы ты, через что я прошёл... Тебя б от одного только рассказа торкнуло! Юморист нашелся, ты смотри!

Какой интерес плести всё это, говоришь? А я не знаю! Да, правда, не знаю. Не уверен. И что с того? Нетривиальная, заметим, ситуация. Но, похоже, догадываюсь... И знобит меня от таких догадок! Даже думать боюсь в ту сторону.

Просто будем считать, что у меня, по сути, единственная возможность что-то решить здесь – это только через ваше... общество «Динамо». Раз сложилось так, как сложилось, то значит так и надо. И для меня, и для тебя. Не боишься, кстати? Соприкасаться с такими вещами – это, знаешь ли, обязывает! Тут уже надо хорошо думать, что с тобой может случиться, как с носителем. И вообще с причастными. Времена-то наступают лихие. *Abducet praedam, qui accurrit prior*¹⁵. А ваши ребятишки всегда к приору стремились. Динамо, вперед!

Кстати, в одном из банков в десятых годах предлагался депозитный вклад исключительно для членов общества, так и назывался «Динамический». Товарищ у меня там свои солдо хранил. Представляешь, какой юмор?

– *Я тебе так скажу, Бондаренко: «Не надо меня рассказывать». Насчёт тебя и твоих речей у меня лично очень нехорошие предчувствия. Так что, пока... плети Емеля, твоя неделя.*

– Плетут кружавчики, как мне сегодня в школе одна кра-

¹⁵ «Унесет добычу тот, кто прибежит первым» (лат.)

ля заявила, а я выговариваюсь. И как-то не уверен я, что у меня она есть... эта неделя. Тоже чуйка какая-то. То так, то эдак. Тебе начальство наверняка дало команду, типа поспешествовать, так ведь? Вот и давайте, я-то ваши пожелания учитываю. Так? Так! Вот и чудненько! Раскачивать! Предчувствия! Надо же, какие мы чувствительные! В общем, майор, везите девчонку сюда и организуйте подход.

– *Это всё?*

– *Всё. Я должен ее увидеть и с нею поговорить. Нет, еще не всё... Добавлю условие. Она не должна меня опасаться, не должна от меня... шарахаться. Я сам найду, о чем с ней поговорить, но повод близко познакомиться должен быть абсолютно легитимный, правдоподобный и нейтральный.*

– *Мда... Эк ты, юноша, выражаешься-то! Ну, ладно. Допустим. Только есть проблемы, Александр. Первая, это её тетка. Она одинокая самодостаточная женщина. Ей вряд ли будет интересно принимать у себя племянницу.*

– *Первое, второе! Не надо только нагнетать! Помню я эту тётку. Вчера специально на работу к ней заходил. Сдуру. Чуть не упал, когда ее увидел. Навеяло, знаешь... Наплёл чего-то и удрал по-тихому, она и не въехала. У них отдел такой – все шастают. Самодостаточная она, ага! Там слова одни. А сама, похоже, боится в сорок лет без мужика остаться. Декольте до пупа, духи хорошие. Я б, майор, на твоём месте её заприметил. Там есть... над чем поработать! Возможно, вообще... целина непаханая. Меньше будешь здесь рефлекс-*

сировать. Ладно, проехали! Работайте! Организуйте девочке поездку. Хотя бы недели на две. Я не знаю, как вы это сделаете, но уверен, что всё у вас получится. И первое, и второе. И компот с вишенкой.

Глава 27. Подарок депутатов

Бонда вышел из дверей магазина для гражданских и, озираясь как шкодливых кот, прошмыгнул через открытое пространство. Попадаться было нельзя – в одной руке он нес завязанный узелком прозрачный полиэтиленовый пакет с разливным молоком, в другой – какие-то бланки, за пазухой торчал ещё тёплый нарезной батон. В таком виде ему предстояло пройти почти через всю часть.

Пакеты для продуктов и в городах-то тогда встречались крайне редко, а здесь, в посёлке, отсутствовали как класс. Авоська осталась в котельной. По обе стороны дороги от клуба до центрального КПП шли параллельные заасфальтированные дорожки, обрамленные кустами акации и шиповника. До сворота на укромную тропинку оставалось всего несколько метров, как вдруг вдали нарисовалась фигура в огромной фуражке.

Бонда немедленно развернулся на сто восемьдесят градусов и, словно что-то вспомнив, ускорился. Затылок жгло предчувствием, и вскоре, уже совсем близко, раздался раздраженный хриплый голос: «Я, бля, не понял! Боец, стоять!»

Бонда развернулся, одновременно пакет с батоном полетели в кусты. Офицер приближался.

– Здравия желаю, товарищ майор! Разрешите идти?

– Стоять, бля! А-а, это ты, Бондаренко! – майор заметно

повеселел. – И какого хера ты тут шароёбишься?

– Бумаги носил на КПП, вот забыл или не всё взял, вроде как больше их было, решил вернуться, проверить.

– Ты чего нёс, клоун?

– Бумаги, товарищ майор! Мне сказали отдать, я и несу.

– Мозги мне не еби, товарищ солдат, – сказал майор с белогвардейским презрением, – ты ими можешь подтереться.

Следует заметить, что тут он был прав. В целях относительно безопасного передвижения по части Бонда придумал оригинальный способ. Он шел на максимальной скорости туда, куда ему было нужно, нагло сжимая в руке свернутые в трубку бланки раздобытых где-то старых накладных, которые даже не удосужился прочитать. Многочисленные офицеры и прапорщики игнорировали его появление, завидев сосредоточенную рожу и бумажку в руке. Таким образом, он избежал массы различных неприятных поручений и неминуемых наказаний. До сих пор проносило. Однажды Бонда удачно уклонился от переноски фортепьяно дочки замполита батальона.

Прокатило и на этот раз, но только отчасти. Майора Марова не интересовало содержание замусоленных бумаг, в траве он увидел пакет с молоком.

– Ага! – сказал он. – А это – залёт! Ты сколько служишь, боец?

– Год с небольшим, товарищ майор, вы же знаете!

– Я дохуя чего знаю, Бондаренко, и не тебе здесь умни-

чать! С небольшим, бля! А надо с большим! И толстым... У тебя что, до сих пор голодняк? Тебя, блядь, в столовой никуя не кормят? Ты какого хера попёрся сюда? Для вас есть чипок¹⁶. По выходным. Молочка захотелось? Так ты у меня получишь молочка!

Бонда понял угрозу: по полкружки молока и кусочек субпродуктов (вымя, желудки и прочая несоленая требуха) выдавались за ужином тем, кто работал со спецснарядами. Компенсация потерянными силами была неравнозначная и носила скорее символический характер. Бойся большой пайки! Тем более, что изначально нежирное молоко нещадно разбавлялось поварами-узбеками. Для себя всё это Бонда считал уже в прошлом. Но зарекаться и планировать в Советской армии было нельзя.

– Товарищ майор, я же не себе, – не моргнув глазом, ответил он, – товарищ старший лейтенант приказал сбегать.

– Не себе? А нахуя ж ты его выбросил, боец? Не придумал еще? Думаешь, успеешь с Серобабой договориться?

– Я вас напугался, товарищ майор, – как можно подобострастней сказал Бонда. – Вы же разбираться не станете. Я про напильники помню. И про ремень.

Историю про напильники рассказывали «деды», бывшие

¹⁶ Чипок (ЧеПОК – Чрезвычайная Помощь Оголодавшему Курсанту) – солдатский магазин со скудным ассортиментом: нитки-иголки, пуговицы-эмблемы, подшивная ткань, мыльно-рыльные принадлежности, сапожный крем, местные пряники и газировка «Колокольчик». И всё! А-а, забыл – ещё сигареты и паста ГОИ. У нас тогда было так.

тогда ещё «молодыми». Вновь прибывший в часть майор немало удивился царящему в казармах бардаку и железной рукой принялся наводить порядок. Обнаруженные в кирзачах шерстяные носки и вшивники из олимпиек под кителями беспощадно резались в клочья. Морды хозяев уворачивались от оплеух. Брага отыскивалась даже в огнетушителях, что, похоже, десятилетиями никому не удавалось. Отсутствующие на тумбочке дневальные и просто залетевшие солдаты преследовались по всей территории части, удирая и уворачиваясь от швыряемых вдогонку подручных предметов. Одному особо борзому абреку в спину прилетел и воткнулся напильник. Все обомлели, но майору ничего не было, джигита, впрочем, тоже не жалели. Тем более ему как-то повезло, не комиссовали, во всяком случае, точно. После этого, говорят, напильник стал постоянным предметом в руках Марова. Дисциплина понемногу восстанавливалась, и к призыву Бонды многие обиденные ранее случаи стали дикостью. Например, еще в прошлом году некоторые солдаты умудрялись уходить в самоход на несколько дней, а пили вообще прямо в расположении.

Бонда застал только пьяные заезды самого майора. По плацу, на «Урале» с коляской. Жена его работала в том самом чипке, беспощадно обвешивала служивых (после её увольнения в килограмме стало аж на три пряника больше – для солдат это было принципиально), и, похоже, систематически гуляла.

Полгода назад Бонда огрѐб от Марова пяток нарядов за подаренный ему уезжавшим дембелем чѐрный от старости кожаный ремень. Гордился которым недолго.

– Бондаренко, – сказал майор на плацу, – выкинь его нахуй, его ещё Колчак носил! Это не ремень, это называется – «ебу я, и пла́чу!»

Бонда не хотел расставаться с ремнем, это был символический подарок. Тем более весь его призыв ходил в жестких «деревяшках» из искусственной кожи, больно врезавшихся при наклоне в торчащие под кителями ребра. Невзирая на шипение сержантов, он попытался как-то вышутить, аргументировать, но получил пять нарядов и немедленно заткнулся.

Сейчас же майор пристально посмотрел на Бондаренко и сказал:

– Это хорошо, что ты помнишь! Взял эту хуйню в пакете и выбросил вон в ту урну. Бегом, бля! И обратно.

Бонда закинул пакет в урну, заметив, что он всю протекает, и вернулся, ожидая неприятностей. Но Маров произнёс совершенно неожиданную вещь:

– Готовьтесь к дембелю! Скорей всего осенью. Повезло вам – студентов решили возвращать. Нардепы хуевы. Такая вот петрушка!

Майор помолчал, потом сфокусировал взгляд и рявкнул:
– Кор-р-роче, быро съебнул отсюда! Ещё попадешься мне на глаза в ближайшее время – доложу ротному!

Через несколько минут, дав небольшой круг, Бонда вернулся. Нашел в траве батон и побрёл восвояси, раздумывая над услышанным от майора...

Ещё много лет ему периодически снился один и тот же сон. Что они вновь собраны вместе. Призваны. Все. Даже те, кого давно отпели. Такие же молодые, девятнадцать-двадцать лет. В той же части. Чёрные погоны, золотые буквы. Солнце яркое, берёзы высоченные шелестят. Запах свежей краски и сапожного крема перебивает аромат серой хлебной горбушки. – Недослужили, ребята, немножко, непорядок! – Надо бы еще полгода! – А что? Мы – за!

Глава 28. Кассандер

– Вообще-то это мой дом, я его специально здесь покупал, ещё, когда вы, засранцы, айфонами мерялись!

– Слышь, Хромой, ты нам, что предъявлять вздумал? Мы тебя фактически донесли досюда, кормим-поим, перевязываем, а ты бычишь?

– Ну, положим, – сказал я, – жрёте вы, в основном, мои же консервы, а вас шесть рыл...

– Э-э, полегче с обзываниями, – сказала Люська, – это у тебя может и рыло, а у нас нет. Ты чего, правда, начал наезжать, всё ж хорошо было?

– Я вам сколько уже раз сказал – мне нужно в Поляковку? Один я не доберусь. Скоро зима. Здесь делать будет нечего. Снег топить? А там озеро, рыба, лес покруге нашего.

– Там – стреляют! – сказал Петрович. – Этого уже достаточно, чтобы сидеть на попе ровно.

– Хорошо, найдите мне квадрик, я на нём по просекам, до станции, оттуда... тоже как-нибудь доберусь. Там пятнадцать километров по прямой. Люди помогут, доползу. И канистры ещё. И живите сколько хотите. Если мне не доверяете.

– Может тебе сразу отсосать? – спросил Ден. – Кого предпочитаешь, Люську или Таньку? А может, на нас рассчитываешь? Умный нашелся, вон велик есть, садись и вали

отсюда!

– Ден, прекрати, ты же знаешь, что он не сможет, – сказала Татьяна, – что вы все такие злые стали, надо как-то по-человечески!

– А чего ты хотела, – взвился Ден, – одни придурки на мародёрке... квасят неделями, у другого идея фикс – найти какого-то кренделя... геморрой себе на задницу! Миссия у него! А вы, блин, вишивую кашу нормально сварить не можете! Хозяюшки!

– А сам-то! – возмутилась Люська. – Печку растопить не мог, сюрвайер хренов! Просидел полжизни в офисе за компом, в танчики проиграл!

– Он еще татарина читал, – засмеялся Петрович, – всё объяснял на работе, как нам жить надо...

– Если б не я, – гордо сказал Ден, – ты бы сейчас воевал где-нибудь. Или лежал нафаршированный, вонял.

– Да, это точно – уж лучше тут... вонять, чем там... друг друга месить.

– Ну, положим, – заметил я – сейчас уже не столько друг друга...

– Нашли чем гордиться, – сказала Люська. – Пока люди кровь проливают, вы тут... ошиваетесь. А татарин ваш любимый давно ром хлещет где-нибудь в Уругвае, пока вы тут воняете... по его заветам...

– А ты сама-то, что тогда с нами попёрлась? – зло спросил Петрович. – Сидела бы в городе, или вон патроны под-

носила... кому-нибудь правильному?

– Куда она без Макса денется, он помаячил, она и подорвалась... Только ты, Люси, ему теперь похоже не больно-то и нужна, – и Ден заржал, глядя на Татьяну.

– Заткнитесь, пожалуйста, – влез я. – Всё нормально будет, я точно знаю, надо только продержаться. Это не навсегда. Всё закончится.

– Хорошо бы, – грустно сказала Татьяна, – а то все как с ума походили, а ведь это ещё только начало, так? – она посмотрела мне в глаза.

– Так, – вздохнул я.

Глава 29. Новости

– Приветствую, Сергей Андреевич! Как столица?

– Столица столицей. Ботинки вот новые себе... испортил. Посыпают дороги какой-то дрянью, типа технической соли. Снег как каша бурого цвета. Весь глянец съедает начисто. Проехался на «Вольво». Из гостиницы забрали на ней. Внешне очень похоже на новую «Волгу» с квадратными фарами. Внутри впечатляет, не отнять, умеют делать, сволочи!

– Сергей Андреевич, не томи! Что по нашему делу?

– Да не гони ты, Коля, я тоже сначала гнал. Там правда... как будто и не до нас... Контора гудит. Движение по коридорам как в метро – туда-сюда. Все от полковника и выше, кого видел, радостно так возбуждены. Всё в пол-уха, на бегу. Похоже, ещё что чего-то затевается. Чувствуется. По каким-то нюансам, ты ведь понимаешь, да? А меня, как мы и думали, дёрнули именно по Шатуну. Хотя и не те. А другие... товарищи. Какие-то... совсем другие. Спокойные, как будто... Помнишь, я озвучивал тут версии? Так вот, я сначала подумал – первая, скорее всего так. Сложилось, знаешь, впечатление, что они уже... сталкивались... с подобным. Или не они, но... как-то там не особо... удивились. Я ожидал большего.

– Не торопись с выводами, Сергей Андреевич! У нас тут... много новой информации.

– Подожди, я договорю... Всё сложнее, мне пояснили, поэтому я и звонил тогда ночью. А вот Москву я не понимаю. Искренне, не понимаю! Формально они продолжают придерживаться тех же... моментов, что и раньше. И по секретности, и по безопасности. Дезинформирующие мероприятия на всех уровнях, особо по нашему Управлению. Особо, понимаешь? Отчёт каждый день. Каждый! Слово в слово. Весь бред. Все матюги. Не давить! Дали список тем и вопросов, но сказали... не настаивать. Помогать ему. Представляешь? В рамках, конечно.

– Похоже, все по-серьёзному?

– По-серьёзному?! Коля? Ты чего? А когда у нас было по-другому? Только так, и не иначе! Самое странное – человек приедет. Поработать с... Шатуном. Но не это странно, это как раз нормально. Странно то, что он приедет самое раннее – через две недели. Когда конкретно – неизвестно. Одно понял, человек – очень серьёзный. Очень. Вот и соображай, откуда он так долго будет ехать. Из-за какого забора. Не понимаю. Не складывается! Эх! Теперь давай ты: что тут у вас?

– Не знаю, Сергей Андреич... Мы уже... Пока вас не было. Он тут в ударе был. То, что он рассказал в прошлый раз даже не цветочки. Пыльца какая-то.

– Ну и чего он теперь... плетёт?

– Многое. Вот, тезисно, события в его словах, нехронологично, правда: проиграли холодную войну. Проиграли экономическую войну. Выиграли гибридную войну. Проиграли

информационную войну. Проиграли гибридную войну. Выиграли экономическую войну. Выиграли третью мировую, хотя есть мнение, что проиграли. Выиграли метеорологическую войну. Проиграли бактериологическую войну.

– О как?! И всего-то?! Что-то даже неинтересно становится. Раньше у него было поувлекательнее. Шестая палата. Но, это же не все, так?

– Так. Продолжаю. Развалили Союз. Развалили соцлагерь. Читаю: «Чехословакию разъединят, Югославию разъединят, Советский Союз разъединят. Только Германию объединят. А, еще Корею, но это уже потом. И по-другому». Уральская Республика. Новороссия. Халифат... казнили Гробачева. Похоронили Ленина. Сбили спецсамолет на Урале. Авария на...

– Самолет? Пауэрса что ли? Так это когда еще было?

– Нет, это уже другой, под Челябинском. Беспилотный, «Астра» какая-то. Ситуация, впрочем, такая же, как и в шестидесятых. Летали безнаказанно. Косили под НЛО. Сбили какой-то суперракетой, гиперзвук, прямо над городом, в пар. Сказали народу – метеорит. После этого, мол, сами стали понемногу... борзеть, с его слов.

– Чушь полная.

– Возможно, тем более парень с чёрным таким юмором. Воевали, говорит, с хохлами. Воевали с грузинами. Воевали с чеченами. С арабами. С неграми. Воевали с татарами. Воевали с прибалтами, с поляками, с американцами. Сами

с собой...

– Бред! Издевается.

– Согласен, бред. Я ещё уточнил: «Воевали с...?» или «против...»? А он знаете что ответил?

– Что?

– «Когда как!» И долго смеялся. Но одновременно он называет такие вещи, которые он не может знать. Просто не может. Не должен в принципе. И хочет, очень хочет, чтоб ему поверили. Хоть, вроде и такой весь из себя независимый: хочу – молчу, хочу – говорю.

– Да я помню такой момент. Что тебя насторожило-то?

– Всё. Всё, Сергей Андреич! Он, в общих чертах, рассказал про изделия на восьми ближайших ящиках, нарисовал схему расположения хранилищ и подсобных помещений на арсенале в У. Включая те, которые пока не построены. Он там, видите ли, служил срочную. Поверхностная, конечно, информация, но достоверная. Про местное порассказывал. Про те же «Скальпели». На жэдэ. Я сам не знал, что это такое. Только по слухам. А тут выясняется, что целое депо под боком!

– Я тоже не понял тебя сейчас. Ладно, дальше давай.

– С родней и окружением беседовали аккуратно, опосредованно и как обычно. Он вообще нигде дальше Украины не был. Плюс Сибирь в этом году. Доступа к первоисточникам, из которых он что-то мог подчерпнуть, нет! Карта библиотечная почти пустая. А попаданий же – масса! Это про то,

что можно проверить. А если – правда... всё?

– Не паникуй, Коля! Продолжай воспринимать всё это как бред, из которого нужно понять, что он вообще такое. И чего ему нужно. Так проще, у нас здесь не клуб любителей фантастики. Что ещё есть по подтвержденному и по его реальным навыкам?

– Я приготовил, всё здесь, там хватает. Для осмысления. А навыки? Он уверенно, явно не впервые, производит сборку-разборку всей стрелковки, включая пистолеты. Всё, что дали. Стечкина-то где он мог видеть? Просил прислать М16 или глок какой-то, тоже говорит вертел в руках когда-то. И я ему верю, что самое интересное! Он знает, как стрелять из «Мухи» и как укладывать парашют. Владеет какими-то зверскими приёмами допросов и устрашения. За три секунды из веревки делает наручники. Рассказал, причем толково, про пять способов изготовления взрывчатки из химикатов гражданского применения, нарисовал варианты изготовления замедлителей и взрывателей из бытовых предметов. А как он разговаривает? Это нечто, Сергей Андреич! Это необъяснимо. Завораживает. И очень страшно поверить, что все это правда...

– Возможно у него феноменальная память. И его всё же где-то подготовили. Мы ж даже догадываемся где, а?

– Нет, Сергей Андреич, это явно другое. Это очень естественно, мы бы фальшь почувствовали. И ещё... он утверждает, что как раз память у него не очень. Нарушения моз-

гового кровообращения и прочее. Да и сознательно он, мол, многое старался забыть навсегда.

– Юлит?

– Возможно. Но не похоже. Он часто выглядит очень уставшим, с трудом подбирает слова – вы, говорит, всеравно не поймете. Но иногда его несёт. Не остановишь. Какой-то подвид ностальгии. У него частые перепады настроения. Иногда энергично, напористо, иногда просто отрешённо. Похоже ещё...

– Ну? Не затягивай.

– Похоже, ещё, что в нас он нашёл благодарных слушателей. Мы выбрали удобную для всех форму проведения бесед. Он надевает тёмные очки, берет кофе, сигареты и садится лицом к окну. Мы видим его почти со спины, это более органично, чем смотреть на подростка и спрашивать его о башкирском сепаратизме или о проститутках Таиланда.

– О как! Так он же не курит? Спортсмен.

– Оба они курят! Но Бондаренко пачку на три месяца, без затяжки и больше на публику, а Бонда может и за день пару пачек выкурить. Сказал, кстати, что через десять лет болгарские сигареты будут стоить в сотни раз дороже, но будут полной дрянью. А еще через десяток уже и американские... станут как водоросли. Пропитанные химией.

– Значит, бросим. Ладно, поиграемся пока... Все равно ждать. Давай мне всё по нему за эти дни, ознакомлюсь подробнее. Давно не брал я в руки сказки!

Глава 30. Надежда и будильник

– Развести на нехорошее несложно, если народ тупой, – сказал Бонда не вставая, – тем более что план, как стравить, был сто раз отработан в других регионах. Если уж хохлов умудрились раскачать, то уж наш-то край, где мечетей, пожалуй, поболее, чем православных церквей, а в любом классе половина – татары с башкирами, только в путь...

– У нас, кстати, так и началось, – согласился Рамиль. – В первую ночь сожгли поклонные, или как их, кресты на окраинах города. На вторую – мечеть.

– Вот даже не удивлюсь, если это сделали одни и те же люди, – усмехнулся Бонда. – Всегда говорил, что нельзя так демонстративно верить. Настоящая вера и религия пересекаются, но не у всех.

– Циник ты, ничего в тебе святого! – сказал Наглер.

– Продолжай...

– Чего продолжай?

– Ничего во мне святого... не осталось, так? – ухмыльнулся Бонда. – Только надежда на будильник.

– На какой еще, нахрен, будильник?

– Да так, не обращай внимания. Проснуться хочу. Забыли. Туплю маненько – голова болит. А про провокации, это – опыт. Ничто не ново под луной. Вильнюс, Москва, Ньюёрг, Киев... Далее везде: казань-рязань и юрюзань. Для подблад-

ривания процесса...

Бонда хлопнул на щеке очередного комара, посмотрел на размазанную на пальцах кровь, и проговорил:

– Надо Спице сказать, чтобы нашла в городе репелленты. Спецмази мы от Ходырева никогда не дождемся. – Он помолчал, и, глядя на озеро, вдруг объявил: – А в Германии комаров нет!

– Как нет? – вскинулся тощий парень с позывным Зяма.

– Совсем нет! Вывели. Вроде как еще в прошлом веке.

– Вранье! Не бывает такого! Ты ж там не был, они тебя и не кусали. А написать можно всё, что угодно!

Все, кто это услышал, повернули головы: перебор, Зяма!

– Я там был, – спокойно ответил Бонда. – Причем первый раз еще в конце девяностых, марки застал. Кроликов видел. Диких, прямо в городах, на газонах. Оленей видел в специальных парках. Рыжих, вон как Гирия. Даже пельмени с оленьиной ел. Крысу видел в Кёльне, мельком. Комаров не видел.

– И не ел?

– И не ел! И они меня не ели. Хотя там масса водоёмов: Райн, прудики, лебеди, уточки. Но этих тварей не было. И мух, честно говоря, не помню. Зато помню мух в армии. Вот это были мухи!

– А, понятно: в армии ты мух ел? – не унимался Зяма.

Несколько человек засмеялось, но по-доброму, незлобиво. Остальные затихли и прислушались. Возможно, назревал обычный словесный пинг-понг, и в хорошем настроении

Бонда близким мог простить и не такое, но кто его знает, чего у него сейчас в башке. Юмор – штука хорошая, но на передовой неловко брошенное слово могло привести к непоправимому. Молодой Зяма похоже в тонкостях окопного юмора не разбирался. Но сегодня ему повезло – Бонда был великодушен.

– Петросян ты хуев! – заметил он невозмутимо. – Решил дядю подъебнуть? Смотри, если у тебя язык острый, то у меня... яйца небритые! Не встревай пока, а то мысль теряю... Короче, кто всю жизнь ел мух, так это мой кот... Он это дело любил. Поймать, помучить и сожрать. С хрустом и чавканьем. А кота звали Хулио.

Все заржали. Чечен подошел поближе к столу, встал позади сидящего Зямы и незаметно положил ему руку на плечо. Тот недоуменно оглянулся. Чечен молча похлопал себя ладонью по губам, и тут же по виску и укоризненно покачал седой головой. Парень отвернулся и насупился.

А Бонда продолжал:

– А когда срочную служили, у нас там, помимо слепней, паутов и прочей нечисти, были мелкие гадкие мушки. Тащишь с товарищем градину. В укупорке ящик выглядит как зеленая шпала, восемьдесят килограмм. Один конец, с треугольником на торце, вот он – потяжелее. Цель – загрузить вплотную под крышу два вагона. Это дневная норма на бригаду в пять человек. Четверо попарно таскают ящики с перрона в вагон, один на тачке-медведке подвозит стопки по

пять-шесть штук. Восемьдесят восьмой год. Отправляли в Афганистан. Подарки духам... И сами еще духи. Кормили плохо, жара, от усталости мотает к концу дня. Так вот, тащишь эту хрень, а на голую спину, на руки садятся эти мелкие мушки. Укус такой силы, точно тебе иглу загнали, аж мышцу сводит, а смахнуть нельзя, руки заняты. Все делается в темпе, иначе не успеешь вовремя закончить. Тогда вся бригада останется без помывки, а то и без обеда или, соответственно, без ужина. А еще построения, хозработы, строевая, и прочие радости. На ходу орешь возвращающейся от вагона порожней паре, чтоб муху согнали, дёргая башкой в сторону, на которую та уселась. Идеально, если бегущий навстречу боец шлепнет ладонью со всей дури. Тогда мышцу перестает ломить. След остается кровавый, и, главное, не дырочка, как от слепней, а маленький надрез. Бежишь назад – сам со встречных мух сгоняешь. Через некоторое время, как это часто бывает при тяжелых физических нагрузках, большинство слов при погрузке заменило одно: «Муха!» И шлёп, шлёп, шлёп! Всё остальное было излишним, даже спасибо. И так всё понятно. А работали уже слаженно, появились какие-то навыки. Даже нередко попадающиеся неудобные вагоны с узкими дверями умудрялись загружать вовремя. Квадратное катать перестали.

– А круглое – таскать! Зато, Бонда, теперь нас самих градом херачат, как мух, шлёп – шлёп – шлёп! – не выдержал Зяма и сам тут же заржал.

– Ну не только нас, и мы мало-мало! – возразил Чапа. – Хотя, если по большому счету, то Нас. Друг друга ж херачим, высунув язык, а весь мир от такого кино тащится! Хоть бы у них там вулкан йобнул, что ли.

– На этот вулкан, – засмеялся Бонда, – уже лет двадцать дроят, ничё там не будет, и не надейся.

– Ну почему? Надежда умирает последней. Скушав Веру и Любу...

– Иногда просто похоронив, – заметил Бонда и вдруг помрачнел. – А знаешь, у нас ведь случай был забавный. Да... Мне года полтора назад подкинули список наших местных вышивальщиков. Крестиком по снегу. Сюрреалистичных вайеров. Мы потом... позднее ездили по округе, выявляли, раскулачивали. Беседовали опять же. Не все долбобо-бы, но большинство. Поколение пепси. Только уже без интернета. И без коммунальных услуг. Кто поумнее оказался, тот конечно компанией оброс, пообжился. Но основная масса только подуморили и себя, и родню. И на всё, главное, уважительная причина есть, почему у них не получилось так, как они мечтали!

Один такой занятный перец попался. Я, говорит, вас узнал! Я, говорит, вас искал! Я всё типа про вас знаю. И выдает мне полное ФИО и протчая. Где родился, где учился. Но много, следует признать, сказать не успел. Торопился всё какую-то муть до меня донести. Так я до сих пор гадаю – псих что ли?

Бонда замолчал и задумался. Повисла странная пауза, и Чапа аккуратно поинтересовался:

– Помер что ли?

– Кто помер? – встрепенулся Бонда.

– Ну, кадр-то этот, всезнающий?

– Ага, – сказал Бонда, вставая, – вскоре. От многочисленных ранений в области тела. Пойду-ка я, покурю-ка я!

Хлопнула дверь. Потом далеко другая.

– Чего-то я ничего не понял, – сказал Зяма, – чего ему здесь не курится? И это... Бонда как-то непросто выражается. Гадай тут его ребусы: какая муть, кто помер, от чего помер?

– Да завалил он его, сто в гору! – ответил Чечен, подмигнув Чапе. – Узнал, что хотел, и зарезал. Ножом в глаз. Я за ним такое однажды... уже наблюдал. Кому понравится, когда про тебя все всё знают. А тебе, Зяма, он точно балалайку оторвет. А мы всем коллективом с удовольствием подтвердим кому угодно, что так и раньше было!

Глава 31. Небо Лондона

Ты заметил, что многие десятилетия, а скорее всего и столетия, у нас здесь всё идет по кругу – сегодня хорошо, завтра плохо, послезавтра вроде подотпустило и т. д.?

Похоже, что подолгу Россия хорошо никогда и не жила. Это как улей с пчёлами. Они работают, стараются, строят личные и коллективные планы, потом приходит пчеловод, выгребает мёд, и... вкалывай снова. Чтоб не все сдохли без мёда, зимой подкармливают сиропом. И это еще по-божески, ведь может прийти и медведь. А тот не столь деликатен... Проклятие какое-то. Миссия. Бесконечная миссия. Ты карабкался, полз, цепляясь зубами и ногтями, терпел, переносил... Добрался, только выдохнул, а очередной колокол уже будит очередных декабристов.

– Наоборот.

– И наоборот. И колокол, заметим, всегда не российский.

– Детей жалко, внуков. Они и не поймут никогда, *как* мы жили. И как сейчас с этим всем жить, без будущего...

– Планировать ничего нельзя, тогда сразу становится легче. Всех жалко. Тут бери больше – вся цивилизация наша трещит, и как бы не в последний раз. Упадем, уже подняться не дадут. Опытные.

Глава 32. О вопросах потребления

– Стою за несколько метров до пешеходного перехода. Успел затормозить. Четырехполосную дорогу по диагонали переходят две пожилые, плохо одетые женщины. Начали движение по проезжей части задолго до «зебры», медленно двигаются по диагонали к автобусной остановке. Нарушая все правила движения и законы самосохранения, по максимальной траектории. Моргаю фарами, из-за стекла рукой показываю на знак перехода. С ненавистью смотрят на машину, беззвучно шевелятся бледные губы. Приоткрываю окно. Слышится: «понапокупают... сволочи, житья не стало». Вот так. А за что, спрашивается? И возбуждённые пассионарии в своё время разгромили магазинчики на первых этажах своих же домов, а не дворцы в Тарасовке. Конечно, там-то пулемёты, чревато!

– *Александр, опустим про дворцы и пулемёты. А что значит «плохо одетые»? Бичихи, что ли?*

– Кто?! Бичихи? Не понял... А-а, дошло! Да нет, конечно! Плохо одетые – это не столько бедно (тут можно и просчитаться), или не по сезону, а скорее безвкусно одетые, неухоженно, у нас это в порядке вещей было, особенно среди старшего поколения. Они не считали нужным одеваться по-другому, и дело было не столько в деньгах. Есть такой термин «возраст дожития». Вот для многих и наступило такое... до-

жизние. Не жизнь.

А шмотки, что шмотки? Я и сам порой годами ходил в полюбившихся джинсах, старых свитерах и футболках. Но они хоть гармонировали между собой. Да и автомобили, и спутницы выглядели подобающе. В смысле замечательно. Но я мог позволить себе роскошь... одеваться не по протоколу. Я почти никогда не работал по найму, был, так сказать, хозяином бизнеса. Хоть и долгое время достаточно скромного. Но у меня был один желудок, и мне хватало. Тех же, кто считал иначе, я не впускал в свою жизнь надолго. В материальном плане мне было достаточно малого: одни джинсы, одна яхта, одна вилла. Шутка юмора, конечно же.

– Одна жена, одна любовница?

– Ну, зачем вы так? Что я изверг что ли? Треугольники-то строить... Мы люди солидные, любим фигуры устойчивые, основательные. Пирамиду представляете? Да шучу я, шучу! Всякое бывало. Я тебе сейчас по-китайски скажу: «Не лезь, товарища, в мою личную жизнь – я ж в твою не лезу! Холосо?»

– Ну, можно и переключиться, раз так принципиально. А что, на твой взгляд, заслуживало внимания?

– Главная проблема была в том, что городок наш с закатом Союза обнищал и стал одним из многочисленных депрессивных населенных пунктов. А это как приговор. И как снежный ком – всё нарастает и нарастает. Люди уезжают. Молодежь. Предприятия закрываются. Дороги не чинят, поребри-

ки не белят. Это, знаешь, здорово так удручает, когда ты не видишь будущего в том месте, в котором родился и вырос! Не смертельно, но... очень грустно и обидно...

– *А сейчас ты как себя чувствуешь здесь?*

– Как во сне. Я прекрасно понял, что ты имеешь в виду.

Отвечу, мне бояться нечего. Пусть скажу сейчас очередную крамольную для вас вещь, но мне же можно? Так? Я ж не от мира сего, ха-ха-ха!

Мне, если по-честному, очень неудобно. Многое раздражает. Безверие, беспечность, наивность ваша. Вот эта теперешняя дурная распределительная система. Это ненормально. Понимаю, конечно, что или-или в этих условиях, но... все равно бесит.

Сейчас, если совсем уж упростить, блат имеет бóльшее значение, чем деньги. Какие-то, примерно одинаковые деньги есть у всех. А вот связи... уже не у всех. Точнее, нет того количества связей, которое позволяет получить необходимый общечеловеческий минимум товаров и услуг. Могу достать приличную колбасу, но не могу купить приличные ботинки. Или книжки. Или джинсы. Да хоть что! Люди воспринимают как данность, радуются удаче достать хоть что-то. Типа туалетной бумаги или квадратных батареек. Нет гарантии, что пошёл в любое время, и спокойно купил. Берут про запас, другим не хватает.

– *Ты же говорил, что тебе советское время больше нравится. Противоречишь сам себе, Бондаренко!*

– Я, майор, про частности сейчас говорю. А не про общую картину. Не надо вот так по-большевистски – или черное, или белое. В радуге всех цветов хватает. Одного белого – оттенков двадцать. И это только различимых глазом.

Во всем мире телевизоры давно цветные, а вы все черно-белые картины лепите. О благосостоянии вверенного вам народа надо думать плотно! Дабы не было соблазнов всё поправить по-другому. Не люблю я революции! Все они одинаковы. Сначала всеми силами и внешними и внутренними создаются невыносимые для масс условия. Засираются мозги. И подталкивают к горячей фазе. В столице, естественно. Народ бузит на предназначенных планом площадках, а специально обученные люди захватывают власть и объявляют о победе. Если на местах сразу не присягнут, то там это все воспроизводится в другом масштабе. Если отдавать власть не захотят, то организуется гражданская война. Иногда с религиозной, иногда с политической окраской. Все просто, банально, предсказуемо и... отлично работает. Хоть в семнадцатом, хоть... сейчас, хоть позднее. «Зло коренится в природе людей гораздо глубже, нежели полагают лекаря-социалисты». Кажется так. Это Достоевский. Позапрошлый, отставить – прошлый век!

Думать надо про своих подданных, хорошо думать! И насыщать, и просвещать, и ограничивать, где следует. Это важно! Потому что человек по природе своей ненасытен. Если не образован надлежаще. Лучшее – враг хорошего! Потре-

бительство, новое мещанство. Машина – не машина! Телевизор – не телевизор.

– Ясно! *Другая крайность.*

– Да, все так! Скоро, очень скоро, на первое место выйдут деньги. Есть деньги – ты в шоколаде! Дэнги есть – Уфа гуляем, дэнег нет – Чишма сидим! Деньги – главный дефицит. Это грустно, но... нормально. Естественно.

А потом пройдет еще немного времени, и для того, чтобы гарантировать получение качественного сервиса или товара, вновь одних денег станет недостаточно. Даже больших. Народ у нас такой. В тарелку с икрой плюнет с бóльшим удовольствием, чем в миску с супом. Это я и в буквальном смысле в том числе.

Соответственно, с врачами надо дружить, с хорошими юристами – тоже, далее – везде. Например, автослесарь должен знать тебя с прекрасной стороны и, согласно регламенту, действительно поменять масло и произвести необходимые работы. А не забить на лоха. А деньги? Деньги – это само собой разумеющееся. Бесплатно только солнышко встаёт. И ещё: деньги – это твоя степень свободы. Горючка. Без них далеко не уедешь.

А вот если их более чем достаточно, то можешь по жизни двигаться с комфортом. И не один. А со всеми... кого увезёшь.

В более крупном городе деньги делались гораздо проще. Потратив меньшие усилия, ты мог заработать совершенно

другую сумму. Иногда достаточно было наклониться, чтоб поднять... А в своей дыре ты сам себе напоминал загнанную лошадку, которой еще пахать и пахать. И хищники в округе тоже... вечно голодные и злые.

Впрочем, помимо многочисленных плюсов мегаполиса, существовали и не менее многочисленные минусы. Уплотнение информации и обычная суета диктовали другие требования к дресс, авто и прочим кодам. Скорость принятия решений заставляла встречать контрагента по одежке. А до «по уму» запросто могло и не дойти. И если ты такой важный в своем непередаваемом полёте по жизни, то будь добр, соответствуй! Носи дорогую брендовую одежду, езди на солидных автомобилях, а не на джипе, пускай и новом, питайся в приличных ресторанах, ходи в клубы, общайся в формате...

А иначе ты поц. Выскочка и... село. И если ты даже рубашку нормальную себе купить не считаешь нужным, то о каких делах с тобой можно разговаривать. Ты ж ненадёжный человек, над нами смеяться будут.

У нас же, в провинции, можно было особо и не заморачиваться. Из правильного джипа, ценой в пять нашемарок, ты мог выйти хоть в спецовке. Мало ли какие дела у уважаемого человека. А вот уважение уже требовалось заслужить. Репутация нарабатывалась годами. Слово тогда значило гораздо больше, чем стало позднее. Или чем сейчас. Вы, кстати, так и не выполнили мою просьбу. И другую тоже. А ведь прекрасно знаете, что я не могу без вашего участия решить...

все эти проблемы!

– *Еще два дня, Александр, люди работают.*

– Ага, видел... двоих с метёлками... То ли метут, то ли пасут! Детский сад, штаны на лямках! Извините, нервничаю я. Вновь отвлекся.

Так вот, у нас репутация складывалась из постоянства людей, от предсказуемости совершаемых ими поступков. Ты мог иметь репутацию бабника или зануды, но при этом ответственного и порядочного человека. Человека, которому можно доверять. Всё, кроме женщин.

А мог слыть пройдохой и раздолбаем. Но с тобой всё равно бы общались, могли даже ездить на охоту или рыбалку, зная твой лёгкий и веселый нрав, хотя денег тебе скорее всего б не дали.

– *Ну, так было и есть всегда!*

– Наверное, вот только после 91-го ошибки стали стоить гораздо дороже. Иногда жизни. Иногда не своей. За метлой следить – это первое дело. Своей и чужими. Ну и прочая. Страну встряхнули так, что мути поднялось – света белого не видно было.

Глава 33. Шоколадное предложение

– Я что приехал-то, дорогой ты наш: есть шоколадное предложение к тебе – требуется создать и оседлать некоторое специфическое движение...

– Сразу – нет. Можешь не продолжать. А то скажешь лишнего и придётся...

– Что придётся?

– Движение придется возглавлять. Так устроит? Проехали. Не мое это всё.

– Да ты не торопись...

– Не хочу. Я уже... перебесился.

– Да неужели?

– Эге. Зря не веришь. Вообще теперь так считаю – жажда власти и прочего вокруг нее, это патология. Власть нормальному человеку должна быть в тягость.

– Ну, так и взвали на себя, а, Бонда? Те ж не слабо? А то бежишь впереди паровоза, перебиваешь, ты просто послушай за условия. Они там сладкие.

– Я сладкое не ем, ты же знаешь. И тяжестей натаскался – надоело... разгружаться. Не хочу даже слушать, вникать...

– Дай мне пять минут...

– Ты не понимаешь, да? Шоколадное предложение! Знаю за такие: сами на Баунти, а меня здесь в шоколадный глаз? Классная комбинация! Смешно тебе? Не-не-не! Не та у ме-

ня ориентация. И я ж тебе не пацан. Мне не тридцать лет – подрываться и бежать!

– Бонда, а я смотрю, ты меня не услышал? «Подрываться и бежать», ха! Ты, что за новостями не следишь? Скоро все побегут. И подорвутся! Тебе что, коллектив не нужен? Поддержка? В такое-то время? Ты же не побежишь... И я не собираюсь.

– А откуда ты знаешь?

– Я знаю, поверь мне. И я знаю, *что* скоро будет.

– Не сомневаюсь. Довыёживались! И что, ужель настолько все грустно?

– Да... Хлебнем по-полной.

– И с кадрами, выходит, траблы? У вас же есть тут вроде... лидер? Старательный. Аж машину себе сжег!

– Ты про... а понял. Отслеживаешь всё-таки, значит? Этот чёрт не рассматривается даже близко. Есть там другой пациент, как бы симпатизант, но... По моему, и не только моему, мнению, он тот ещё, козлевич... Ты нам нужен!

– Аргументируй. Пока ты меня никак не убедил.

Глава 34. В бегах

Краем глаза Бонда уловил какое-то движение сзади слева. Тут же послышался неестественный мощный всплеск. Бонда, не сходя с места, инстинктивно отшатнулся в сторону, присел и медленно развернулся на звук.

В паре десятков метров от него из речушки, опираясь на высокую рогульку, поднимался человек.

Бонда поплотнее переместился за кусты и замер. В лунных отблесках различался только силуэт. Бонда отметил отсутствие каких-либо вещей. Скорее всего, не беженец. И не мародёр. Даже рюкзака не видно. Тщедушный профиль, хромает, за палку держится двумя руками. Русло переходит перпендикулярно, по наименьшей траектории. Двигается по направлению к нему.

В двух шагах от берега человека качнуло, он взмахнул рогатиной и снова упал в воду. Через некоторое время, на полусогнутых, подволакивая левую ногу, он выкарабкался на сушу, растянулся на траве и замер.

Бонда выждал около получаса прежде, чем осмелился приблизиться поближе. Начинало светать, нужно было срочно искать укрытие, но уйти, от греха подальше, почему-то не хотелось. За всё прошедшее время больше здесь никого не прошло. Проснулись птицы.

Некоторое время Бонда разглядывал тело с косогора и

размышлял. Человек был небольшого роста, видимо подросток. Одна рука, неестественно поджатая рухнувшим телом, белела маленькой ладошкой. Мокрый комбез, камуфлированный древним берёзовым рисунком, высокие текстильные ботинки на шнуровке, большой, но тонкий нож-мачете в кожаных ножнах на поясе. Больше оружия не видно, но, возможно, есть на теле. Голова запрокинута так, что лица не видно. Затылок и шея закрыты защитным шарфом-трубой.

Бонда подобрал небольшой камень и кинул в скрюченную спину. Реакции – ноль. Второй камешек прилетел в голову, но со странным звуком отскочил в сторону. Бонда осторожно приблизился к человеку и пошевелил его ногой.

После этого вынул и отбросил в сторону мачете, присел на колени и быстро обшарил фигуру одной рукой, немало удивившись результату.

Он без труда перевернул тело на спину и отшатнулся – вместо лица на него смотрела сплошная чёрная маска с легкой выпуклостью на месте носа и потухшими щелками глаз. Громадные белёдые зубы ощерились на полморды...

Глава 35. DENON за девять рублей

– Товарищ п..., простите... Иван Петрович! Когда он «подключен», мы это так называем, он называет нам пароль. Его идея. Но иногда он подключается, но пароль не называет. Шутит он так, но с большой долей вероятности, по глазам... можно понять.

Однажды мы обнаружили у него незаявленную фазу подключения фактически случайно.

Его тренер был негласно предупрежден, что нескольких пацанов мы будем готовить под себя. Раз в месяц он нам пишет о спортивных и околоспортивных результатах по пяти отобраным нами претендентам. Среди них, естественно, и по Шатуну. Практика необычная, но... нормальная, всё же трое бывших воспитанников здесь, в управлении, работают. Помогли неформально. А вот боксёров у нас мало, они, в основном, в УВД. Все-таки бокс не то. Травмы головы имеют свойство накапливаться.

– Давай про это опустим. Ближе к делу. Про «случайно».

– Хорошо, Иван Петрович! Так вот, три недели назад, после тренировки, прямо в раздевалке произошла... фактически драка. Между двумя... претендентами. Наш... и еще один, старше на два года и тяжелее килограмм на двадцать. Победил Шатун. Примерно за три секунды. Судя со слов присутствующих, он провел сильный удар голенью по внут-

ренной поверхности бедра, одним движением другой согнутой ноги с разворота уронил парня на спину, и уже по скрюченному на полу телу обозначил добивание. Ногой же, в голову. Группа в шоке, Бондаренко им сказал, что в кино подсмотрел. Но там же не кружок шахматистов, выводы сделали все. Каждый – свой. Тренер, например, попросил нас взять с Бондаренко подписку о неприменении боевых приемов, которым мы его здесь оказывается обучаем.

И вот тут-то мы товарища нашего Бонду и подловили... на несоблюдении конвенции. Он поотпирался немного, потом признался, что просто устал, не хотел никого из нас видеть и терять свое драгоценное время на беседы с... извините, я дословно, «с дебилами, два раза просравшими страну».

Прошу прощения, но мы между собой его между собой зовем и так, и эдак. Кстати, то, что он на самом деле умеет – это просто какой-то атас! Он показал тут как-то Малявину. На спор. Махнул ему полуоткрытой кистью под подбородком. Скользящее движение, как будто бороду потрогал. С первого раза видимо промахнулся. Малявин ухмыляется – он же его за... абитуриента держит. А Бонда извинился, посетовал на годы, повторил. Малявин завис. Стоит, глаза выпучил. Бонда тут же обозначил ему удар пальцами в глаза, стопой в пах, захватил затылок... и коленом в голову. Всё мгновенно. Подстраховал его за воротник. Посадил на пол. Малявин червонец проспорил, но ничего не понял. Мы тоже.

А по поводу той драки... мы долго разговаривали. И он

пояснил, что с большим трудом может себя контролировать, особенно вне татами. Да и в зале бывает тяжело. Рефлексы, мол, на другое заточены. Быстренько убить или искалечить, невзирая на возраст, пол или обстоятельства. Попросил разрешения пропускать тренировки (у них там с посещаемостью строго). Теперь, когда он в режиме «подключения», мы вынуждены писать для тренера справки о занятиях Бондаренко в спортклубе «Динамо». Можно вопрос? Если, конечно, вы ответите?

– Давай, может и отвечу.

– Зачем всё это знать, Иван Петрович, я имею в виду технические моменты? Он же ни черта не может объяснить, что как работает. Если он только, как сам же и говорит, в лучшем случае продвинутый пользователь?

– Послушай, я думаю, ты поймешь. Хотелось бы определиться, на что ставить, что у нас получится. Ты не представляешь, Андреич, сколько сейчас направлений в разработках! И мы не можем разбрасываться народными средствами... на заведомо бесперспективные. Ты чего глаза таращишь? Да, всё так, можешь уже и не сомневаться. И поэтому я здесь сижу с тобой, серьезно всё. Но твоим ребятам подробности знать... ни к чему. И у меня ничего такого больше не выпытывай. Приедет... ну, ты понял кто, вообще следует всех отстранить от бесед.

– Так, Иван Петрович, сейчас это только я. Ребята только снаружи с ним... общаются.

– Вот и ты в поле перейдешь. Всё, закрыли тему. Вопросы, которые не обсудили, есть?

– Да, Иван Петрович, ещё есть момент по деньгам. Он ведь абсолютно не шкурный, не азартный человек, но... не в первый раз уже. Спорит исключительно на деньги, причём тут же их требует. Помните, мы писали, он кассеты наши импортные выклянчил? Так вот он записал их какой-то дрянью и в школе же и продал задорого. Не удивляйтесь, он мне сам простодушно всё рассказал. Я даже не нашелся, что на это сказать. Он искренне не видит в этом ничего такого!.. Да и рассказы у него... какие-то жуткие.

– А ты, Андреич, на минуточку подумай, а где ему еще взять этих самых денег-то? Он вообще-то как бы школьник. У него даже стипендии нет. Помнишь, он сам говорил, что ему всегда было стыдно у родителей рубль-то попросить. Я по первым отчётам сужу. С золотом мы его, как он совершенно точно выражается, продинамили. Динамовцы! Остаётся со всякими Малявиными на деньги спорить. Надо, кстати, вопрос этот как-то грамотно решить. Подарите ему коробку этих кассет, что ли? В «Спринт» пусть выигрывает периодически. Или как-то так. Подготовьте обоснование грамотно, мы компенсируем. *Он должен суметь сделать всё, что нужно.* В рамках разумного, конечно. И рассказать всё, что считает нужным. Мы – только фиксируем. Мне... там... было сказано примерно так: «Если где-то прибыло, значит, где-то убыло. Ломоносов. Если давишь здесь, лопнуть может... где

угодно. Наблюдать и помогать, если просит! Но, если что-то отчего-то сразу не получается, то... и не пытаться. Это значит – так и надо»!

Глава 36. Пресса

Небо было относительно чистое, но духота усиливалась. У нас в горах климат вообще... не ах, даже вот в такую ясную погоду любую случайную тучку стремительно затягивало между хребтами. А если становилось пасмурно, то надолго. Неделя, две, три. В то же время, через километров тридцать-сорок, могло быть вполне себе лето. Городок находился как бы на дне огромной чаши, вечно затянутой тучами. В хорошие времена всё это усугублялось дымами заводов и горящих свалок. Попасты туда можно было свернув с федеральной трассы и постепенно опустившись вниз по хребту к блюдечку озера с жиденькой ныне речонкой. Давление здесь постоянно скакало вверх-вниз. И атмосферное и внутричерепное. Постоянная непостоянность. Скорей бы уж, что ли, гроза...

Чапа сидел на ящике и чесал языком с корреспонденткой. Он знал – несмотря на то, что её оператор уже три дня сидит в подвале, эта сучка все равно наверняка его пишет. Метóду от этого ему подсказал Бонда. Надо было постоянно говорить много неудобоваримого для прессы – матюки, пошлости, скабрёзности, отсылки к внешнему виду и пусть даже не совершённым никогда поступкам интервьюера. Главное, потом ей придется резать текст, а это, как ни крути, будет заметно.

Может, конечно, и ерунда это всё, но Чапе понравилось. Потрындеть он любил, а с покрашенными шпионками – тем более. В том, что занесло их сюда не просто так, он был уверен. Во всяком случае, оператор уже всё слил и сейчас валялся запертым... в степени крайнего алкогольного опьянения. Признание зафиксировали. Его аппаратуру вчера увез Ходырев. В стальном ящике. Сказал, что техника – стандарт, с другими они сейчас, похоже, уже и не ходят. Раньше б кунг понадобился, а сейчас всего-то два чемодана. Да ещё и по назначению работает. Как камера... И, хотя особых секретов здесь не было, Бонда не торопился отпускать эту группу.

Девку же, похоже, использовали втёмную. Но Бонда допускал, что она тоже... не мать Тереза. Нормально обыскать ее всё равно было некому. Да и чревато. Чапа предложил свои услуги, надеясь на допуск к телу при известных обстоятельствах. Таких желающих, впрочем, нашлось бы с полсотни, включая старпёров и молодняк, но навыки опера имелись далеко не у каждого.

Впрочем, на успех не надеялся и сам Чапа. А время шло, морду лица следовало соблюдать, и потому снятое на обычный фотоаппарат видео ушло в сеть. Одно – с распеваящим похабные песни оператором, второе – с мирно беседующими корреспонденткой... и товарищами в балаклавах и чёрных очках... на фоне пресловутого моста и плотины.

– Как тебя по батюшке-то, Регина? Вадимовна? Да-а, отчество у тебя, конечно, не очень. Папку конечно не выбира-

ют, но Вадимовна! Вадим. Что за имя?! В – ад – им, в ад!
Им... всем!

Вообще слышится, как Вводимовна. И сразу не по себе. Вводим и выводим, блин! Хуже только Олеговна. Крикнешь: «Олеговна!» А эхо тебе: «Говна, говна, на-на, а-а...»! А твой клоун уже достал всех, его по ходу давно прокапывать пора, алкоголика! Аж завидно! У нас сухой закон, а он, сука, дорвался! Вчера упал нахрен, поссать видно пошел и навернулся. На косяк. Неудачно. Да не дергайся ты, мы сами за вас беспокоимся. Захучают вас тут залпом, а на нас свалят. Скажут, изнасиловали Регинку и на клочки порвали. Знаешь, как мне обидно будет? Обидней всего, когда не за что виноватят. Может, тряхнем молодостью, ты ж поди на клубках выросла? Ты без комплексов. Я тоже. Мы идеально подходим друг другу. Пойдем, проверим? Да шучу я, сиди уже, я так... без умысла. У меня тут... хватает персонала. Правда я им только мозги трахаю, это, наверное, не считается? Тем более я не такой, я только женщин люблю! У нас не как у вас! Броня приедет, ты уедешь, а я скучать буду. Плакать буду. А платочка нет! Не подаришь? Любую тряпочку с себя... А я тебе такое интервью дам, тебе сразу премию дадут! И в Монреаль отправят спецкором. Подальше отсюда. Между прочим, американцам их девушки, когда провожают, не платочки дарят... А знаешь что? Знаешь? Прямо с себя снимают и бросают...

У тебя мужик-то есть, или ты не по этому делу? Как зо-

вут-то? Сережа? Ха! Не повезло тебе – Сергей, тоже так себе имя. Серый гей. Прикинь отчество – Мария Серая Геевна, Регина Вводимовна. Ха-ха-ха! Бросай его нахер. Никогда не поздно изменить судьбу. У меня знакомая была Елена. Потом в сорок лет поменяла имя на Лена. Но фамилию девичью татарскую не взяла. Оставила от второго мужа. Шильник. ИП Шильник. Ха-ха-ха! Третий муж был Коля Вагин. Помер давно. Его позывные она тоже не захотела. А зря. С юмором у нее все было нормально. С хваткой тоже. Сейчас всяко... где-нибудь в Таиланде пузо греет. Или пупок стирает. Ха-ха-ха!

Эй, боец, сюда иди! Принеси нам с тётёй водички, пожалуйста! Так вот и живем, Вводимовна! Моемся нормально раз в пятилетку! Чувствуешь, как от меня вкусно пахнет? Это мужиком пахнет! Не серым геём. Так где, ты говоришь, ваша машина осталась, а то мы её что-то всё никак не найдём?

Глава 37. Конвергенция

– И где же вы таких слов-то понахватались, а?

– Так у него и понахватались. Прилипает. Он тот еще... балаболка. Дед Щукарь недозрелый! И наглый иногда такой... Представляете, последние два сеанса вообще... бабу просит! Простите, женщину.

– Так у него же есть какая-то подружка? Старцева. Кстати, не затягивайте по ней, тётка там у вас, не тётка! Решайте вопрос. Мы подключимся, если не можете там у себя.

– Решаем. А про Старцеву я ему так и сказал. Но он уточнил: «Бабу. А не тургеневскую девушку. Для физиологических, то есть плотских утех растущего организма». В большом городе он, мол, эту проблему решил бы за сутки, но... поскольку он товарищ, по известным причинам, невыездной, просит помочь. В качестве алаверды обещал вспомнить про какую-то станцию слежения рядом с каким-то Чернобылем. Кажется, про Дугу...

– Стоп! Как ты сказал? Дугу? Повиси-ка на линии...

* * *

– Алло, Андреич? А точно про Дугу, ты не ослышался?

– Вроде бы так. Возможно, конечно, и Радугу... Но, маловероятно. Надо проверить, как он там вчера сказал, не об-

рабатывали ещё...

– Ни хрена себе! Ты чего, Андреич?! И сразу не позвонил! Хотя ты ведь... А, где он сейчас?

– Как обычно. У нас одиннадцать. В школе, скорее всего. Мы не знаем, в каком он сегодня состоянии. После трех может и нарисоваться. На прошлой неделе, например, не звонил четыре дня.

– После той поездки?

– Да, после нее. Я вспомнил сейчас, он действительно сказал, что про Дугу – это важно, что всё на самом деле из-за нее и произойдет, взрыв что ли, но...

– Что? Что «но»?

– У него же... С его слов – всё важно. Он столько всего... обещает. Послушать, так там сплошной коллапс, чуть не каждый день. Беспросветно. Одни аварии, войны, теракты, уголовщина. Команда – писать, мы пишем! Ну, не реагировать же на каждый его бред?! Даты толком не помнит, говорит только то, что самому ему интересно, какие-то слова попадают непонятные, так он и не собирается остановиться и объяснить. Дальше мелет. Подождите, вы что, серьезно?

– Да. Записи за эти дни мне сейчас же... Самолётом. Оригиналы. И фонолисты. Отчёты, какие успеешь. И ещё... Короче, сегодня же его найдёшь и переговоришь. Я накидаю список вопросов. Если он в... ну, ты понял, в каком состоянии. И ещё. Познакомишь его с этой... с Дерницкой. Понял, да? Я решу сейчас с Семёновым по ней, пусть отправит к те-

бе. Только аккуратно. С ней, я имею в виду. Скажешь ей, что особый случай, моё личное распоряжение. Предупредишь, что клиент с тараканами.

– Но, насколько я помню, ей где-то тридцать... А ему?! Пятнадцать с хвостиком. Совра...

– Стоп! Не договорись мне тут! Мы с тобой не знаем, сколько ему раз по пятнадцать! По моим прикидкам уж никак не меньше чем четыре! Нормальный такой хвостик! Дерницей скажешь, что почти двадцать, готовится, мол, курсантом в Школу. Ему, кстати, тоже. Заодно английским языком пусть... попрактикуются. Или... как там. Виктория все ныла, что её не повышают, всё к нам, да в Ленинград хотела, вот пусть и почувствует себя нулём... С палочкой... в руке. И синицей за пазухой. Он же, говоришь, английский шпрехает?

– Видимо, да. В школе на инязе объяснил учительнице, что, во-первых, материться на детей и коллег по-английски неприлично, так как они этого не только не понимают, но и не заслуживают...

– А во-вторых?

– А во-вторых, что так уж вышло, что вот он, Алекс Бондаренко, лично владеет не только американским матом, но для нее лично, в удобное для Ольги Павловны время, мог бы заняться и языком по-французски. Это дословно, не знаю, что он имел в виду. Это, конечно, он мне сам рассказывал. Мол, надеялся училку склеить. Наглец!

– Языком по-французски?.. Да, есть такое выражение... популярное здесь... у некоторых штатских. Извращение, по сути. Юморист он, блин, переросший! А она что?

– А она, говорит, похоже, ничего не поняла, разозлилась, стала его гонять по программе, а он теорию толком и не знает. Но разговаривает и понимает суть. С его слов. Двойка. С угрозой тройки за полугодие. Говорит, что просто не удержался, поумничал себе на голову. Может просто хвалится, его же не поймёшь. Ну и, так сказать, бабу попросил.

– А ведь может статься, что так и надо, Андреич? Раз он так в себе уверен. И *их* мотивы для меня непонятны. Я ведь пять минут назад там согласовал всё на раз! Когда такое было?

Глава 38. Триггер

– Подъезд. Под ногами хрустят шприцы. Шумная молодёжная компания между этажами. На замечания не реагируют. От слова вообще. Завёл ребенка в квартиру, вернулся. Спросил, кто главный. В ответ – ржач. Определил самого бесстрашного, позвал за собой. Не обращая внимания на тягучие звуки, завожу в блок-карман, захопываю дверь, молча бью в живот. Потом открытой ладонью в висок. Вот так, примерно. Естественно не в полную силу. Так, чтоб вял. Потом взял, значит, за горло и нашептал ему в ухо... грозящие перспективы. А пацан ошалело так слушал и, значит, оправдывался, хрипло так: «Мы – не наркоманы, это не мы. Мы недавно здесь, на улице холодно». Я продолжаю: «Мне по барабану, кто. Хоть кто, но пиздить я буду тебя. Возможно кого-то еще, но тебя в обязательном порядке. Зачем мне всех помнить – я тебя запомнил. Вали отсюда, да не ссы – никто ничего не видел, авторитет не пострадал». И подсрачник.

– Помогло?

– На какое-то время. Потом других уже гонял. Махнулись, поди, подъездами. А лет через десять в другом месте с этим утырком встретились. Он же не поумнел. Не хочу даже вспоминать.

Все задумались, каждый о своём. Бонда решил разрядить

обстановку, осмотрелся вокруг и зацепился взглядом за рано поседевшего Лексуса. Тот угрюмо сидел в углу на выломанном где-то грязном автомобильном кресле.

– Лексус, я уже три месяца голову ломаю, ты почему Лексус? Типа везде проеду, с понтом, с шиком? Весь такой проходимец... гламурный?

Народ оживился. Со всех сторон посыпались реплики:

– Точно проходимец. Ходок. Оставил бабу без надежды. Мачо хуев!

– Ей, похоже, первый раз в жизни так повезло, а ты сбегал!

– Серебристый подержанный Лексус вошел в тюнингованную Приору! Зазинзюлил в Зинзилю.

– Зиля ее зовут. Танзиля. Между прочим, парикмахер она хороший.

– Только прижимается сбоку постоянно, я думал, недотягивается, башку наклоняю, а она мне двумя пальцами, больно так – оп, назад. Типа не ломай процесс. И опять лобком о руку трётся. Аж на цыпочки встает. Нимфоманка по ходу!

– Да ну, брось, какая нимфоманка? Побегала бы она тогда жаловаться, мужиков дохрена, только свистни. Ей конкретный белый конь понадобился.

– Ты её как, Лексус? Трусы на морду? Или противогаз надел? Для красоты!

– Нормально, – смущенно оправдывался Лексус, – как при задержании, лицом к стене, ноги на ширину плеч, руки на

стену. Там же грязь, по-другому никак. Только сзади. Она сама предложила.

– Главное, не увлекайся, – сказал Бонда, – чтобы у тебя это в рефлекс не закрепилось. А то как-нибудь не сдержишь-ся... при задержании. Некрасиво получится. У нас в армии, кстати, тоже была одна... сильно кривоногая. Служащая СА. Лет под сорок. Татрой звали.

– Почему Татрой?

– Грузовики в советское время такие были, самосвалы импортные. «Магирусы» ещё более-менее, а у «Татр», когда незагружены, задние колеса дугой. Как ноги у кавалериста. Забавно.

– А Лексус я, потому что Алексей... был когда-то. Просто в голову ничего не пришло. Машина-то у меня поскромнее была – паскуда, правый руль...

Глава 39. О масках и клеймах

– Александр, можно я буду называть вас именно так? Я одного не пойму, почему в ваших рассказах почти все люди не названы по имени или фамилии, а носят, с вашего позволения, какие-то клички? Как собаки, честное слово!

– А вы еще не поняли? Время-то было... собачье! Отвыкли мы от имени-отчества. История ходит по кругу, некоторым поколениям везет, и они живут в скучное время. А кому-то выпадает китайское проклятие – несчастье жить в эпоху перемен. Когда невозможно планировать вперед... даже на несколько лет. Вам сейчас этого не понять. Давно, казалось бы, забытые смыслы старых книг и песен вдруг обретают смертельную актуальность.

Это страшно – ты не знаешь порою, что будет завтра: очередные судьбоносные изменения в законодательстве, кризис, теракт, война? Ты завидуешь старшему поколению, которое успело довольно беззаботно пожить в советское время. Ты боишься за будущее своих детей, оно такое... мутное, до черноты!

Страшно, когда песня-лозунг «завтра будет лучше, чем вчера», по которой ты жил, становится анахронизмом. Ты уверен, что завтра жизнь в целом будет хуже. Ты пытаешься что-то сделать для своего личного завтра, затормозить, предотвратить, предвидеть. Подготовить детей, близ-

ких, спокойно войти в ледяную воду, без судорог и истерик. С минимальными последствиями, которые неизбежны. Ты пытаешься найти какие-то плюсы в новой ситуации. У нас, мол, зато нескучно, это ж непреложный факт, ребята!

Ты уверяешь себя и окружающих, что всегда были в нашей истории недолгие периоды созидания и затишья, что очередной вот – вот наступит, он просто не может не наступить!

А с возрастом, с наслоением многолетнего опыта, с открытием очередных пластов из прошлого, ты уже понимаешь, что *привал ненадолго*. И в отличие от более молодых или наивных с болью осознаешь, что кризис и война во всех ее многочисленных проявлениях – это *норма* на нашей земле, это судьба. И приходит отчаяние.

А про «клички», как вы соизволили выразиться, ладно хоть не «погремухи», за это имею сказать следующее: это не клички, а позывные, аватары, псевдонимы, в конце концов... Старик, Коба... Железный Феликс, блин! Не мне вас учить.

Таким образом, отчасти решается вопрос безопасности субъекта. Ну и опять же скорость коммуникации в полевых и прочих некомфортных условиях. Одно дело, когда тебе кричат: «Александр Иванович! На нас плита падает! Убегаем подальше отсюда!». Причем Александров, Сергеев, Владимиров много. А Бонд, Оберов или Глобусов – так их всегда по одному.

Другое дело, когда слышишь: «Бонда, валим!!!». И ты

немедленно подрываешься с места, оставляя на потом пристальное *разглядывание* предмета угрозы и причиненных им последствий.

Опять же когда эфир слушают русскоговорящие с ограниченным лексиконом, производными из четырех слов можно передать девяносто процентов информации. «Шипа, Белка, Лось – хучат по мотолыге. Гирия – жопы! Обер – небо!» И все пасут свой сектор.

Плохо, что слушали-то обычно как раз бывшие свои. Свои... Мда... Хотя, опять же плюсы – дурили друг другу головы, путали планы, изгалялись в эфире. И по-злому, и по-доброму. Большинство выросло на одних фильмах, одних книгах, жизнь изучали по одним учебникам, а тут... Я вас спрошу: много ли надо, чтобы брат на брата пошел? Нет. Надо было гражданскую вот сейчас изучать, чтоб назубок! Как Великую Отечественную. Чтоб иммунитет был! На мутные разводы. Чтобы не идти в третий крестовый поход... на грабли.

У нашей страны опыт богатый, а у наших заклятых друзей ещё больше. Технологии рулят, как тогда говорили. Развести на нехорошее несложно, если народ тупой, а план как стравить, отработан в других регионах.

У нас практически Урал. Не Украина. Бандеровцев не было. Москву и Америку не любили одинаково. Даже в десятых раскачать на нехорошее местное население было сложно. За двадцать с лишним лет народ стал презирать всех политиков,

а особо активных ненавидел и остерегался лезть в непонятное. Но уж если Украину, где все на морду одинаковые, умудрились раскошегарить на гражданскую войну, то уж наш-то край, где понамешано столько: и мечети, и церкви, русские, татары башкиры, чувашаи, мордва, немцы... а смешанных семей сколько, только в путь... Социальное расслоение, образованность, культура, всё ж у всех по-разному. У хохлов запылыхало, так и у нас внутри раскол пошел. У каждого своя пропаганда. Свой телевизор, свои сайты. Своя правда. Пытаешься примирить – получаешь с двух сторон. Дожили!

Всегда считал, что это недоработки вашей конторы. Надо было не активы отжимать и сорняки всякие выращивать, а перевербовывать, запугивать, отстреливать, наконец! Свою созидательную работу вести. Каждый день! Защищать своё жизненное пространство. Не своё, сука, личное, а наше! Ведь были ж успешные примеры в истории. Нет, осваивать новые грани в потреблядстве вам оказалось интереснее. Чоповцы с холодными руками, блядь!

Кстати, Железный Феликс, уже и не прокатило бы... за позывной. Непозволительная роскошь называться Благородным Оленем или Быстроногим Ягуаром. А то ведь вымрешь, как тот нерасторопный олень. Или пойдешь в резервацию.

Надо два слога. Просто Феликс, или Филя, это да, правильно. Айрон... тоже ничего, хоть и не по-лапотному.

А по сути – вы, конечно, правы. Грустно признавать, что бóльшую часть жизни, точнее наиболее стремительную ее

часть, тебя не называли по имени-отчеству.

Впрочем, про отчества при обращениях можете потихоньку забывать. Уже скоро даже на визитках будут писать только фамилию и имя. Не говоря о прессе всех уровней. Лет через цать даже молодежь будет называть тебя по имени. Но на «вы», конечно. И без всякого... уменьшительно-ласкательного. Если заслужишь.

Отчество, было дело, даже на американский манер сократилось до одной буквы с точкой. Я сам писал, помню, Александр И. Бондаренко, телефон такой-то. Пока не задумался и не пожалел своего отца.

Глава 40. Ви́ла¹⁷ с вилами

Бонда сплюнул, выругался и потянулся за ножом.

Под разрисованной оскалом баллистической¹⁸ скорлупой оказалось вполне миловидное лицо. Женщина, лет тридцать пять, а то и моложе. Короткие чёрные волосы смяты кевларом. Брови и ресницы грубовато, но обработаны. Губы бледные, обветренные. На тонкой шее набит маленький трезубый герб и какая-то надпись вязью, уходящая на спину.

Спрей подействовал быстро – она открыла глаза и застыла.

– Терпи коза, а то мамой будешь¹⁹, – сказал Бонда, – уже не так всё страшно, это кетамин. Чего у тебя с ногой, гарна дывчына?

– Пшёл нахуй, москаль, – прошептала она и заплакала.

– О, как ожидаемо-то, – усмехнулся Бонда, – а ничего, что так-то я тебе, дуре, только что жизнь спас?

– Я сама бы выбралась.

¹⁷ Ви́ла (южно-слав.) – женское мифологическое существо, зачастую мстящее людям за причиненное ей зло.

¹⁸ Баллистическая кевларовая маска защищающая голову от холодного и огнестрельного оружия. С выпуклостями для носа и ушей, сетчатыми отверстиями для глаз. Эффективность в реальном бою, а не в полицейских операциях, достаточно спорная.

¹⁹ Сознательно исковерканное Бондой под женский пол выражение «Терпи казак – атаманом будешь!»

– Я видел, как ты выбиралась. Носом в гальку. Нахрена тебе маска-то? Ты ж вроде не страшная? От комаров?

Девушка попыталась приподняться, но тотчас повалилась на песок.

– Во-во! – сказал Бонда и, схватив её за капюшон, отволол с берега. Потом наломал ивняка, вернулся, замёл следы.

– Короче, ты быстро отвечаешь на мои вопросы, и я тебя попытаюсь вытащить отсюда. Или молчишь, и я сделаю то, что вы там про нас друг другу рассказываете. Якши?

Девушка плюнула Бонде в лицо, но тягучая клейкая слюна только отскочила на пару сантиметров и, вернувшись, белёсой соплёй повисла на подбородке хозяйки.

– Ясно, – сказал Бонда, – Москаляку на гиляку. Зомбиленд. Я кстати, хохол на четверть. Даже обидно.

– Ты хохол, а мы украинцы, – гордо прошептала девушка.

– Да хоть адвентисты, – сказал Бонда, доставая скотч, – здесь тебе не там.

Он взвалил ее на «мельницу²⁰» и сделал несколько шагов. Потом остановился, опустился на землю и сказал мычащему извивающемуся свертку:

– Будешь дёргаться, дура мокрая, зарежу, прям здесь! Вот этой твоей кухонной трамонтиной. А у тебя ещё есть шанс... посмотреть, как можно жить. Не прячься за масками. Никто

²⁰ Мельница – способ переноски человека на плечах поперёк, буквой «Т», взявшись за одноименные руку и ногу. Происходит от высокого броска в единоборствах, производимого из этой позиции.

там тебя хором не употребит. И по частям маме не отправит.
У нас нормальных людей побольше.

Глава 41. В пути

На вокзале было сумрачно и грязно. На каждом шагу, на сумках, на полу, на корточках сидели усталые напряженные люди. Мимо них текли, разбиваясь ручейками, нескончаемые потоки тех, кто ещё не нашёл себе места. Расталкивая стоящих, сновали какие-то совсем непонятные личности. Время от времени они собирались в закрытую со всех сторон группу. Вскоре оттуда раздавались развесёлые прибаутки наперсточников и удивленные возгласы «выигравших». Немногочисленные жертвы заинтересованно подтягивались на «посмотреть» и шоу крутилось уже для них.

Бонда за четыре часа ожидания, от скуки и невозможности читать в тусклом свете, уже начал отличать действительно интересующихся от подставных. Также он отметил двоих парней и неопределенного возраста бабу в разных углах зала, внимательно следящих за публикой и ходом игры. Вмешались они только раз, когда из образованной «зрителями» толпы вывалился игрок с внешностью колхозника и заблажил: «Не, ну ребята, вы чо? Вы чо ребята? Не, ну нельзя же так».

Баба участливо взяла его под руку и, что-то говоря, повела к выходу. Двое парней поодаль следовали за ними. Бонда слышал только «это ж страшные люди... не найдёт никто тебя... какая милиция, всё у них повязано».

«Верю» – подумал Бонда, припоминая, как милиционер серой мышкой проскользнул через компанию на второй этаж. Некоторые по-свойски кивали ему головой.

Бонда в очередной раз поднялся наверх. Света здесь почти не было – лампочки, чтоб не мешали, поразбивали бомжи, вольготно разлѣгшиеся на лавках с выломанными подлокотниками. По периметру вытянулся десяток разномастных ларьков. Ночью работал только один.

Бонда купил пару ржавых в угольной крошке беляшей с кисловатым мясом и бутылку тёплого пива. Выдержал взгляд сидящего на корточках побитого жизнью человека, но доедать не стал, а спустился вниз и вышел на улицу. Достал сигарету. После вокзальных помещений воздух казался сладким.

Из скособоченного павильона неподалеку доносились звуки стрельбы – видеосалон работал круглосуточно. Несколько человек, курящих у входа, повернули головы и, заметив Бонду, молча направились к нему. Как огромные овчарки, которые абсолютно беззвучно несутся навстречу жертве. Мёртвые их лица выражали какой-то интерес. Первым подошел лысый здоровяк в куртке-пузыре из рыжего кожзама. В руке он угрожающе крутил нержавеющей цепочку с ключами.

– Такси не надо, – сказал Бонда, не дожидаясь, – водки тоже. Просто воздухом дышу.

Лысый, так же молча, развернулся и махнул своим – от-

бой. Потом что-то вспомнил, и оглянулся.

– Ничего не надо, – вновь упредил его Бонда и добавил, усмехнувшись, – спасибо.

На привокзальной площади ветер крутил куски картона и обрывки газет. На разросшихся за лето тополях висели полиэтиленовые пакеты. Из-за угла дома напротив, пошатываясь, вышла компания из семи человек и, матерясь, загрузилась в подъехавшую угловатую иномарку. Двое при этом задницами сели в багажник, скукожившись криветками и свесив ноги наружу. Водитель вышел из кабины, осмотрел машину, смачно высморкался и вернулся на место. Руль был справа. Таксисты проводили отъехавших взглядами, и по-прежнему, молча, уставились в дверь салона. Пальба ненадолго сменилась визгом шин.

Бонда прошел через арку и оказался на тускло освещенном перроне. Прогорклая чесночно-чебуречная вонь сменилась знакомым ароматом креозотной пропитки. Синие огни, серые пыльные облака цыганских шалей, солдатики в бушлатах, приплясывающие у товарняка с чем-то затентованным. Жизнь, всюду жизнь... Или выживание?

Бонда дождался поезда, не раздеваясь, залез на вторую полку, снял ботинки. Переложил их в приготовленный заранее особо хрустящий пакет и засунул на третью полку над собой. Сумку сунул под голову. Раскрыл складешок и убрал его под матрас со стороны брючной вешалки. Укрылся курткой, привязав её веревочкой за петельку к скобе в стене. По-

стель на одну ночь в плацкарте почти никто не брал. В проходах торчали ноги в грязных носках, бегали какие-то бешеные от недосыпа дети, сновала засаленная проводница.

Потянуло табачищем, люди завозмущались, и чей-то бычок полетел в приоткрытое окно. С улицы заорали и несколько раз треснули кулаком по стенке вагона. Внизу на боковушке кто-то рассказывал:

– Спустился в туалет. Нет, не платный, в другом крыле. Встал к стенке, там же вдоль стены лоток идет, наклонный, поливаю, значит, кафель. Тут раз – двое подошли, справа и слева. За руки меня – хоп! А сзади шнурок на шее – оп-па! И всё, только шепот в ухо: «Стой, сука!» Страшно, хриплю еле-еле. Вообще ноги подкашиваются. Эти, значит, руки нараскоряку тянут, каждый в свою сторону, не дернешься. И кто-то быстро-быстро по всем карманам, аж трусы прощупал. Потом раз, резко так в угол толкнули, я аж на колени упал, грязно там. Отпустили. Живой. Повезло. И документы с билетом тут же сбросили на пол. Человек пять, наверное, их было.

Другой голос ответил:

– Там зимой шапки срывают, прямо на бчках, лучше заранее снимать и прятать, даже если сурок.

Поезд вздрогнул, огни за окном сместились вправо. Бонда уснул.

Глава 42. Песня без гармонии

Вспомним про тех, кто в тылу ошивается, с женами нашими спит. Кто вечерами, сидя в ресторанчиках, «Смерть оккупантам!» кричит. Вспомним про тех, кто командовал ротами, кто умирал на снегу...

Бонда прикрыл дверь, стало тише.

– Игорь, – сказал он, – мне что-то подумалось... навяло нашими певунами... Ты же в городе бываешь... Расскажи. Там действительно... всё как раньше?

– Ну, положим, ресторанчики там до девятнадцати, комендантский час никто не отменял. А вот остальное – да, похоже. Местами. Где завод, там вообще без разрушений, ну и в центре подвосстановили почти всё. Только что траву не стригут. Толкучка, как в девяностые. Шило на мыло. Я ж патроны на свою иномарку там взял. У какого-то кренделя. Они там ничего не боятся, ни комендатуры, ни полиции. Мне кажется, закажи ядрён-батон, так через неделю привезут, только башляй! Спица там всех знает. Хочешь, вместе туда съездим? Чего ты себе вбиваешь лишнее?

– А люди, что? – проигнорировал Бонда последние фразы, – Они... чем вообще думают-то? Эта зима уже другая будет. Станция же стоит.

– Не знаю. Зимы тёплые пошли. У всех печки. Кирпич тачками возят, глину. Дрова с машин. Уже неколотые теперь.

Я видел у себя во дворе. У всех из форточек фанерки, железом обитые и трубы торчат. Одну комнату греют и все. Поликарбонат вместо стекол, плёнка. Сетки пенят. Генераторы тарахтят. Горючка продается свободно. Понятно, соляры больше. Недорого, кстати, по сравнению с нами. Нормально там всё, никто кошек не ест. Детей полно. Большинство решило, что всё затухает.

– Это я каждый день слышу. Но только так не бывает. Бывает – не так!

Бонда вспомнил, как проходило то злополучное совещание в городе. В «Арктике». Точнее, в бывшей «Арктике», год назад её отжал у хозяина кто-то из сочувствующих. Активно сочувствующих. И переименовал, в соответствии с собственными вкусами, в «У Демона». Правильно – с ударением на второй слог. Говорят, что подразумевалось «У Димона», но ни заказчик вывески, ни исполнитель Гёте не читали, да и вообще похоже не читали. И вышло так. Впрочем, и не заморачивался никто по этому поводу.

Стоял тёплый вечер, было солнечно и тихо. Ходырев открыл тяжелую дверь. Вой шансона, морганье стробоскопов и плотность запахов на мгновение поразили Бонду контрастом с пыльной и спокойной улицей. Несмотря на ранний час, заведение кишело людьми. Преимущественно в форме различных расцветок. Почти у каждого на груди блестели разномастные медальки и значки, именуемые орденами кого-то и чего-то там. Лоснящиеся и грузные обладатели наград по-

дулежали на красных диванчиках, на низких столиках между нарезками и бухлом валялись портупей. У многих на боковинах или коленях сидели официантки-консуматорши в стрингах и кокетливых передничках. Несколько таких же вяло танцевали в здоровенной клетке, подсвеченной плавно меняющими цвет светодиодами. Второй этаж был традиционно разбит под «гостиницу» с почасовой оплатой.

Ходырев уверенно прошел через зал и кухню. Засунул голову в какую-то обитую жёлтой кожей дверь, спросил: «Можно?», и махнул Бонде и Наглеру. Двоих из трёх, находящихся в комнате мужчин, Бонда знал. Третий, высокий кудрявый молодой человек откровенно сутенёрской наружности, вяло пожал ему руку и представился: «Марк».

– Немарк, – отвечал Бонда. Знакомые ему мужчины переглянулись и улыбнулись, как ощерились. Ходырев засуетился: «Саша, сейчас не время и не место шутить, мы здесь как раз из-за Марка Валентиновича».

– А я думал, как раз самое время, – махнул Бонда головой в сторону общего зала. – Мы чего, бухать не будем? А то что-то, – он вспоминал слово, – сушняк не по-детски давит, а у вас стол пустой. Казачки-то, вон, уже какую-то Любу зовут!

– Это он шутит, – включился Наглер, – стресс. У нас сухой закон. Самогонщиков и пьяных наказываем жестко.

– Да мне похую, – сказал Марк, – на ваши обычаи. Объясните, что у вас по станции и по Поляковке. Причины срыва. Я это от вас хочу услышать.

Глава 43. Губа

Ближайшая гауптвахта была гарнизонной, на Малиновой горе. Ехать несколько часов, куча бумаг, позор командованию части, допустившему бардак. В армии было принято мусор из избы не выносить. Поэтому солдат старались наказывать на месте.

Узкое, полтора на три метра, помещение на территории ОГМ²¹ подходило на роль карцера идеально. Железная дверь закрывалась снаружи, окон не было. Под высоким потолком горела тусклая электрическая лампочка в чёрном эбонитовом патроне. Темно-зелёные, частично оштукатуренные, исписанные многочисленными разновозрастными «ДМБ» стены, вялые мухи разных калибров. Пауки и еще какие-то страшные, быстро передвигающиеся, похожие на мутировавших гусениц насекомые. Больше ничего. Ни мебели, ни полок, ни-чего! Следует отметить, что там было относительно тепло даже зимой – всё огромное здание питалось от пристроенной котельной-витка, а тут ещё и полуподвал.

И все бы было не так страшно, чего там – лёг на пол, да спи. Ну, ещё уши забить чем-нибудь типа скомканной газеты и лицо платком или пилоткой от этой живности и света. Но, как бы не так – на полу сантиметров на десять – двадцать стояла вода. Вперемешку с мочой наказанных. Никто не ка-

²¹ Отдел главного механика – хозяйственное подразделение воинской части.

раулил, никто не водил в туалет. Ничего вообще не было! У нас была почти идеальная часть. Даже о самом существовании этой весёлой комнаты ходили легенды, и не все в них верили. А тот, кто знал точно, предпочитал такие разговоры пресекать. Перед тем как выпустить провинившегося солдата, закрывший его офицер проводил соответствующую беседу. Следовало повиниться, сказать, что всё. Точно всё, никогда больше! Очень плохо было, товарищ капитан, больше не хочу тут сидеть! Никто не узнает, да, конечно. На работах был, за пределами, конечно, всё, я понял, выпускайте, не повторится!

В первый раз Бонда просидел, точнее, простоял там два часа, и они показались ему адом. Через восемь месяцев он пробыл там уже десять часов, но сумел подготовиться, и было легче.

Ожидая последствий своего проступка, он накануне приволок под дверь пару снарядных ящичков, которые валялись по хозтерритории повсеместно и находили применение самым неожиданным образом – в виде настенных шкафчиков, мест для хранения, столов, лавок и прочего, вплоть до источника дров. Он аккуратно поставил их один на другой, набив ломом кирпича и укупоркой, т. е. фигурными обрезками толстых досок, ложементами, располагаемыми внутри ящичков для жесткого размещения снарядов и сопутствующих элементов.

Ящички стояли аккуратно рядом с дверью, а значит, появи-

лись неслучайно, по какому-то делу. Мало ли. Может проводку чинить собрались, или белить где-то. Стремянок-то нет. И никто внимания не обратил, да и место было непроходное – сам коридор, где находился карцер, запирался на такой же навесной замок. Но ключи у Бонды имелись, взял на десять минут у сослуживца-сварщика. Тот – ещё у кого-то из своих огээмовских. Отдавая, посмотрел внимательно и специально предупредил – не подставь меня!

Проникнув в нужный коридор, Бонда сломал навесной замок карцера, но сломал аккуратно: открыл ключом и загнул бородком внутренний зацеп. Внешне всё цело, но повесишь, а дужка не фиксируется. Как будто от старости и сырости внутри что-то лопнуло.

– Ну что, Бондаренко, готов... стойко переносить тяготы и лишения воинской службы? – весело, с какими-то садистскими нотками, пропел капитан.

– Никак нет, товарищ капитан, это как-то несправедливо, – заблажил Бондаренко, глядя на его руки и замок. – Можно ж было просто два по пять нарядов и всё! Я ж не настолько сволочь, чтобы тут гнить!

– Ты в нарядах будешь балду пинать около тумбочки, да спать в сушилке, а народ на минус тридцати снаряды таскать, – ротный повертел в руках сломанный замок, сплюнул, и продолжил: – А мне надо, чтоб ты прочувствовал! Короче, стой здесь, в коридоре, жди меня! Сдвинешься с места – просидишь тут до понедельника!

Бонда слышал, что раньше такое не было редкостью. Злодеи могли сидеть неделями, периодически их коллективно били любители бить злодеев и не только. Но признавалось, что это всё же лучше дисбата. Тем более, что после дембеля можно было приехать с товарищами в посёлок и выпепить офицера-садиста. Только некоторым мстителям следовало дожидаться ухода на дембель своей молодежи. Иначе, могла получиться ситуация, аналогичная произошедшей год назад, когда Бонда был еще духом.

Ротный тогда вызвал в канцелярию сержантов, и через некоторое время те аккуратно провели беседу со своим призывом. Вечером все старослужащие куда-то пропали, а вернулись часа через два, трезвые, но донельзя счастливые. Позднее Бонда узнал, что в поселок приехал с соаульниками какой-то легендарный бешеный чурка, который беспредельничал тут год с лишним назад и дембельнулся задолго до призыва Бонды. Как с такими персонажами и бывает, произошло это 31 декабря, в 23:59, пинком под зад, с выпотрошенным дипломатом и изрезанной парадкой, густо расшитой аксельбантами. Патруль, встретивший его наутро в поселке, с удовольствием добавил люлей. Что охладило чуркин пыл и желание подзависнуть на пару дней, дабы поквитаться с так унизившими его офицерами.

И вот история повторилась на другом уровне, а метелили компанию приезжих не столько офицеры, сколько бывшие молодые и духи. Отобрали несколько ножей, на трофеи ка-

кие-то кроссовки, часы. Сняли подходящие кому-то фирменные джинсы. Деньги и побрякушки предсказуемо не трогали – считалось, что это уголовка, да и пусть будет на что уехать. Сами не пострадали за явным превосходством и лютой мотивированностью. Только один ефрейтор испортил сапог – все сбежались посмотреть на ножевой порез на носке.

Следует признать, что времена сейчас стали более... вегетарианские. Драк стало меньше, свобод, правда, тоже. Но, подумаешь, заперли, фактически, ни за что, но не убили же, и даже не избili.

Бонда проследил глазами за тщедушной фигурой капитана и быстро-быстро нашвырял досок из ящика на дно карцера, уложив под водой в самом глубоком месте. Придавил половинками кирпича, что впрочем, было излишним – распёртые доски почти не всплывали.

Бонда затащил один ящик в помещение и демонстративно поставил посередине. Вернувшийся через десять минут капитан ожидаемо махнул на него: не охренел ли, убрать на место, сунул в руки сборник уставов и захлопнул дверь.

Бонда перетащил доски и кирпичи в противоположный более мелкий угол, быстро соорудил подобие лавочки, еле выпиравшей над водой, достал из кармана несколько ржавых распрямленных гвоздей и повбивал их в щели между кирпичами стены. Залез с ногами на край досок, постелил мятого «Красного бойца», и снял сапоги и портянки. Развесил их по стене для просушки, сел, поджав ноги, на развернутый посе-

редине устав, и достал позавчерашнее письмо.

Глава 44. О жабе и маралах

– Александр, мы разговариваем с Вами уже достаточно долго, и у меня сложилось впечатление, что при всей вашей проницательности и некоторой информированности, зачастую вы совершенно не углубляетесь в то, чем окружающие вас люди живут, что у них в семье, где они ранее учились, работали? Как-то поверхностно относитесь. Как будто это вам неинтересно?

– О-о-о, а это действительно хороший вопрос! Всё же изменилось... Обладать сомнительными по объективности знаниями при таком обилии событий, когда всё, слышите – всё, стремительно меняется, преобразуется, исчезает, появляется? Когда сведения могут устаревать в течение суток? Зачем? И как успеть это все профильтровать?

А каких высот достигло искусство блефа? Какие возможности появились для желающих пускать пыль в глаза? О-о-о, это отдельная история. Можно было имитировать очень-очень многое. Взять напрокат престижный автомобиль, смокинг. Снять, скажем, соответствующие апартаменты на какие-то часы или сутки, или яхту с командой. Заказать персональную охрану, девушек-моделей для эскорта, устроить целое шоу с фейерверком. И это всё порою на кредитные деньги!

И – пожалуйста: хоть сватайся, хоть задатки бери любо-

го рода! Входи в интересующие тебя клубы. Если не раскусят. Сразу или попозже. Хлестаков и Остап Бендер – жалкие фигляры на фоне новых авантюристов.

Впрочем, иногда, даже не иногда, а чаще всего, выдавать желаемое за действительное приходилось мелким клеркам на службе. Дабы не выпасть из бюджета. Вот, посмотрите, дорогие коллеги: это мы с женой на Мальдивах, вот фото, вот вам сувениры, сейчас некогда, а вот завтра расскажу, что там есть. И про себя: только методичку изучу за ночь, что там такое есть на этих Мальдивах. И где они вообще.

Были целые агентства, предоставляющие всё для отчета о «поездках» – от магнитиков на холодильник, до авиабилетов и коллажированного видео.

Естественно, это было находкой для круто загулявших мужей или жён – всегда можно было отчитаться о командировке в какой-нибудь Забобруйск и навезти оттуда аутентичных поделок из дерева или местной водки.

При должном уровне фантазии обходились и доморощенными способами. Товарищ один регулярно «ездил» на Алтай, втридорога покупая пантогематоген и бальзамы у проводниц соответствующих поездов.

Так что... всё стало непросто. Да, конечно же, обладать более полной информацией иногда было бы неплохо. Но... информация информации рознь. Всё равно при серьёзных раскладах объективные данные получались не от самого индивидуума. А при несерьёзных...

А зачем? Зачем мне углубляться в чужие персоналии? Почему меня должна интересовать личная жизнь конкретно-го человека, если я с ним пересекаюсь, может быть, совсем ненадолго? То, что он посчитает нужным сообщить – сообщит и так, я думаю.

Быть же излишне навязчивым и любопытным, кстати, с некоторых пор стало неприличным. Особенно в частной жизни. И это, я считаю, правильно. Некрасиво интересоваться чужими доходами, ведь, как я понимаю, любая, даже правдиво названная цифра будет относительна. У кого-то горох крупный, а у кого-то жемчуг мелкий. Кому-то будет стыдно за размер, а кому-то стыдно за знание полученной цифры. Сам вопрос может прозвучать как оскорбление, да! И, возможно, после ответа отношения сторон значительно поменяются. Навсегда. А существует еще и аспект безопасности. И физической, и карьерной, и налоговой, и психологической.

То же самое и по другим... нюансам. Лучше без необходимости не шерудить.

Поэтому об уровне достатка можно было судить косвенно по внешним признакам – марке автомобиля, размеру жилья, одежде, местах отдыха и так далее. Но, повторюсь, не всегда достоверно. Скажем, я мог иметь приличный, но скромный внедорожник, одеваться вообще невзрачно, но в кармане у меня порою лежало несколько тысяч в валюте. Просто на всякий пожарный. И мне принадлежала пара магазинчиков, каждый из которых стоил в хорошие времена в несколько

раз дороже моего джипа. И, главное – производство риссандеров²², где аффилированными лицами были мои близкие и недалёкие родственники. Жильё еще в пяти регионах. Так себе жильё – гостинки-малосемейки, но тем не менее. А знали об этом только те, кому положено. Я просто не хотел демонстративно переходить на другой уровень потребления.

Во-первых, это влекло дополнительные риски, которых я не хотел. Хватало и имеющихся.

Во-вторых, я не хотел привыкать к хорошему. Даже не так: привыкать к отличному. Более отличному от... всего хорошего классом ниже. Человек ведь натура такая – в гедонизм вытягивается махом, а сверху падать больше, чем со скромного уровня потребления.

Просто я не верил, что хорошие (относительно конечно) для мелкого бизнеса времена, продлятся долго. И имел твёрдые убеждения, что всё это уж точно... не навсегда. И оказался прав.

Хотя, у некоторых моих знакомых, так же не уверенных в завтрашнем дне, было другое мнение. Они считали, что пока есть возможность потреблять по максимуму, надо это делать. Будет, что вспомнить. И они были по-своему правы.

Я бы с удовольствием делал бы то же самое, но существовало моё личное «в третьих»! Оно происходило из каких-то моих внутренних убеждений в том, что потреблядство – это

²² Электронно-механический прибор собственной разработки с высокой добавленной стоимостью.

стыдно. А роскошь – это понятие относительное, но для себя я его определял как приобретение чего-то такого, без чего вполне можно и обойтись. Не особо потеряв в имидже, здоровье и безопасности. Если достаточно А и б, то проживем и без ААА, аа, Б, В, в и т. д. Появится необходимость – купим!

Было и «в-четвертых». Жаба душила распылять ресурсы на потребление в то время, когда ранее можно было сэкономить на кредитах, а в более сытые времена увеличить оборотные средства.

В принципе, все ранее названные мною моменты прекрасно накладывались на последний.

И знаешь, майор, всё это в перспективе хорошо работало! Когда-то, совсем давно, я не мог себе позволить кожаную куртку и норковую шапку, но обладал личной квартирой и вазовской копейкой. Потом я не мог себе позволить крузака и норковую шубу для жены, но жил в большом собственном доме, отдыхал за границей, а в обороте крутились приличные для несостоявшегося инженера суммы.

Однажды наступили времена, когда я не имел почти ничего, но все, кто был мне дорог, уцелели и выжили.

– А что наступило потом?

– А я не отвечу. Но... всё имеет свой срок, цикл и рано или поздно заканчивается. Невозможно предусмотреть всё. Процентом на семьдесят ты это сделать обязан. Да. Но нужно оставлять место в жизни и для Всевышнего. И не факт, что он пошлет благую весть!

Для меня иногда было проблемой... понять, что он ниспослал мне – наказание за мои грехи, или испытание, чтобы я стал сильнее для будущих схваток... После испытания обычно наступало *избавление* от страданий и какая-то соразмерная награда. Просто из ниоткуда. Неожиданная. Чудо. Я расскажу как-нибудь тебе про тигра. Напомни.

– *А после наказания?*

– Наказание было *необратимым*. Потеря чего-то дорогого для тебя. Или кого-то. Не всегда физическая. Но навсегда. Иногда изощреннее. Например, утеря тобой каких-то навыков, качеств, здоровья.

Но иной раз всё становилось настолько сложным, что я терялся в догадках... Давай, замнём эту тему...

Со временем, я помудрел, и уже осознанно предпочитал инвестировать в ощущения, а не в вещи. Никто не отнимет только то, что я видел, и то, что я ел. Так кажется? Добавлю: и память о тех, с кем я спал. Шутка. С долей шутки.

– *Хорошо, вернемся к началу разговора. Стало неприлично, как вы выражаетесь, лезть в чужую жизнь, делится сокровенным и не очень... Но невозможно же жить в вакууме? Взаимоотношений не избежать.*

– Скажу по-другому. Я старался *не приближать* к себе людей настолько, чтобы чувствовалось их дыхание. А вдруг оно окажется зловонным? А вдруг приближенный мною для более тщательного рассмотрения или приблизившийся по своей инициативе человек поймёт всё неправильно и поле-

зет в моё личное? Как ты сейчас... И зачем оно мне надо?

А опыт разочарований уже давно был богаче... опыта очарований. Приятно удивить меня со временем стало почти невозможным. Иногда, в приватной обстановке вылезало такое! Что лучше б я этого не знал. И тогда мог бы годами ровно общаться с человеком, не думая о размерах и природе его тараканов.

В каждой избушке – свои погремушки... Но, можно же и на крыльце договариваться!

Поэтому, в обычной обстановке, я предпочитал не искушать судьбу, и зачастую, даже с понравившимися женщинами старался продлить конфетно-букетный период, его очарование и лёгкость.

Степень доверия же зависела от близости круга, в который входил данный конкретный человек. Упрощённо говоря, другу позволялось больше, чем приятелю, приятелю – больше, чем хорошему знакомому, хорошему знакомому было позволено больше, чем просто знакомому, просто знакомому – больше, чем незнакомцу.

Но это – в общем! А в частности – я мог продемонстрировать бóльшие искренность и доверие незнакомцу, чем давнему знакомому, которого я знал, как облупленного, и к которому обратился бы в последнюю очередь.

Я уверен, что шанс белого листа, на котором формируется моё мнение о незнакомом человеке – это его святое право! Я всегда был против предвзятости. Я учитывал репутацию, но

при возможности предпочитал составить собственное мнение о человеке. Давая порою шанс это реноме подправить. Это было благодарным делом...

Со временем я стал редко ошибаться в людях. Осознал когда-то, что, в конце концов, даже некоторые очень отрицательные персонажи могли б где-нибудь да стодиться. При условии возможности манипуляции ими. Или их добровольного согласия. Было такое. И не раз, и не десять.

В жизни как в тетрисе – любая загогулина, если постараться, может найти свое место. А уж если поработать напильником! А если товарищ эластичный, то загнать его на нужное место – лишь вопрос силы твоего давления. И силы его сопротивления... нахлынувшим на него приключениям. Сопромат – наше всё!

А вообще, я могу уже сейчас, так сказать, резюмировать: те, кто эластичностью не обладали, а твердо гнули своё, неважно какое, плохое или хорошее во всеобщем понимании, в результате всех потрясений или поломались и исчезли, или... в итоге встали на свои места. Откуда их уже... просто так не скovyрнешь.

Я ведь и сам ходил... на эти грабли. Но твёрдость моих убеждений и сила характера соединялись с гибким умом, признающим несовершенство мира и возможности некоторых компромиссов. Со способностью к самосовершенствованию и с изрядной долей здорового авантюризма. Поэтому и выжил. При всём своём бешеном жизненном темпе.

Наверное, в нарисованных мною координатах, я представлял собой классические нунчаки. Вроде палка палкой, но возможностей больше. И в качестве инструмента – более ценное приобретение.

Вот этим и жил, получается... всё время. В умелых руках летал со свистом, дуря от собственной лихости, а в неумелых – бил хозяина по его же голове, или заднице, и улетал в сторону. С разными степенями собственных повреждений. И отлёживался там, ха-ха, до лучших времён.

– Про... жсенин. Я не понимаю принципов вашей морали. Вы же позиционируете себя как высокодуховного субъекта.

– Э-э, вот этого тут не надо! Мои принципы очень часто расходились с общепризнанными нормами морали и действующим законодательством, даже тогда. Сейчас...

– Мы это наблюдаем.

– Да и ладно! Вы и сами-то... не особо скованы условностями. Почитайте для начала основной закон, вдумчиво, не для громыханий на трибуне, а потом скользните по законодательству вниз по степени важности. Обещаю, откроете для себя много нового!

Это, впрочем, всегда так было. Сейчас еще ничего. Очень даже ничего! Миллионы потом даже мечтали... вернуться в ваш застой. Вдруг осознали, что никогда не жили лучше, чем в советское время. Особенно в республиках.

И материальный расчет тут порою не на первом, да и не на втором месте. Нас просто лишили великой светлой цели, к

которой вели кругами, а потом столкнули в овраг. В болото. В темноту. Россыпью. Вы уж там как-нибудь сами карабкайтесь. У нас теперь человек человеку лупус ест.

А по семье. По традиционной семье... Всё изменилось. Просто однажды наступило время, когда людей, находящихся в браке, стало меньше, чем не обремененных формальными обязательствами.

Я объяснял это для себя «принципом попутчиков». Пока у вас большинство интересов и направление движения совпадают, вы идёте по жизни вместе. Встретится развилка, может и разойдетесь. Пойдете с кем-то другим или в одиночку. Возможно, потом, где-то дальше, снова сойдетесь – это тоже не редкость.

Я не про любовь, которая, как выяснилось, всего лишь сложная система химических реакций. Гормон играет, да, это действительно так! В конце концов, все процессы, происходящие с человеком, лишь взаимодействие веществ.

Но вы же понимаете, что даже банальное опьянение опьянению рознь. Можно травиться тысячами разных способов. И реакция на них индивидуальна.

Так и с хороводом чувств. Когда все отходит на второй план, расплывается, а ты видишь только ее, думаешь только о ней. Ищешь малейшие признаки взаимности, твоё настроение скачет по синусоиде с бешеной амплитудой. Это настолько сильно и глубоко, что... ради этого стоит жить!

Скажу крамольную во все времена мысль, но я уверен, что

слова про «единственную и неповторимую» – это... всего лишь слова. Та же синусоида рано или поздно снижает свой разбег, становится глаже и глаже, рискуя порою... ужаться в прямую безразличия.

Более того, я уверен, что если не подбрасывать в пламя любви новые порции топлива, то рано или поздно костёр задохнется. И поддерживать этот огонь желательно обоим.

Иногда пытается что-то сделать только один. Из последних сил, постепенно замерзая в поисках новых дров. Жалкое зрелище. Честнее, если мужчина и женщина (да, такой вот я нетолерантный, других вариантов не приемлю, не понял да? И слава Всевышнему!), взглянув друг на друга, одновременно уйдут в ночь. Незмочаленными. К другим... кострам.

А секс – это только секс. Физиологическое действие с ощущениями разной степени удовлетворённости.

Сейчас в это сложно поверить, но однажды наступили времена, когда жены давали мужьям денег и отправляли к проститутке. Иногда. В медицинских целях. Чтобы не было никого на стороне. И ничего, способного в потенциале разрушить союз.

А стареющие мужчины покупали своим любимым молодых самцов. Это значительно реже, но встречалось в некоторых... социальных прослойках.

Инвалидам дарили секс-услуги. Скинулись, например, боевые товарищи, купили сослуживцу годовой абонемент. И приходит по понедельникам небрежливая стареющая гетера.

Оказывает посильную помощь.

Молодёжь набиралась опыта у взрослых, годящимся им в родители. Или у специально обученных людей. Состоятельные старики заботились о молодых содержанках. Подолгу заботились, медицина шагнула вперёд.

Это всё не стало повсеместно распространённым, но перестало являться ненормальным. И даже не резало глаз. Это... вселяло надежду. На нескучную старость. Ха-ха!

Наличие же нескольких партнёров в течение жизни у одного человека, иногда параллельно, давно стало обычным. Мало ли? Просто он, или она, в поиске! Ищут свою половинку. Пока не нашли, но процесс идёт! Для кого-то процесс стал важнее результата. Это тоже нормально. Это – жизнь!

Но всё это... обычно не имело отношения к высоким чувствам. Как и раньше – проститутка целуется в губы только с любимым человеком. Не с клиентом. Буквально эта фраза давно стала анахронизмом, но по сути... Замени «поцелуй» на «свяжет жизнь», и попадёшь в точку. Что порою не помешает ей заниматься тем же. Ради заработка или любви к искусству.

Я однажды попытался объективно осмыслить все эти чувства – дружба, секс, любовь, и пришел к интересному умозаключению. Что верна формула «любовь = дружба + секс». Что-то одно исключаяешь, и суммы не получается. Позднее, несколько помудрев, добавил еще одно слагаемое, названное мною «неизвестное слагаемое, из другой системы коор-

динат». Иногда, в силу его незначительности, любовь можно спутать с сильной привязанностью. Но вдруг... Оп! Вот она, искра! Понимаешь, что не так всё здесь просто!

А порою искрит так, что слепит даже не очень внимательных окружающих! И иногда... на этом «электричестве» начинаются или заканчиваются войны...

Глава 45. IN CAMERA CARITATIS²³

– Ваша честь! У меня большие планы на ближайшие пять лет, и в них никак не входит изучение быта мордовских педерастов! Давайте уже прекратим этот балаган, я думаю, у вас персонажей и без меня хватает. Более достойных.

– А, Вы нахал, Бондаренко, и хам к тому же! Мне рассказывали о вас совершенно другое.

– Она вас не обманывала, Ваша честь! Я хороший, чуткий и нежный. Отпустите меня, пожалуйста! Вон, посмотрите на свидетеля обвинения, по нему ж турма плачет. По теории Ломброзо, это как минимум удушитель, да ещё и, как мы все тут видим, лжесвидетель. Делай людям добро, называется! Давайте его порасспросим...

– Бондаренко, прекратите паясничать. Мы все здесь, с интересом понаблюдали ваше шоу, но не забывайтесь – это не цирк, а арбитражный апелляционный суд. И, по сути, я пока не вижу никаких оснований для отмены решения суда первичной инстанции.

– Ваша честь! А первые тридцать минут моей пламенной речи, это как? Двенадцать решений в пользу предпринимателей по аналогичным делам, это не прецедент?

– У нас не прецедентное право, Бондаренко, и вам это из-

²³ In camera caritatis (лат.) – без свидетелей, с глазу на глаз, под сводом взаимного уважения.

вестно. Тем более, что фискальные органы, в свою очередь, предоставили свежее постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда, а также разъяснения Минфина, из которых очевидно, что следует оставить решение Арбитражного суда в силе, а вашу апелляционную жалобу без удовлетворения. Дабы не нарушать единообразие в толковании и применении арбитражными судами норм права. Что отнюдь не прецедент. Съел, Александр Иванович?

– Блин, ты меня сделала! Хоть и не убедила. Короче, прекращаем эти ролевые игры. Надо что-то другое придумать, иначе действительно все продадем!

– Вы продуете по любому! И апелляцию, и кассацию. Надеюсь, не лезть выше у тебя ума хватит? Инспекция – это федералы. Им надо наполнять бюджет любой ценой, и судам явно дана установка валить всю мелкую шушеру, типа вас. От олигархов местного разлива они возьмут. И проявят принципиальность. И для статистики неплохо – не всё фискалам выигрывать. А вы что? Пыль! Решать надо было на стадии проверки.

– Ты же знаешь, что это было бесполезно. Им с области указивка пришла, они в усердии расшибли лоб. В служебном рвении. Там по любому бы докопались. Хоть до чего. Денег жалко. Это несколько лет работы! Это моё здоровье и время, потраченные зря. Обидно.

– Да ладно, ты мне честно скажи – знал же, что проиграешь? Чай-то пей, остынет. Адвоката поэтому не взял?

– Верись, нет! Я был уверен, что уж тут-то все очевидно. Всё ж по вашим сраным законам. Всё прозрачно. Я искренне не ожидал такого беспредела. Я верил, что в суде всё решится. Что там нормальные люди сидят. Первые два заседания был уверен. Я, стыдно признаться, и сейчас еще надеюсь...

– Не надейся, судьи не сентиментальны. Ты для них коммерс, с менталитетом коммерса. Не служака. А они – правосудие! И других государевых людей, без очень уж веских аргументов или звонка, наказать не дадут. А у тебя таких аргументов нет, и то, что ты считаешь таковыми, для них не серьёзно. Тут придворные адвокаты гонорары берут больше, чем сумма твоего иска.

– Да ну?!

– Да, Бондаренко, да! Причём себе они оставляют процентов двадцать. Хотя клиенту втирают, что только пять. А ты тут правосудие побрёл искать!

Глава 46. Беседы комбатантов

– Утверждать, что события, происходящие в мире, не имеют под собой соответствующей подоплёки, это – то же самое, что говорить о случайности, – Наглер в обычной своей манере нервно расхаживал по учительской вперед-назад и скорее рассуждал, чем пытался кого-то убедить. – Повторю: это то же самое, что говорить о случайности событий в конце восьмидесятых...

Он подошел к окну, опустил конспект на перемазанный подоконник, посмотрел вниз и закурил. С седой головой и багровым загаром издали Наглер напоминал негатив самого себя, только несколько лет назад. Разве что залысины на лбу стали отчетливее.

– Очевидно ведь, что Советский Союз не развалился сам по себе, – продолжил он. – Этому предшествовал комплекс мер, реализация которых способствовала как непосредственно ослаблению государственных институтов и подрыву экономики, так и запуску процессов, направленных на изменения в сознании людей. В головы вбивались постулаты индивидуализма, стяжательства, подменялась система ценностей.

– Да это вы со своей конторой всё просрали... и слили, – подал голос дремлющий в кресле Чечен.

– Мы? Замечательно! А, вы, блядь, орлы горные, у себя

раскачали и воспользовались! – парировал Наглер.

– Следи за помелом, начальник! – вскинулся Чечен. – Да, время показало, что к независимости мы не готовы. Менталитет не тот. Мы – воины, не чиновники! Допускать наших до власти по идее вообще нельзя! На любом уровне.

Народ поднял головы и начал прислушиваться. Стало неожиданно тихо.

– Как, впрочем, большинство... любых кавказцев... и чурок, – ляпнул Чечен и тут же сконфуженно поправился: – Азиатов. Касыма нет? Хорошо. Любых. Для нашей же пользы. Назначенный главврачом начнет подтягивать всех своих, неважно какой ты доктор или медсестра. И завтра там нельзя будет лечиться! Директор предприятия назначит главным инженером своего племянника-барана, который купил диплом. Надо, чтобы наверху были честные и справедливые, которым без разницы, из какого ты тейпа. Профессионалы, а не по блату!

– Ух, какой ты у нас сегодня самокритичный, – засмеялся Наглер, – чего-то даже страшно. Ничего такого не съел?

– Это потому, что он один тут такой, – заметил Чапа, – было б больше, так только б письками и мерились.

– Завалите свой поганый рот! – не поворачивая головы, продолжил Чечен. – Вас не спрашивали! Я очень серьёзно. У нас многие понимали, что без России будущего нет. Знаешь, когда в зал не приходил тренер, мы назначали тренером кого-нибудь из своих, любого опытного, кто знает порядок

проведения разминки и тренировки. Потому что самостоятельно... каждый сам по себе... не шло ничего. Несерьёзно. Только по команде, все в одинаковых условиях.

Чечен замолчал, достал из гламурного портсигара самокрутку, запалил, несколько раз жадно затянулся и вдруг неожиданно заявил:

– Я вообще считаю, что лучшие чиновники – это немцы! И исполнители, и руководители. Им это еще и нравится до усрачки!

– Вот вы их в ту войну и встречали хлебом-солью! – сказал Чапа с усмешкой.

– Я не встречал! – огрызнулся Чечен, и повторил значительно, с упором на местоимение, – Я – не встречал. Ни их, ни тебя!

– А ты хорошо ответил, Генацвале Вайнахович, – заметил Бонда. – Меня во все времена бесило, когда вылезет вперед какая-нибудь гнида и начинает в стиле: «Конечно, мы все виноваты в том, что произошло. Мы все голосовали за Иванова, все голосовали за Петрова, мы все желали победы народу Чуркестана!». А я говорю: «А с хера ли ты за всех говоришь? Я вот себя виноватым не считаю, ни за одного из этих пидоров не голосовал, ничего такого не желал и имею право слать вас лесом!»

«У нас нет порядка... Мы должны покаяться!»

А у меня, блядь, порядок есть, и каяться я не собираюсь! В советское время помню, ненавидел субботники по уборке

мусора. Я его, мусор, блядь, не кидаю! С хуя ли я его должен собирать?! Потом, правда проникся, с возрастом. Что проще подмести и подчистить, чем видеть... нечистоты... раздражаться и терпеть. Иногда.

– Но это ведь не совсем про субботник, не так ли? – раздался сзади тихий голосок.

Бонда вздрогнул от неожиданности, но, не подав виду, обернулся. Ожидаемо. Ходырев нарисовался.

– Надо же! Гороно пожаловало! – усмехнулся Бонда. – Да ещё с подъёбонами. Исключительно про субботник, господин прапорщик!

– Почему сразу прапорщик? – поморщился Ходырев. – А если я человек гражданский?

И тотчас поправился:

– В смысле, к воинским званиям отношения не имею?

– Потому что ты у нас кусок, – заржал Чапа, – ты же представитель военторга и овощебазы. Шматко, блядь нерусская.

– На строевого офицера ты не похож ни разу, даже по комплекции, – продолжил Бонда, – Да и возрасту. А подполковники у нас, похоже, со слов нашего кавказского друга, исключительно нохчи. И все полковники тоже. И один майор.

– Два майора, – нарочито вежливо поправил его Чапа. – Чечен рассказывал про майора – младшего племянника, и про майора – сына хозяина бензоколонки.

– Я про второго не слышал, – засмеялся Бонда, – но он, конечно же, из спецназа?

– Ко-о-онечно! Иначе никак! Других не держат.

– И он – чемпион мира по?

– Он был чемпион России по тхэквондо, – спокойно уточнил привыкший к подколам Чечен.

– Охотно верю, – сказал Бонда, – я знал троих чемпионов по разным версиям единоборств. Все они были из моего города... Кстати, вполне достойные люди. Ну, повезло им – ехали в шапито анапском выступать, а оказалось, это целый чемпионат мира! Даже какие-то хорваты приехали. У всех, конечно, по-разному, но соревнований много всяких тогда было. Я сам чуть не стал чемпионом города по кекусинкаю в своем неудачном весе. И проиграл-то обидно – в дополнительное время, по очкам. В 90-м году. Сразу выбил одного, другим уже меньше соперников осталось. В итоге, мне дышалки не хватило. Я как тигр – долго драться не люблю.

– Мужики, – раздался высокий голос новенького спеца, – а почему у нас на шевронах тигра, а отряд называется «Багира»?

– О! Наконец-то! С почином! – Чапа покатился со смеху, другие заулыбались – вопрос был традиционный.

– А это вы у Бонды спросите, юноша, – улыбнулся Наглер, – его идея была.

– Для конспирации, сынок, для конспирации, – вздохнул тот.

Глава 47. Угроза

– Ты просто не представляешь, насколько они оторвались от реальности! У меня родственник, будучи с товарищем по делам в районе Рублевки, решил, что раз уж в столице, да ещё и время лишнее есть, то не прокатиться ли? Хоть на заборы поглазеть. Для общего развития.

Как бы ни так! На подступах тормознули менты и очень вежливо посоветовали не мозолить никому там глаза своей шушлайкой. А автомобильчик, на минуточку, был почти новый француз гольф-класса.

Нахера вам нужны часы за полтора зеленых миллиона? Вы, блядь, госслужащие, откуда у вас?.. И, главное, зачем?! Нравятся цацки, ну и рисуйте друг перед другом в закрытых помещениях, меряйтесь... причиндалами, не раздражайте народ-то!

Туфли за триста тысяч, автомобили за двадцать миллионов. Безудержный, а порою бессмысленный хапок. Это я уже про местных. Вам-то зачем? Кого копируете?

В Москве, отравленной миазмами, другая атмосфера. Там мораль – всего лишь препона для рывка вверх, а насаждаемая религиозность – традиционный инструмент для удержания стада. Но у нас-то климат поздоровее! Хотя, когда все ветры веют оттуда, то чего ожидать?

И как вам, там наверху, можно верить? С чего вы решили,

что за вами пойдут? Вы не думаете, что бесконечное создание безальтернативной ситуации в стиле «а те, еще страшнее, чем мы», в конце концов, приведёт к тому, что большинство скажет: «Да нам уже похую, пусть хоть кто, только не вы!»? И на этот раз вам уж точно не выгорит...

Из любой безысходной ситуации выход есть. Даже если это самоубийство.

Глава 48. О национальном вопросе

Меня всегда удивляло, как быстро, попав в соответствующую среду, люди умудряются выучить разговорный иностранный язык. Я даже не про детей, это хоть как-то объяснимо.

Впервые увидел подобное в Советской Армии. В каждом призыве присутствовало некоторое количество азиатов из забытых аллахом кишлаков и мелких городков. По-русски, в отличие от более многочисленных кавказцев, они почти не говорили. Помню каракалпака, отказывающегося мыть пол в расположении. Он отводил взгляд и твердил как заведенный одну совсем неуместную фразу: «Нахуйнужна!».

Представляете? Мы, блядь, прослужили на полгода больше, и мбем! Не пищим. У себя же, в своей казарме, для себя! Это же нормально. Что втемяшилось в башку этому чурбану? Непонятно. Кто-то предположил, что у них мужчины полы не моют. Я же подозревал, что он был просто неправильно проинструктирован родственниками. А может и правильно, только у него всё по дороге повыветрилось.

Я в свою очередь пользовался несколькими тюркскими словами и выражениями в десятых годах, когда нанимал на стройки бригады джумшутов. Русский прекрасно знали только те, кому было за сорок. Кто прошёл Советскую армию. Причём большинство из них служило во вполне при-

личных родах войск, а не в стройбате, как думалось изначально.

Один узбек вообще два года балдел в ГСВГ. Мы как-то легко нашли с ним общий язык. И юмор Алишер понимал как надо. У него на родине была семья, куча детей и потихоньку, зимами, строился дом. Раза в два больше моего тогдашнего. Я стоял с ним у скользкого края глубокой и узкой дренажной канавы, аккордно вырытой в сырой глине за смешное время, курил и разговаривал. Потом он в разваленных тупляках лез на двухметровую чавкающую глубину, а я ехал на работу. Работу с людьми и документами. Подаренные мною ботинки Алишер категорично не надевал, берёт. А все сапоги и глубокие татарские галоши отдал молодежи. Им, в принципе, было напряжнее.

Отдавать хозяину бизнеса, ушедшему молодому узбеку, работягам приходилось, по моим прикидкам, до двух третей заработка. Тот, кстати, следил за плотностью загрузки работой, часто перекидывал временно высвобождающихся на другие объекты. Дабы не могли договориться напрямую и подработать, минуя бая.

У Алишера были планы сбить свою бригаду и начать работать на себя, но находилось множество причин, чтобы этого не делать. Я видел, что он просто не смог бы стать предпринимателем. Другая натура. Однажды, шифруясь, принёс новую фирменную бензопилу без упаковки. Попросил сохранить её несколько месяцев у себя, вместе с подержанной

электроплиткой, чтобы при случае с оказией отправить на родину. Потом как-то простодушно признался, что купил её тогда с рук, за копейки, у какого-то наркомана.

Мы ещё пару лет созванивались по праздникам. Потом он куда-то пропал. Однажды общий знакомый рассказал, что Алишер стал регулярно поддавать и нашёл в соседнем с нами городе бабу из местных. Приезжала делегация родни, пыталась образумить. Результат не очевиден. Менталитет у него был практически наш, тот ещё.

Я по природе своей интернационалист. Закостенел в этом плане в советском детстве и считаю этот подход единственно правильным. Но! Я ни хрена не толерантный, я – трамвайный хам, неполиткорректный, злой на всех, циник!

И в силу некоторой природной наблюдательности, повзрослев, я всегда учитывал, мягко скажем, некоторые особенности, присущие тем, или иным национальностям... Так сказать объективные проблемы конкретного субъекта.

Я знал, что узбеки – это азиатские евреи. Не конкретно бухарские, плавали – знаем, а в ином смысле. И однажды вывел для себя общую черту большинства представителей Средней Азии, их, так сказать, ход мыслей: если есть возможность кинуть, а ты ей не воспользовался – ты ишак! Тот, кто поверил тебе на слово – просто баран, а ты – упустивший шанс, безмозглый ишак!

Я приезжал со Средней Азии и радовался жизни. Радовался нашим социальным отношениям, цивилизации, безопас-

ности, наконец! Не знаю, как сейчас, но через пару лет студенток-проводниц там уже воровали прямо с перрона. А что стало потом! Эх!

Всё конечно относительно, но впоследствии я придумал себе такой психологический реабилитационный выверт – после посещения европейских стран, чтобы родина не казалась совсем уж варварской, проехать ненадолго к джумшутам. А потом уже, с радостью и облегчением назад, в Россию.

Жизнь показала, что обычно именно род занятий сближает несовместимых, казалось бы, людей. Зачастую, гораздо сильнее, чем место жительства, национальность или религия.

Тюменский водила-дальнобойщик имеет больше общего с трэкдрайвером из Далласа, чем со стилистом или андеррайдером, живущими по соседству. А фермер из Канады легче найдет язык с нашим фермером, чем любой из них со своими единоверцами и земляками, работающими, например в банке.

Хотя рост коммуникаций и увеличение свободного времени позволили тому же фермеру одновременно состоять в международных сообществах мотолюбителей и пользователей компьютерных авиасимуляторов. А еще он немного охотник, рыбак, отец троих детей (профессиональный отец), любитель легкого садомазо и кубинских сигар. А там, при развитии автоматических переводчиков, он элементарно может годами общаться с престарелой негритянкой, скрываю-

щейся под аватаром Наташи Фри. И ему по барабану, кто она на самом деле. Повторяю. Род занятий. Всё!

Однажды я зарегистрировался в сети как молодой симпатичный парень, и пару месяцев общался с собственной дочерью. Пытаясь узнать, что у нее всё-таки на уме. Подростки – они такие... Скрытные и недоверчивые... с родителями. Но не со сверстниками. Как мне показалось, я даже сформировал у нее какой-то положительный образ. Во всяком случае в будущем почти все ее молодые люди имели Что-то общее, и не вызывали у меня сильного раздражения.

– *И не стыдно?*

– Стыдно! Не представляешь – это хуже, чем читать чужие письма. Просто знаю, что не хорошо, без комментариев. Пришлось прекратить – увлеклась! Похоже, я стал самым интересным в ее круге общения. Тогда я признался, что на самом деле... мне аж двадцать два, я живу на Камчатке, скоро женюсь и вообще мне с ней скучно... А чтобы не было соплей, за неделю до этого, повёл себя заведомо некрасиво. Пришлось вспомнить способы безконфликтного расставания с надоевшими подружками.

Глава 49. Лиза

Бонда, не прекращая разговаривать, взял собеседника за локоток и скрылся за углом. Менее чем через минуту он вышел уже один, весёлый и возбужденный.

– А где этот... товарищ? – забеспокоилась Лизавета, помахав ладонью вправо-влево.

– Товарисч чего-то домой засобирался, живот заболел. А ещё он узнал много новых страшных слов, – успокоил ее Бонда. – Пошли уже, холодно... Руки мёрзнуть. Ноги зябнуть. Не пора ли нам дерябнуть?

– Фу, опять твои дурацкие стишки.

– Это не мои, Лиза, мои другие. Хочешь, прочитаю?

– Никакие не хочу. Расскажи лучше что-нибудь.

– Легко! Слушай: однажды ты вырастешь, выйдешь замуж, а потом поумнееешь и...

– И?

– И найдешь меня, дурочка!

Глава 50. Новая Вера

Сиреневая книга была о том, что всегда есть выбор. Даже когда тебе усиленно внушают, что его нет! Особенно, когда тебе его, казалось бы, не оставляют. Или за белое, или за черное. Предпочитаешь ли ты красное белому, или наоборот, но результат один – ты спиваешься.

О том, что на самом деле нет такого – или-или. Что выбор не заключается лишь между сионизмом и антисемитизмом, шариатом-шиаретом, коммунизмом-капитализмом. И не обязательно определяться – за мусульман ты, или за евреев.

Сиреневая книга о том, что над всеми стратами, над национальностями, над социальными различиями, над уровнями доходов, над политическими и экономическими пристрастиями, над родственными предпочтениями и особенно над религией – *есть только один позитивный критерий, по которому можно и нужно проводить расслоение общества.*

Ибо без расслоения не будет разности потенциалов, и не образуется ток. Не будет зон высокого и низкого давления, и не возникнет ветер, наполняющий паруса. Не появится живительная энергия.

И критерий этот – ум, интеллект. И ограничен он только рамками *новой морали*. Новые правила. Новая жизнь.

Я хорошо помню, как это всё было. Всё стало реаль-

ным после появления возможности неоспоримо и объективно оценить то, что представляет из себя конкретный человек. Возможности поставить его на конкретную полочку... до следующей инвентаризации. После которой он может сместиться в любую сторону. Или сохранить своё место. Место... Мда... Любой может найти своё место в жизни, если есть такое желание. И занять его, если есть соответствующие способности.

Гении-уголовники творят в комфортных тюрьмах. Не будет результатов – переедут. Туда, куда пармезан на заказ не привозят. И они об этом помнят.

Тунеядцы принудительно заняты тяжёлым и не очень физическим трудом. Кто-то ведь должен исполнять и не самые популярные в обществе обязанности. Которые, порою, неплохо оплачиваются, так как требуют определенного уровня, недоступного ленивым, но недалёким ребятам.

Развивать мозги стало выгодно не только ради карьеры и/или денег. Имелись и другие факторы. Тупые мальчишки вынуждены жить с тупенькими некрасивыми девочками.

Красивые же, но необремененные интеллектом, имели больше шансов. Страна большая, работы много. Сексизм? Или наоборот? Как утверждал мой товарищ с Севера: «поскольку штатное расписание позволяло, то мы предпочитали красавицу с тестером или за мониторами, чем занудный синий чулок, тем более, что все делать по-любому приходилось нам».

Я говорю ему так, с намеком: «А поговорить?» А он мне: «Ты приоритеты правильно расставляй – поговорить мы и с собаками можем. Тем более что связь – круглосуточная и безлимитная, говори хоть с Биробиджаном, если желание и время есть». А я от себя к этому добавлю: «И доступ, разумеется».

Глава 51. Наказание

Он запрокинул ему голову и, ломая гнилые зубы, влил в горло одну за другой две бутылки водки. Вытер руки, подождал немного и кулём усадил на водительское сидение. Просунул его левую руку сквозь рулевую колонку и зацепил браслетом часов за кулиску. Снял ботинок и подсунул под педаль. В темноте блеснул осколок бутылки.

– Пошли! – махнул он пацану. – Подтолкнём, пока никого нет.

Восьмёрка, ломая кусты, неуклюже покатилась под откос и плюхнулась на рельсы почти под мостом.

Послышался шум приближающегося поезда. Тут сплошные повороты, дорога огибает хребты, еще минут семь минимум.

– Время, – сказал Бонда, – валим!

– Почему мы это сделали? – спросил отогревшийся в джипе пацан. – Почему так?

– Отвыкай задавать глупые вопросы. Вырастешь – поймёшь, – сказал Бонда и, помявшись, добавил: – Я же не папач, и не Господь Бог, такие решения принимать. Поэтому, если этой падали суждено выжить, то значит так и должно быть.

– Он бы с тобой не церемонился!

– Наверное. Не знаю. Но, может быть, поэтому я здесь, а

он – там. Так надо! Чтобы шанс оставался. Не нам решать.
Мы *на подхвате*.

Он плюнул в ладонь, затушил сигарету и бросил на коврик под ноги, но, подумав, достал вторую.

– Я однажды наделал делов. Вроде бы ничего такого, – он махнул за спину, – но... по последствиям гораздо хуже. Здесь-то только чище станет, а тогда...

– Здесь мы тоже ещё ничего не знаем...

– Мы вообще с тобой ничего не знаем. Что бы ни произошло.

Глава 52. Аверс

– Вот смотри, предположим, что он говорит правду. Я сказал – «предположим»! Пусть даже не всю. Но мы допускаем, что он действительно прожил еще икс десятков лет. Что, помимо информации, причем недостоверной, мы можем с него снять? Подумай, не торопись, мне это тоже не сразу в голову пришло.

– Сложно вообще допустить такое, абсолютно дикая ситуация, но всё ж таки можно попытаться проанализировать в следующем ключе: первое, по информации. По ее достоверности. И поскольку ни один детектор не выявляет фальши, принимаем ее за... условно достоверную. И делаем соответствующие выводы.

– И как ты себе представляешь наши доклады? Нам тут паренек нашептал, что скоро будет ой-ой-ой и ай-ай-ай? На основании чего? Мы материалисты. Так что информацию собираем, выводы делаем, но подтверждаем другими источниками. Ты меня понимаешь?

– Да.

– И это хорошо. Во всяком случае, направление нам известно, а это уже полдела. Теперь я тебя слушаю дальше.

– Второе, по нему самому. Как по носителю этой информации. Мы имеем факт его успешного дожития до некоторого времени. До того времени, до которого он... там дожил.

Что составляет... икс десятков лет. В течение которых... он может себе позволить... рисковать. Да, правильно, безнаказанно рисковать. Точнее не он, который Бонда, а молодой человек, который не искушен. Личинка, зародыш. Что можно соответствующим образом использовать. В безнадежных ситуациях.

– Правильно, он у нас Кощей... до поры до времени. Только есть два «но». Во-первых, мы не знаем, что у него за спиной. В чём он участвовал и в какое время. Послужной список. А во-вторых, неизвестно – не было... не будет ли у него подобных перемещений, скажем, лет через несколько.

– То есть я вас правильно понял? Вы именно это имели в виду? Про Кощея?

– Да. А с кем ему биться будем решать мы. Усёк, Сергей Сергеевич?

– Конечно. Очевидно, в этом ключе следует уделить внимание поздним периодам. Выяснить его состояние, цели, мотивации. Информация поступает ежедневно со сдвигом на обработку в семь-десять часов. Включая доставку.

– Уточни: при наличии этой информации.

– Да. При её наличии. На сегодня нам известны шесть периодов. Продолжительность достоверно неизвестна, ориентировочно от пятнадцати часов до нескольких суток. Периодичность не вычисляется, вообще никак. А вот ограничения по перемещениям налицо. Но характер локализации и радиус действия выяснять опасно. Считаю нецелесообраз-

ным оказывать любое давление... Но вообще, можно что-то и упустить. По таким задачам следует работать с профессиональными аналитиками.

– А вот эту роскошь мы себе позволить не можем.

Глава 53. Шестьдесят девять

– И что это сейчас было?

– Ликбез, Вика, ликбез. А ты думаешь, камасутру глупые люди придумали? И это только первые пять страниц. Прелюдия. Тебе хоть понравилось?

– А разве по мне не видно? Я до сих пор вся... во впечатлениях.

– Так сходи, помойся! Потом покурим и продолжим.

– Не-не-не! Ехать надо. Мне еще автобусом три часа тащиться. Да и...

– Чего «да и»?

– Мне стыдно, но я уже ходить нормально не могу!

– Не аргумент. Пусть все завидуют. Если всё пойдет нормально, ты через неделю сидеть не сможешь. Когда будешь потом на пенсии мемуары строчить, напиши, что секс в Советском Союзе был.

– И ещё какой! А почему был? Ты намекаешь, что я старость могу встретить за границей? Или у нас через тридцать лет дети только из пробирок рождаться будут?

– Ни то, ни другое, увы. Но первый вариант поинтересней, да? Среди небоскребов и мерседесов?

– Не провоцируй, Саша. Пожалуйста, не надо. Кто знает, как всё сложится? Может быть, мы там встретимся. Через несколько лет. Ты в смокинге, я в бриллиантах. Случайно.

Или неслучайно.

– Как Штирлиц с женой? Посмотрим издали друг на друга и разбежимся?

– Ну почему сразу разбежимся, выпьем кофе... поговорим. Не по-русски.

– Вай нот? Поднимемся в номера, и уже по-русски – эгей-гали-гали! В смысле напьёмся.

– Слушай, а правда, что вас учат... пить и не пьянеть? Или есть всё-таки таблетки специальные?

– Не-е, нас всех по-разному учат. Никто не знает, кого чему. Специфика разная. Я вот по женщинам больше, сопромат, ну ты поняла. Кого-то – другому... Но занятия есть общие – стрельба там, языки, физподготовка, технические средства. Короче, я ж не спрашиваю, тебя чему учат. Учат же чему-то? Или тоже... Подписка?

– Конечно, подписка. Только... нечем хвалиться. Один раз Югославия, два – Чехословакия. Сопровождение групп. Наших. И всё лето и декабрь – Золотое кольцо. С их туристами.

– Ихтуристы, они такие! Разные. А ты, гидесса, типа?

– Гид и есть. И переводчик. Э! Ты меня не сдай только! Ляпнешь сдуру где-нибудь!

– Не дрожи, я ж как мальчиш-кибальчиш, все тайны забываю. Хочу вспомнить, а не могу! Даже про твоего лысого друга.

– Какого лысого? У меня нет таких!

– Будут ещё, Вика, и возможно не один. Забудь. Шутка! Ты обычно, чем промышляешь? Здесь, я имею в виду.

– Бумажки перебираю. Плюс техпереводы. Изредка, занесет если кого, синхроню.

– А давай сейчас языками позанимаемся? Синхронно. Кто первый не выдержит, тот проиграл! Шестьдесят девятая страница...

Глава 54. О реформах

– Маркетинг? Иногда, это всего лишь порождение потребностей, чуждых природе человека. Понуждение к трате ресурсов. В то время как для общества было бы полезнее, чтобы индивид не жрал в три горла, настороженно озираясь и вызывая неоднозначные эмоции, а приносил пользу. Или хотя бы не вредил.

А неравенство, оно ж... относительно. По сути, человеку для удовлетворения его потребительского эго надо немного. Иногда, чтобы у него фуфайка была синяя. В то время как у большинства других – чёрные. Точно?

Необязательно иметь дворец. Да и небезопасно. И накладно. Ну уж если очень хочется и можешь себе позволить... Тогда и торчи белой вороной, легче отслеживаешься. А ведь мог бы просто арендовать на время. Хотя, конечно, затягивает это всё. Мы однажды жили вдвоём с женой... на трёх этажах. В своем доме. Дети выросли, поразъехались. И ничего. Нам нравилось. Кошкам тоже. Человеку свойственно быстро привыкать к хорошему. Впрочем, к плохому тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.